

Р.о. мсс. 55 Р

112

**СОЧИНЕНИЯ
КАРАМЗИНА.**

=

I.

В.Г.

142

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чѣобы по ошпечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комисіи при экземпляра.

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Изданіе книгопродавца Смирдина.

Я хопѣлъ при новомъ изданіи многое перемѣ-
нилъ въ сихъ Письмахъ, и... не перемѣнилъ по-
чти ничего. Какъ они были писаны, какъ удо-
стоились леспнаго благоволенія Публики, пуспъ
такъ и оспаюпся. Песпроша, неровноспъ въ
слогѣ еспъ слѣдспвіе различныхъ предметовъ,
кошорые дѣйсспвовали на душу молодаго, неопыш-
наго Русскаго Пупешеспвенника: онѣ сказывалъ
друзьямъ своимъ, чпо ему приключалось, чпо онѣ
видѣлъ, слышалъ, чувспвовалъ, думалъ — и опи-
сывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ
пишинѣ кабинеша, а гдѣ и какъ случалось, доро-
гою, на лоскупкахъ, карандашемъ. Много неваж-
наго, мелочи — соглашаюсь; но еспъли въ Ричард-
соновыхъ, Фильдинговыхъ романахъ безъ скуки
чишаемъ мы — на примѣръ, чпо Грандисонѣ вся-
кой день пилъ два раза чай съ любезною Миссъ
Биронѣ; чпо Томѣ Джонесѣ спалъ ровно семь ча-
совъ въ шакомъ-шо сельскомъ шракширѣ: шо для
чего же и Пупешеспвеннику не проспипъ нѣ-

копорыхъ бездѣльныхъ подробностей? Человѣкъ въ дорожномъ плащѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ копомкою за плечами, не обязанъ говорить съ оспорожною разборчивостію какого нибудь Придворнаго, окруженнаго такими же Придворными, или Профессора въ Шпанскомъ парикѣ, сидящаго на большихъ, ученыхъ креслахъ. — А кпо въ описаніи путешествій ищеть однихъ спамиспическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ Писемъ, совѣтую чипать Бишингову Географію.

г. 1793.

СТИХИ.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ОПЫТНАЯ СОЛОМОНОВА МУДРОСТЬ,

ИЛИ

МЫСЛИ, ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ ЭККЛЕЗИАСТА.

=

Во цвѣтѣ пылкихъ, юныхъ лѣтъ
Я нѣжной спрасью улаждался;
Но ахъ! увяль прелесный цвѣтъ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Ошалась въ сердцѣ пустоша,
И я сказалъ: «любовь мечша!»

Любилъ я пышность въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Богащствомъ, роскошью блисшалъ;
Но вмѣсто щастья, дней веселыхъ,
Забобы, скуку обрѣшалъ;
Просился въ спароси съ мечпою,
И назвалъ пышность суешою.

Искалъ я къ истинѣ пуши,
Хотѣлъ узнатьъ всему причину:
Но намъ ли тайнствъ ключъ найши,
Измѣришь мудрости пучину?
Всѣ наши знанія мечша,
Вся наша мудрость суеша!

Къ чему намъ служишь власъ, когда, ее имѣя,
Не власны мы себя щасливыми шворишь,
И сердца своего покоришь не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствіе даришь?
Въ черпогахъ кедровыхъ, среди садовъ прекрасныхъ,
Въ объятіяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью спраспныхъ,
Томился и скучалъ я жизнью своею;
Нѣтъ щасья для души, когда оно не въ ней.

Уныніе мое казалось непоняпно
Наперсникамъ, рабамъ: я вкусъ свой пришупилъ,
Излишней нѣгою всѣ чувства изнурилъ —
Не нужное для насъ бываетъ ли пріятно?

Спарался я узнатьъ людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны — и несчастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги друзьямъ, себѣ самимъ.

Тамъ бѣдный проливаетъ слёзы,
Въ судъ невинный осуждёнъ,

Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находишь въ жизни розы,
Для добрыхъ терніе распешъ:
Темницей кажется имъ свѣтъ.

Смотри: невѣрная смѣется —
Любовникъ горесью сраженъ —
Она другому опдаётся,
Который ею восхищенъ;
Но скоро кляпву онъ забудешъ,
И скоро... самъ обманушъ будешъ.

Ехидны зависпи вездѣ, вездѣ шипяшъ;
Достоинство, талантъ и трудъ безъ награжденья.
Творишь ли добро, вамъ люди зло творяшъ.
Ошъ каменныхъ сердець не ждите сожалѣнья.

Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ льешъ;
Не судишь ни объ комъ разсудокъ безприсраспный:
Лишь спраспи говоряшъ.— Кто въ роскоши живешъ,
Не знаешъ и того, что въ свѣтѣ ешъ несчастный.

Но онъ несчастливъ самъ, не зная, ошъ чего;
Желаешъ получишь, имѣешъ и скучаешъ;
Желаешъ новаго — и только что желаешъ.
Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ врагъ его.

По грозной влагѣ Океана
Мы всѣ плывемъ на корабль
Во мракъ бури и шумана;

*

Плывемъ, спѣшимъ приспашь къ землѣ —
Но въпрѣярился съ новой силой,
И море... служишь намъ могилой.

Умы людей ослѣплены.
Чшо предковъ нашихъ обольщало,
Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало:
И наше также пропадеши —
Потомковъ та же участь ждетъ.

Ничшо не ново подь луною:
Чшо еси, то было, будешъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человекъ,
И прежде былъ онъ жершвой рока,
Надежды, слабости, порока.

И Царь и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,
Невинная душа, пресшупникъ, извергъ злобы,
Исчезнушъ всѣ какъ пѣнь — и всѣмъ одинъ конецъ:
На всѣхъ грозился смершь, для всѣхъ опшверзшы гробы.

Для тигра, агницы сей лугъ равно цвѣшешъ,
Равно питаешъ ихъ. Несчастныхъ припѣснишешъ
Покоишся въ землѣ какъ бѣдныхъ утѣшишешъ;
На хладномъ гробѣ ихъ единый мохъ расшешъ.

Гордися славою, великими дѣлами,
И памяшники спрой: чшо пользы? шы забышъ,

Какъ скоро нѣтъ тебя, народомъ и друзьями;
Могила твоя никшо не посѣпипъ.

Какъ жизнь для смершнаго мѣшежна!
И мы еще желаемъ жить!
Какъ власъ и слава ненадежна!
И мы хопимъ мечшамъ служишь,
Любишь, чего любишь не должно —
Искашь, чего найши не можно!

Нещаспный, слабый человекъ!
Ты жизнь проводишь въ огорченъи,
И кончишь дни свои въ мученьи.
Ахъ! лучше не родишься ввѣкъ,
Чѣмъ въ жизни каждый мигъ перзапъся
И смерти каждый мигъ бояпъся!

Ничпожеспво! шы благо намъ;
Ты лучше капли наслажденій
И моря спрашпныхъ огорченій;
Ты другъ чувспвительнымъ сердцамъ,
Всегда надеждой обольщеннымъ,
Всегда шоскою изиуреннымъ!

Чшо насъ за гробомъ ждепъ, не знаепъ и мудрецъ.
Могила, плѣнѣе всему ли еспъ конецъ?
Угаснепъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, живъ будепъ въ шѣль новомъ?

Сей шайны изъ людей никшо не разрѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непоспижимый;

Живописныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ шакъ же, какъ и намъ, Онъ чувство сообщилъ.

Подобно намъ, они родяшся, умирающъ:
Гдѣ будешь ихъ душа? гдѣ будешь и швоя,
О бранный человекъ? Въ нихъ чувства исчезающъ,
Исчезнушъ и во мнѣ: увы! что жъ буду я?

Но кто изъ смертныхъ разсуждаетъ?
Скупецъ богатство собираетъ,
Какъ будто вѣкъ ему здѣсь жишъ;
Пловцы сражающъ съ волнами —
За чѣмъ? чпобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельстишъ.

Предъ мощнымъ слабостъ прешала;
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ:
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ — земля пылала —
Но меркнѣтъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный... падешъ во прахъ.

Какъ розы юныя прелестны!
И какъ прелестна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣе цвѣтъ ея небесный:
Минуша — и прекрасной нѣтъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочъ идешъ.

Такъ все проходишъ здѣсь — и скоро гласъ пріятный
Умолкнѣтъ навсегда для слуха моего;

Свирѣли, звуки арфѣ ему не будутъ вняшны;
Заспынешь въ жилахъ кровь опъ хлада своего.

Исчезнушь для меня всѣ прелести земныя;
Ливанское вино престанешъ вкусу льспишь;
Преклонишся опъ лѣпъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ спупишь.

Подруги нѣжныя, копорыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! проспите навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не расцвѣшешъ для спарца никогда.

А пы, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвашъ,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождашь;
Забава естъ швоя спихія:
Улыбка красишь дни младыя.

За чашей свѣплаго вина
Бесѣдуй съ умными мужаи;
Когда же шихая луна
Явишся на небѣ съ звѣздаи,
Спѣши къ возлюбленной своей —
Забудь... на время мудросъ съ ней.

Люби!... но будь во всемъ умѣренъ;
Поль нѣжный часпо намъ не вѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбипъ.

Привычки, склонности и спраси
У мудрыхъ должны быть во власи:
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

Намъ все употреблять для щасія возможно:
Во зло употреблять не должно ничего;
Спокойно разбирай, что истинно, что ложно:
Спокойствіе души зависишь отъ сего.

Самъ Богъ тебѣ великъ пріятнымъ наслаждайся,
Но помнишь своего великаго Творца:
Онъ пѣжный вамъ отецъ, о нѣжныя сердца!
Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!

Какъ сладостно предъ Нимъ и плакать и вздыхать!
Онъ любитъ въ горести несчастныхъ утѣщать,
И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осушаетъ;
Прохладнымъ въперкомъ ихъ сердце освѣжаетъ.

Не будь ни въ чемъ излишно спрогъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,
Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
Безъ гнѣва обличай пороки:
Добро всегда собой прекрасно,
А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимъ,
Ты будешь слабыми любимъ;
Любовь же есть святой учитель.
И кто не падалъ никогда?

Мудрецъ, народовъ просвѣщитель,
Бывалъ ли мудръ и швердъ всегда?

Въ какихъ спранахъ благословенныхъ
Сіаешь вѣчно солнца лучъ,
И гдѣ не видимъ бурныхъ пучъ,
Огнями молній воспаленныхъ?
Ахъ! самый лучшій изъ людей
Бывалъ игралищемъ спраспей.

Не только для благихъ, будь добръ и для коварныхъ,
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары ліешъ.
Прекрасно другомъ бышь сердцеcь неблагодарныхъ!
Награды никогда великій мужъ не ждешъ.

Награда для него ешь совѣшь, духъ покойный.
(Безуміе и злосъ всегда враги Уму:
Вниманія его ихъ спрѣлы не доспойны;
Онъ ими не язвимъ: премудросъ щипъ ему.)

Сіаюшь передъ нимъ безсмертія свѣщиль;
Божесшвенный огонь блеспишь въ его очахъ.
Ему не спрашенъ видъ опшверзшыя могилы.
Онъ шѣломъ на земль, но сердцемъ въ небесахъ.

г. 1796.

В О Л Г А.

=

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Криспальныхъ водъ царица, мати!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
Богиней Пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,
Подъ шумомъ гордыхъ волнъ швоихъ —
Ихъ пѣнкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердцѣ освѣжаясь —
Хвалишь красу швоихъ береговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣтають,
Поля волнистыя сіяють
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ копорыхъ древле раздавался
Единый спрашный ревъ звѣрей,
И эхомъ ввѣкъ не повпорялся
Любезный слуху гласъ людей —
Береговъ, гдѣ прежде обитали
Орды Златѣя племена;
Гдѣ стрѣлы въ воздухъ свистали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Не рѣдко кровью обагрялись
Святыхъ, но слабыхъ Хрисціанъ;
Гдѣ враны шрупами пищались
Нещасныхъ древнихъ Россіанъ;

Но гдѣ шеперь одной Державы
Народы въ тишинѣ живутъ,
И всѣ одну Богиню чшутъ,
Богиню щасія и славы * —
Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ ппичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я Природу полюбилъ, —
Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку посвяпилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миршъ въ лѣсу пуспынномъ?
Дерзну ли пѣшь, о мать рѣка!
Какъ ты, красуясь въ печень
По злашу чистаго песка,
Несешь земли благословеніе **
На сребряномъ хребтѣ своемъ,
Вездѣ щедроты разливаешь,
Вездѣ спраны обогащаешь
Въ блистательномъ пущи швомъ;
Какъ быстро плаваешь беспрашной
Лешинъ на парусныхъ крылахъ
Среди пучинъ спихіи влажной,
Въ швоихъ лазоревыхъ зыбяхъ,
Хваля свой жребій, милость Неба,

* Писано въ царствованіе Екатерины.

** То ешь, суда съ хлѣбомъ и съ другими плодами земли.

Хваля благопріятный вѣспрь,
И какъ, прельщенный свѣтомъ Феба,
Со дна подъемлешся осепрь,
Играешъ на верху съ волнами,
Съ швоими пѣнными буграми,
И плесомъ разсѣкаешъ ихъ? —
Когда жъ подъ шучами со гнѣвомъ,
Съ ужаснымъ шумомъ, грознымъ ревомъ,
Начнешъ кипѣшъ въ брегахъ своихъ —
Какъ вихри воздухъ раздираюшъ,
Какъ громы съ прескомъ ударяюшъ,
И молніи шипяшъ въ волнахъ —
Когда пловцы, спасшисъ не чая,
И къ небу руки проспиралъ,
Хладъ смерти чувспвуютъ въ сердцахъ: —
Какая кистъ дерзнетъ предспавишъ
Великосъ зрѣлица сего?
Какая пѣснь возмозешъ славишъ
Ужасносъ гнѣва швоего?...
Едва и самъ я въ лѣпахъ нѣжныхъ,
Во цвѣшъ радоспной весны,
Не кончилъ дней въ водахъ мяшежныхъ
Твоей, о Волга! глубины.
Уже безъ вѣсприлъ, безъ кормила,
По безднамъ буря насъ носила;
Гребецъ опъ спрахъ цѣпенѣлъ;
Уже зіяла хлябъ подъ нами
Своими пѣнными успами;
Надежды лучъ въ душахъ блѣднѣлъ;
Уже я съ жизнью прощался,

Съ ея прекрасною зарей;
Въ поскѣ слезами обливался,
И ждалъ погибели своей...
Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье* —
Упихло бурное волненье,
И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ.
Какой воспоргъ! какая радостъ!
Я землю спраспно лобызалъ,
И чувспвовалъ всю жизни сладостъ. —
Сколь ты въ величїи своемъ,
О Волга! яросшна, ужасна,
Споль въ благоспи мила, прекрасна:
Ты образъ Божїй въ мїръ семъ!

Теки, Россїю украшая;
Шуми, священная рѣка,
Свою великостъ прославляя, —
Доколѣ времени рука
Не испощитъ швоей пучины...
Увы! сей гореспной судьбины
И ты не можешь избѣжаешь:
И ты должна свой вѣкъ сконгаты!
Но прежде многіе народы
Исплѣютъ, превращаясь въ прахъ,
И блескъ цвѣшуція Природы
Померкнешъ на твоихъ берегахъ *.

г. 1793.

---

* Мысль, что Природа старѣется, есть не только піипическая мысль; самые Философы и Натуралисты не оптвергають ее.

КЪ МИЛОСТИ *

=

Что можетъ бышь Тебя свяще,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ міръ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирашь на прелести Твои?

Какая ночь не озарилась
Огнь солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежь не укротилась
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громаи объмьютъ;
Гдѣ ступишь, паша цвѣшья алкуютъ,
И съ неба льется благодать.

Любовь Твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Машерью зоветъ;
Любовь Тебя на пронь вѣщаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, пекутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.

* Писано въ царствованіе Екатерины.

Блаженъ, блаженъ народъ, живущій
Въ проспранной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнь души своей! —
Доколѣ Милоспїю будешь,
Доколѣ права не забудешь,
Съ копорымъ человекъ рожденъ;

Доколѣ гражданинъ довольный
Безъ спрахъ можешь засыпать,
И дѣши - подданные вольны
По мыслямъ жизнь располагаешь,
Вездѣ Природой наслаждаешься,
Вездѣ наукой украшаешься,
И славить прелести Твои;

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракъ удалена
Ошъ свѣпозолошаго прона;
Доколѣ правда не спрашна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желанїяхъ опкрыться
Тебѣ, Владычицѣ души;

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не шемнишь въ умахъ;
Пока довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дошолѣ будешь свято чшима,

Опѣ подданныхъ богошворима
И славима изъ рода въ родъ.

Спокойствія Твоей Державы
Ничто не можешь возмутишь;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранишь.
Тамъ пронѣ вовѣкъ не попрысешся,
Гдѣ опѣ любовью брежешся,
И гдѣ на пронѣ — Ты сидишь.

г. 1792.

К Л А Д Б И Щ Е.

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Спрашно въ могилѣ, хладной и шемной! —
Вѣпры здѣсь воюшъ, гробы прысущся,
Бѣлыя коспи спучашъ.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣпры здѣсь вѣюшъ; спящимъ прохладно;
Травки, цвѣпочки распушъ.

П Е Р В Ы Й.

Червь кровоглавый почипъ умершихъ;
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздящя;
Зміи въ кропивѣ шипящъ.

В Т О Р Ы Й.

Крѣпокъ сонъ мершвыхъ, сладоспенъ, крошокъ;
Въ гробъ нѣтъ бури; нѣжныя пшички
Пѣснь на могилѣ поющъ.

П Е Р В Ы Й.

Тамъ обипающъ черныя враны,
Алчныя пшичы; хищныя звѣри
Съ ревомъ копающъ въ землѣ.

В Т О Р Ы Й.

Маленькой кроликъ въ правкѣ зеленой
Съ милой подружкой шамъ опдыхаетъ;
Голубъ на въшочкѣ спипъ.

П Е Р В Ы Й.

Сыросъ со мглою, гуспо мѣшаясь,
Плавающъ шамо въ воздухъ душномъ;
Древо безъ лиспьевъ споищъ.

ВТОРЫЙ.

Тамо струишся въ воздухъ свѣшломъ
Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
Бѣлыхъ яминовъ, лилей.

ПЕРВЫЙ.

Спранникъ боишся мертвой юдоли,
Ужасъ и прелесть чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшишь.

ВТОРЫЙ.

Спранникъ успалый видитъ обитель
Вѣчнаго мира — посохъ бросая,
Тамъ оспаетъ навѣкъ.

г. 1793.

КЪ БОГИНѢ ЗДРАВІЯ.

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣшущая Игея!
Снеси злѣшій сосудъ
Съ цѣлебнымъ пишемъ!

Успа мои завяли,
Въ глазахъ весь огонь погасъ,
И сердце шомно бьется;
Едва дышать могу —
Едва, едва живу.

И червя оживляешь
Прохладный въперокъ;
И правку освѣжаешь
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ спрадашь?

Хоша едину каплю,
Посланница боговъ,
Хоша едину каплю
Пролей въ мои успа —
И буду исцѣленъ!

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣшущая Игея!
Снеси злѣшый сосудъ
Съ цѣлебнымъ пишемъ!

г. 1792.

КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

=

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Крошкая ночи пѣвица,
Сидя на миршовой вѣшви?

Тамъ ли, гдѣ съ шихимъ журчаньемъ спремипся
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Ушромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ Зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ пипая?

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный *,
Гдѣ обитали издревле
Вышшія Силы и боги?

* Когда въ хорошій вечеръ, передъ захожденіемъ солнца, изъ нѣкотораго опдаленія смопришь на высокія, снѣгомъ покрытыя горы, то верхи ихъ кажутся разноцвѣтными.

Гласъ пвой божеспвенный часто внимаю;
Часпо сквозь облако образъ пвой вижу —
Руки къ нему проспираю —
Облако, воздухъ объемлю!

г. 1791.

РАИСА.

ДРЕВНЯЯ БАЛЛАДА.

=

Во шьмъ почной ярилась буря;
Сверкаль на небъ грозный лучь;
Гремъли громы въ черныхъ шучахъ,
И сильный дождь въ лъсу шумъль.

Нигдъ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скипалась въ шемношѣ одна.

Нося опчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури спрашный вой не можетъ
Ея спенаній заглушить.

Она блѣдна какъ листь увядшій,
Какъ мерпвый цвѣтъ уша ея;
Глаза покрышы помнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея опкрышой бѣлой груди,
Язвимоу вѣшьями деревъ,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранишныя горы:
Между спремниъ, по камнямъ оспрымъ
Раиса всходишь на него.

(Тущъ бездна яросшно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю пошопишь.)

Она взираешъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой спонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
«Увы! увy! погибла я!

«Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты опъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной пьмы?

«Кронидъ! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все, прощу тебя! —
Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

«Опещъ и машь меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли.

«Когда жъ явился ты какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я опца и машь.

«Въ восторгѣ, съ шепетомъ сердечнымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдавала тебѣ.

«Душа моя въ твою вселилась,
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла,
Ты былъ мнѣ образъ Божества.

«Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣла бъ я твоей измѣны,
И щасливѣе былъ бы мой конецъ.

«Но рокъ судилъ, чшобъ шы другую
Раисъ вѣрной предпочель;
Чшобъ шы меня навѣкъ оспавиль,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

«Когда мечшала о Кронидѣ,
И мнила обнимаешь его!
Увы! я воздухъ обнимала...
Уже далеко былъ Кронидъ!

«Мечша исчезла, я проснуласъ;
Звала тебя, но шы молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

«На холмъ высокій я спѣшила...
Нещаспная!... Кронидъ вдали
Бѣжалъ опъ глазъ моихъ съ Людмилой!
Безъ чувспвъ тогда упала я.

«Съ сея ужасныя минушы
Крушусь, поскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида —
Но шы не хочешь мнѣ внимаешь.

«Теперь злощаспная Раиса
Звала тебя въ послѣдній разъ...
Душа моя покоя жаждеть...
Прости!... Будь щаспливъ безъ меня!»

Сказавъ сін слова, Ранса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣспило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

г. 1791.

Э П И Т А Ф И И.

Одна нѣжная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпифій; она выбрала послѣднюю, и приказала вырѣзать ее на гробъ.

=

1.

Небесная душа на небо возвратилась,
Къ Источнику всего, въ объятія Отца.
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣняла всѣ сердца.

2.

И на землѣ она какъ Ангелъ улыбалась:
Чуждыя шамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся, милый прахъ!
Небесная душа, ликуй на небесахъ!

Томъ I.

4.

Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно возвратилась.

5.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

г. 1792.

МОЛИТВА О ДОЖДѢ.

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспосли
Оросить лице земли!

Все помишся, увядаешь;
Зелень въ полѣ увядаешь;
Сохнешь травка и цвѣшокъ —
Нѣжный ландышъ, василѣкъ
Пылью сѣрою покрыты —
Не пишаешь ихъ роса...
Дыши маперью забыты!

Солице жжешь, палишь лѣса.
Птички въ рощахъ замолчали;

Ищутъ только холода.
Ручейки журчатъ преспали;
Испощилася рѣка.
Агнецъ пищи не находишь:
Черенъ холмъ и черенъ долъ.
Конь въ сѣпи печально бродишь;
Тошь и слабъ ревуцій волъ.

Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за труды?
Гибнутъ всѣ его плоды! . . .
Въ горькой часпи безъ опрады,
Онъ шерзается поской;
За себя, за чадъ спрадаешь,
И блестящею слезой
Хлѣбъ изсохшій орошаешь.
Дѣши плачутъ вмѣстѣ съ нимъ;
Игры всѣ не милы имъ!

Мать любезная, Природа!
Ошъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросишь лице земли!

Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго пшеница,
И въ печаляхъ упѣшала
Наши томныя сердца:
Не ужель теперъ забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?

*

Не ужель шеперь не будешь
Нѣжной маперью для нихъ? —
Нѣтъ, шобою оживяшся
Наши мертвыя поля;
Вновь украсишся земля —
Пѣсни въ роуци возвращаишся —
Благодарный еиміамъ
Воскуришся къ небесамъ!

г. 1793.

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Братья, рюмки наливаше!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпиваше!
Осушаше въ рюмкахъ дно!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякой горѣ испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ свяшой Мудрецъ:

Спарецъ въ немъ паходишь младоспъ,
Бѣдный горестямъ конецъ.

Кпо все плачешъ, все вздыхаешъ,
Вѣчно смопришь Септябремъ:
Тошъ науки жишь не знаешъ,
И не видишь свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣшь и радовапсья будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣплѣешъ сердце наше,
Да сіяешъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяешъ въ чашъ,
Осребряемо луной!

г. 1791.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

Въ чьихъ жилахъ льешся кровь Героевъ;
Кпо сердцемъ мужъ, кпо духомъ Россъ:
Тошъ презри нѣгу, роскошь, праздноспъ,
Забавы, радоспъ слабыхъ душъ!

Туда, гдѣ знамя брани вѣешъ —
Туда, гдѣ громъ войны гремишъ —
Гдѣ воздухъ спонешъ, солнце меркнешъ,
Земля дымишся и дрожишъ;

Гдѣ жизнь блѣднеешъ и препещешъ;
Гдѣ злобы, кляшвы, ада дочерь, —
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираешъ
Тьмы жершвъ, и кровь ихъ жадно пьешъ:

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разишъ безчисленныхъ враговъ!
Какъ сполшъ огня, палящій нивы,
Теки, спремись по ихъ рядамъ!

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчишся:
Умри, умри, Россіи врагъ!

Губи! — Когда же врагъ погибнешъ,
Сраженный храбросшю швоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!

г. 1789.

ПѢСНЬ МИРА.

=

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою лепишъ,
И вѣнецъ свѣшлѣ Феба
На главѣ его блеспишъ.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ спранъ эѳира
Въ тѣмъ низносишъ свѣшлый рай.

Х О Р Ъ.

Бури, громы умолкающе;
Тучи черны исчезающе;
Исчезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.

Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣшъ проникъ въ густую тѣнь;
Пышно роза расцвѣтаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ пушился, зеленѣетъ,
Класъ сребрился вдалекъ,
Плодъ злосый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣшетъ въ вѣперкъ.

Х О Р Ъ.

Милліоны веселишесь,
Милліоны обнимашесь,
Какъ объемлетъ брата брата!
Лобызайшесь всѣ спокрашъ!

Пшички снова прилепають
Въ наши рощи и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ шигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все швореніе дружишся,
На землѣ и на водахъ.

Х О Р Ъ.

Милліоны да ликуютъ!
Милліоны поржесшвуютъ!
Вѣкъ Аспреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Въ рощахъ слышны звуки лиры;
На берегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Сапиры
Составляютъ хороводъ.
И Силенъ неушомимой
Громкимъ голосомъ поешъ;
Пляшетъ съ Нимфою любимой,
И къ веселью всѣхъ зовешъ.

Х О Р Ъ.

Пойте, пойте духа радости!...
Лейте, лейте въ сердцѣ сладости!...
Вѣкъ Аспрейтъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Музы, Граціи слепая
Цѣпь изъ лавровъ и лилей,
Ею крылья обвивая
Бога шихихъ, райскихъ дней,
Нѣжно всѣ его ласкають
Съ видомъ щастливой любви,
И въ воспоргъ восклицають:
«Вѣчно съ нами, Миръ, живи!»

Х О Р Ъ.

Вѣчно съ нами, Миръ прелестный,
Вѣчно съ нами, сынъ небесный,
Вѣчно съ нами обитай,
И блаженствомъ насъ пишай!

Полно намъ губить другъ друга,
Сирымъ слезы проливать!
И печальная супруга
Да преспапешъ горевать!
Долго смершныя не знали,
Чшо блаженство есть любовь;
Щастья въ хищности искали,
И лилась рѣками кровь.

Х О Р Ъ.

Смершный пынѣ просвѣтился,
И ко дружбѣ обратился.
Вѣкъ Аспреинѣ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Цѣпъ соспавыше, милліоны,
Дѣши одного опца!
Вамъ даны одни законы,
Вамъ даны одни сердца!
Брапски, нѣжно обнимипесь,
И клянипесь — любишь!
Чувспвомъ, мыслію клянипесь:
Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жишь!

Х О Р Ъ.

Мы клянемся всѣ сердечно
Въ мирѣ съ брапьями жишь вѣчно!
Опче! слышишь кляпву чадъ!
Мы швердимъ ее стокрапъ.

г. 1791.

О С Е Н Ъ.

=

Вьютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валяшся
Желтые листья.

Поле и садъ опустѣли;
Съпуютъ холмы;
Пѣніе въ рощахъ умолкло —
Скрылися пички.

Поздніе гуси станицей
Къ югу спремаясь,
Плавнымъ полетомъ несясь
Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долине;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходяще.

Спранникъ, споящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

Спранникъ печальный утѣшся!

Вянетъ Природа

Только на малое время;

Все оживишся,

Все обновишся весною;

Съ гордой улыбкой

Снова Природа возстанешъ

Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! вянетъ навѣки!

Сшарецъ весною

Чувствуешъ хладную зиму

Вещія жизни.

ЖЕНЕВА,

г. 1789.

ПѢСНЬ БОЖЕСТВУ *.

Господь Природы, — Безконечный,

Міровъ безчисленныхъ Творецъ,

Испочникъ бышя всевѣчный,

Отецъ чувствительныхъ сердецъ:

* Сочиненная на шопъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвентѣ; *нѣтъ Бога!*

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видишь славу, блескъ небесъ,
Улыбкой радость изъясляетъ
И въ скорби льешь попоки слезъ!

Опъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущій, —
Въ странахъ эфирныхъ и земныхъ!

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Святой, премудрый, дивный Богъ!
Кто — сердцемъ, чувствомъ одаренной —
Тебя назовъ мечпою могъ?

Тебя?.. И страшнымъ громомъ неба
Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
Огнемъ пылающаго Феба
Сей злобный смертный не сожженъ?

Но Ты великъ! но Ты не знаешь,
Какъ мстишь, — наказываешь враговъ:
Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ — Своихъ сыновъ,

И льешь на нихъ дары благіе;
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь. —
Исчезнешъ пѣма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.

Любовь! . . . и съ кропкимъ удивленьемъ, —
Въ минушу славы, шоржества, —
Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
Падущъ предъ трономъ Божества;

Обнимущъ руку всеблагую,
Опцемъ проспершую къ сынамъ;
Восхваляющъ милость пресвящую —
Рекущъ: *есть Богъ: міръ Божій храмъ!*

г. 1793.

ПОСЛАНИЕ КЪ ДМИТРИЕВУ.

Въ опѣвъшъ на его стихи, въ которыхъ онъ жалуется на скоротечность щастливой молодости.

=

Конечно такъ — ты правъ, мой другъ!
Цвѣшъ щастья скоро увядаешъ,
И юность наша есть пошъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ расцвѣтаешъ.
Тогда въ эфиръ мы живемъ,
И нектаръ сладостный пьемъ
Изъ полной Олимпійской чаши;
Но жизни алая весна

Есть мигъ — увь! пройдешь она,
И съ нею мысли, чувствва наши
Лишанся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,
Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей.
Надежды и мечты злая
Какъ ппички быспро улепяшь,
И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце заплемняшь —
Тогда, подобно Иксиону,
Не милую свою Юнону,
Но дымъ увидимъ предъ собой *!

И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною веспой;
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ брашій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душею;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвоватъ для щасстья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не бесполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслию гордился!
Источникъ радостей и благъ

* Извѣстно изъ Мифологіи, что Иксиопъ, желая обнять Юнону, обнялъ облако и дымъ.

Открышь въ чувствительныхъ душахъ;
Плѣнишь ихъ истиной святою,
Ея неплѣнной красою;
Орудіемъ Небеснымъ будишь,
И въ памяти попомства живишь,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялъ,
Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтъ моей лампы
Съ звѣздою ухра угасалъ.
Злашое, дневное свѣпило
Примѣромъ, образцемъ мнѣ было....
Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
Обманомъ щасливѣе человекъ?

Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ, —
И вижу ясно, что съ Плащомъ
Республикѣ намъ не учредишь, —
Съ Пишпакомъ, Фалесомъ, Зенономъ
Сердце жестокихъ не смягчишь.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ — люди вѣчно.
Когда несчастныхъ Данаидъ *

* Онѣ въ подземномъ мѣрѣ льютъ безпрестанно воду въ худой сосудъ.

Сосудъ наполнился водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Нашъ шаръ пріиметъ лучшій видъ:
Сатурнъ на землю возвратится,
И игра съ агнцемъ помирится;
Богатый съ бѣднымъ подружится,
И слабый сильнаго просиитъ.
Дополь истина опасна,
Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать —
И часто лѣтъ тому есть плаха,
Кто гласомъ мудраго Секрета
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья —
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ.

Но что же намъ, о другъ любезный!
Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и Рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной стѣною лѣсовъ,

Куда бы злые и невѣжды
Вовѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бѣ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушались издали порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирашь на шучи, вихрь суешъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣпъ,
Осшашкомъ теплыхъ дней осеннихъ.
Хошя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огонь погасъ въ глазахъ;
Хошя красавицы преспали
Меня любезнымъ называшъ —
Зефиры съ нами опыграли!)
Но мы не должны унывашъ:
Живемъ по общему закону!...
Ошелло въ спароспи своей
Плѣнилъ младую Дездемону *,
И вкрался тихо въ сердце къ ней
Любозныхъ Музъ прелестнымъ даромъ.
Онъ съ нѣжнымъ, прогательнымъ жаромъ
Въ картинахъ ей изображалъ,
Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
Какъ онъ за дальними морями,
Необозримыми степями,

* Смощри Шекспирову трагедію Ошелло.

Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
Безспрашно въ юности скипался,
Со львами, шиграми сражался,
Терпѣлъ жестокій зной и хладъ,
Терпѣлъ усшалость, жажду, гладъ.
Она внимала, удивлялась;
Брала участіе во всемъ;
Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вдавалась,
И въ нѣжномъ пламени своемъ,
Съ блестящею въ очахъ слезою,
Сказала: я люблю тебя!
И мы, любезный другъ, съ тобою
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душою.
Она пріятностью своею
Украшитъ западъ нашихъ дней.
Бесѣда опытныхъ людей,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣша сказкамъ научили!)
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно — менѣе спрадать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чпимымъ,

Топъ въ міръ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо попрысають,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы пому виной.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали:
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ препеша и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности спрашна
Убійцамъ, кровью обогрешымъ,
Слезамъ бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Топъ съ шихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Злашую Фебову стрѣлу *
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ — тамъ — за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багрянотъ,
Онъ зришь.... но мы еще не зримъ.

г. 1793.

---

* Древніе Поэты говорили, что злашая Фебова стрѣла приносила смерть человеку.

КЪ Д*.

=

«Многіе Барды, лиру паспроивъ,
«Смѣло играють, поють;
«Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней
«Мчашся по рощамъ, шумящъ.

«Многіе Барды, тоны возвысивъ,
«Спрашныя бипвы поють;
«Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
«Спонъ пораженныхъ и смерть.

«Многіе Барды, тоны унизивъ,
«Сельскую радость поють —
«Нравы невинныхъ, крошкихъ паспушекъ,
«Вздохи, утѣхи любви.

«Многіе Барды въ шумномъ воспоргѣ
«Намъ воспѣвають вино,
«Всѣхъ призывая имъ уполяши
«Скуку, заботы, печаль.

«Всѣ ли ихъ пѣсни прогають сердце,
«Душу приводящъ въ воспоргъ?
«Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейспы?
«Гдѣ Анакреонъ другой?

«Мало оспалось Бардовъ великихъ!» —

Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо капающа;
Лира упала изъ рукъ.

Быстро Зефиры съ Невскаго берега,

Быстро несущая ко мнѣ —
Вѣющъ — вливающъ сладкія пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ....

Я восхищаюсь! — Въ радости сердца

Громко взываю, пою:
«Древніе Барды духъ свой вліяли
«Въ новаго Барда Невы!»

г. 1792.

КЪ СОЛОВЬЮ.

=

Пой во мракъ тихой рощи,
Нѣжной, крошкой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной ночи!
Гласъ твой милъ душѣ моей.
Но почпожь рѣкой капающа
Слезы изъ моихъ очей,

Чувспіва ноюпть и помяпся
Отъ гармоніи пвоей?
Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныхъ земли
Хищной смерпью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою правою.
Я оспался сиротою....
Я оспался въ горѣ жишъ,
Тосковапъ и слезы липъ!....
Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждапся
Нѣжной пѣснью пвоей?
Съ кѣмъ Природой ушѣшапся?
Все печально безъ друзей!
Съ ними духъ нашъ умираетъ,
Радостъ жизни оплешаетъ;
Сердцу скучно одному —
Свѣшъ пуспыня, мракъ ему.

Скоро ль пѣсню своею,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешъ ты плѣняшъ людей?

г. 1793.

Ф И Л Л И Д Ъ.

=

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасный,
Въ кошорый ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играешь!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуетъ, веселился! —
Взгляни же и на друга,
Кошорый для прелестной
Принесъ цвѣтовъ прелестныхъ,
И арфу златоспрунну,
Чшобъ радостную пѣсню
Сыграть на ней Филлидъ,
Въ щастливой день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи
Излить желанья дружбы.

Да будетъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ ушромъ,
Которое питаешь
Ясмину и лилей,
И духъ ихъ ароматной

Въ Зефирахъ развѣваетъ!
Будь радостна, безпечна,
Какъ радостень, безпечень
Пѣвецъ весны и утра,
Віясъ подъ облаками!
Когда жъ вздохнушь захочешь —
Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни? —
Да будешь вздохъ твой крошкѣ!
И есшли въ нѣжныхъ чувствахъ
Слезу прольешь изъ сердца,
Блиспай она подобно
Росѣ на юныхъ розахъ,
Живящей цвѣтъ ихъ алый!

Въ чудесномъ же искусствѣ,
Любовію найденномъ,
Будь въ годъ сей Прометеемъ,
Жизнь въ мертвое вливая!
Пиши блестящій образъ
Земнаго совершенства —
Представь намъ Аполлона —
И вдругъ, когда попужишь,
Что юноша не дышетъ,
Да оживишь образъ,
И спавъ передъ тобою — —
Филлида! я умолкну.

г. 1790.

НА РАЗЛУКУ СЪ П**.

=

Наспалъ разлуки горькой часъ!...
Проспи, мой другъ! Въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю;
Хочу сказать: не плачь! и слезы проливаю!
Но такъ назначено судьбой —
Проспи, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣетъ за тобой!

Уже я вижу предъ собой
Весь путь, на коемъ знаишь, слава
Тебя съ дарами ждущъ. Души твоей и права
Ничто не премѣнитъ; ты будешь вѣчно ты —
Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь вѣренъ —
И видя вокругъ себя пороки, подлость, лѣсть,
Которыхъ цѣль есть суетная чesть,
Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣйшее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ пишины;
Когда намъ жизнь была не тягостное бремя,
Но радостный восторгъ; когда, удалены
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойные часы

Въ прохладныхъ гропахъ опдыхали;
Когда вечернія красы
И пѣсни соловья вливали въ духъ нашъ сладость...
Ахъ! часно мракъ темнилъ надъ нами синій сводъ;
Но мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ побою забывали!
Не рѣдко огонь блисталъ, гремѣлъ надъ нами громъ;
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Ошцомъ,
Который проспиралъ къ намъ съ неба длань благую;
Въ восторгѣ пѣли мы гимнъ славы, пѣснь свящую:
На крыльяхъ молніи къ Нему лепѣлъ нашъ духъ!...
Ты вспомнишь все сіе, и слезы покапаясь
По блѣдному лицу. Ахъ милой, нѣжной другъ!
Сіи блаженны дни вѣкъ не возвращаясь! —
Невольный тяжкій вздохъ колеблетъ грудь мою...
Грядетъ весна въ нашъ міръ, и холмы зеленѣютъ,
И упренній пѣвецъ * гласитъ намъ пѣснь свою —
Увы! тебя здѣсь нѣтъ!.. цвѣты вездѣ пестрѣютъ,
Но сердце у меня въ печали не цвѣшетъ...
Прости! благій Опецъ и Геній твой съ побою.
Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ спранахъ найдетъ.

Прости! твой другъ умретъ тебя достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей покойнымъ.
Не скажешь вѣкъ объ немъ, чѣмъ онъ чиновъ искалъ;

* Жаворонокъ.

Чтобъ знашимъ подлецамъ когда пибудъ ласкалъ.
Предъ Богомъ только онъ колѣна преклоняетъ;
Спрашися — одного себя;
Достоинства одни сердечно уважаетъ,
И любитъ всей душой тебя.

г. 1792.

П Р О С Т И.

Кипо могъ любить такъ спрашно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

Мучительно пѣнись,
Быть спрашнымъ одному!
Насильно полюбишься
Не можно никому.

Не знаешь я, не славенъ:
Могуль кого прельстишь?
Не веселъ, не забавенъ:
Зачпо меня любить?

Простое сердце, чувство,
Для свѣта ничего.
Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!

(Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Прямо говоришь.)

Не зналъ — и ослѣпленный
Любовію своею,
Желалъ я дерзновенный
И самъ любви своей!

Я плакалъ, ты смѣялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною поскою! —

Надежды лучъ блѣднѣешь
Теперь въ душѣ моей...
Уже другой владѣешь
Навѣкъ рукой своею!...

Будь щаслива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — вѣкъ мила! —

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ,
Я буду жизнь вести,
Лишь пока слезъ горючихъ,
Желашь конца — проспи!

1792.

НАДГРОВНАЯ НАДПИСЬ БОННЕТУ *.

=

Онъ былъ великъ душой своей,
И міру жизнию полезенъ;
Любилъ Природу и людей, —
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величіе Творца вселенной,
И бѣдныхъ смертныхъ утѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной. —
Леманъ **! въ зеркалѣ водъ своихъ

* Которая излилась изъ души моей въ самый пошль часъ,
какъ я получилъ извѣстіе о смерти сего незабвеннаго друга
человѣческаго, сего великаго Философа, сего истиннаго мудреца,
любезнаго моему сердцу.

** Женевское озеро. — Боннетъ жилъ на берегу его.

Запмился зракъ его священный;
Но умъ, но духъ его неплънный
Живешъ въ твореніяхъ своихъ.

г. 1793.

ЛЮБЕЗНОЙ.

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

=

Въ сей день тебя Любовь на свѣщъ произвела,
Красою свѣща бышь, владѣшь людей сердцами;
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;

Сказала: будь мила!...

«Будь щаслива!» сказала богиня не могла.

г. 1793.

СТРАННОСТЬ ЛЮБВИ,

ИЛИ

БЕЗСОННИЦА.

=

Кто для сердца всѣхъ спрашивъ?

Кто на свѣтъ всѣхъ милъ?

Знаю: милая моя!

«Кто же милая твоя?»

Я спыжусь; мнѣ право больно

Странность чувствъ моихъ открытъ

И предметомъ шутокъ быть.

Сердце въ выборъ не вольно!...

Что сказать? Она... она...

Ахъ! ни мало не важна,

И шансовъ за собою

Не имѣешь никакихъ;

Не блистаетъ острою,

И движеньемъ глазъ своихъ

Не умѣешь изъясняться;

Не умѣешь восхищаться

Аполлоновымъ огнемъ;

Философовъ не чишаешь,

И въ невѣжествѣ своемъ

Всю ученость презираешь.

Знайте также, что она
Не Венера красоюю —
Такъ худа, блѣдна собою,
Такъ ээирна и шомна,
Чшо безъ жалоспи не можно
Бросишь взора на нее.
Спранно! .. я люблю ее!

«Чшо жь шакое думаешь должно?
«Увѣряюшь спарики
«(Въ эшомъ дѣлѣ знашоки),
«Чшо любовь любовь раждаешь, —
«Сердце нравишься любя:
«Можешь бышь она плѣняешь
«Жаромъ чувствъ своихъ шебя;
«Можешь бышь она на свѣшь
«Не имѣешь ничего
«Для души своей въ предметъ,
«Кромѣ сердца швоего?
«Ахъ! любовь и спрасъь такая
«Есть небесная, свяшая!
«Умъ блестящій, красота
«Передъ нею суеша.»

Нѣтъ! ... Къ чему теперь скрываешься?
Лучше искренно признайся
Вамъ, любезные друзья,
Чшо жестокая моя
Нѣжной, спрасной не бывала,
И съ любовью на меня

Глазъ своихъ не успремляла.
Нѣпъ въ ея душѣ огня!
Тщешно пламенемъ пылаю —
Въ миломъ сердцѣ ледъ, не кровь!
Такъ какъ Эхо * изсыхаю —
Нѣпъ опвѣпа на любовь!

Очарованъ я тобою,
Богъ, играющій судьбою,
Богъ коварный — Купидонъ!
Ядовитою спрѣлою
Ты лишилъ меня покою.
Какъ ужасенъ швой законъ,
Мудрыхъ мудроспи лишая,
И ученыхъ кабинетъ
Въ жалкой Бедламъ ** превращая,
Гдѣ безуміе живешъ!
Щаспливъ, кпо не знаешъ спраспи!
Щаспливъ хладной человекъ,
Не любившій весь свой вѣкъ!..
Я завидую сей часпи,
И съ Типаніей люблю
Всѣмъ насмѣшникамъ въ забаву ***!..

* Т. е. Нимфа, копорая опъ любви къ Нарциссу превра-
пилась — въ ничпо, и копорой вздохи слышимъ мы иногда въ
лѣсахъ и пуспыняхъ, и называемъ — эхомъ.

** Домъ сумасшедшихъ въ Лондонѣ.

*** Любопытные могутъ прочитатъ претіе дѣйспіе, впо-
рую сцену Шекспировой піэсы: Midsummer-night's dream.

По Небесному усшаву
Днемъ зѣваю, ночь не сплю.

г. 1793.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Пришла весна — цвѣшеть земля;
Древа шумящъ въ вѣнцахъ зеленыхъ,
Лучами солнца позлащенныхъ;
Красуются луга, поля;
Спада вокругъ холмовъ играютъ;
На вѣшьяхъ пшички воспѣваютъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!

И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность оцупилъ;
И хищный пигръ въ лѣсахъ дремучихъ
Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ твоя держава;
Вездѣ твоя сіяетъ слава;
Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ куришься оиміамъ

Цвѣтовъ и дровъ и правъ душистыхъ,
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ, —
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!
Но кто дерзаетъ миръ священный,
Миръ кропкій, миръ блаженный,
Своею злобой нарушать? ...
Безсмертный человекъ! ... созданный
Собой Напуру украшать! ...
Любимецъ Божества избранный!
Вънецъ творенія и цвѣтъ!

Когда Природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей пишаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ *;
Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братьевъ и друзей,
Ко щасью вмѣстѣ съ нимъ рожденныхъ,
Душею, чувствомъ одаренныхъ,
Опца единого дѣшей!

г. 1792.

---

* Начало военныхъ дѣйствій весною.

НАДЕЖДА.

Il est doux quelquefois de rêver le bonheur.

=

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горишь,
Что душу странниковъ несчастныхъ
Оспрадой сладкою живишь?
Надежда — что шруды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ прохладѣ нѣжнаго Зефира,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Жишь будешь съ милою семьей.

Надежда! ты моя богиня!
Надежда, лучъ души моей!
Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу оспрадою твоей!
Хотя помлюся и спрадаю,
Но ты во мнѣ... не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи —
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи:
Вдали возможность счастья зрю!

Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
Другъ друга радостно любить!
Въ душѣ моей, шеперь унылой,
Твой образъ можешь съ щастьемъ жить!
Когда? когда? — увы! не знаю;
Но вѣря чувству, ожидаю,
Что намъ гоповишся вѣнецъ;
Что мы навѣкъ соединимся,
И въ жизни раемъ насладимся:
Умремъ въ сліяніи сердець.

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣшвы ихъ сплелся растушь;
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
Препятствій страшныхъ миллионы,
Тиранство рока и законы
Не могутъ спасти прохлады:
Она всего, всего сильнѣе;
Всего, мой милой другъ, святѣе —
Самъ Богъ великъ намъ пакъ любить!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный пламень
Любви, всесильная любви.
Могуль сказать: «будь, сердце, камень, —
«Угаси огонь въ моей крови?»
Могуль сказать *прости* надеждъ?
Мы видимъ — любимъ, другъ мой, прежде,
Чѣмъ знаемъ, должно ли любить;
Пслюбимъ, и въ себѣ не власны;

Умолкнешь разумъ безприспрасный —
Лишь сердце будешь говоришь.

Когдажъ, о милой другъ! намъ должно
Въ семъ мірѣ только слезы лишь,
Въ другомъ, въ другомъ еще возможно
Нещаснымъ щасливыми бышь!
Клянуся... Небо будь свидѣтель!...
Любишь свящую добродѣтель,
Чшобъ рай въ томъ мірѣ заслужишь,
Гдѣ все прошедшее забудемъ,
Гдѣ только милыхъ помнишь будемъ;
А рай мой... шамъ съ побою жишь!

г. 1796.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ Г. А. ХОВАНСКАГО

Д Е К А Б Р Я 1, 1796.

=

Друзья! Хованскаго не спало!
Увы! намъ въ гробъ всѣмъ лежащъ;
На всѣхъ грозишся смерти жало:
Лишь пронешъ, должно умирашъ!

Иной сидѣль въ златой коронѣ,
Какъ Богъ величіемъ сіялъ:

Взгляни... вѣнецъ лежишь на пронѣ,
Но вѣценосецъ прахомъ спалъ.

Гроза земли, людей губитель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ: «я міра побѣдитель!»
Но пуля въ лобъ, Герой въ землѣ.

Нарциссъ гордился красоюю,
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ скелешъ махнулъ косою...
Проспи любовь! Нарциссъ увялъ.

Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Отъ вора золошо сперегъ;
Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя отъ смерти не сберегъ!

Она и въ пору и не въ пору
Велишь намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, старцевъ безъ разбору
Спышишь за гробъ переселять.

Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живешь,
И міръ покойно оспаляя,
Безъ страха въ темный путь идешь!

Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есть Богъ сердецъ;

Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отецъ.

Чего же подъ Его покровомъ
Бояшся добрымъ въ смертный часъ?
И тамъ, и тамъ, въ жилищъ новомъ,
Найдушся радости для насъ. —

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ;
Онъ былъ... лишь доброй человекъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прежилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависти не зналъ;
Его не многіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жаль;
Опдашь послѣднее былъ радъ.

Друзья! пойдемъ съ душой унылой
Ему печальный долгъ воздашь:
Поплакашь надъ его могилой.
Намъ также будешь умирашь!

КЪ БѢДНОМУ ПОЭТУ.

=

Преспань, мой другъ, Поэшь унымый!
Ропшашъ на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Еще бытъ могутъ сердцу мило.
Форшуна - мачиха тебѣ,
За что - то очень не влюбѣ,
Пустой сумою наградила
И въ мѣръ съ клюкою оппустила;
Но истинно - родная мать,
Природа, любяща награждать
Нещасныхъ пасынковъ Форшуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣшь, чудесный даръ
Вливаешь огонь въ златыя струны,
Сердца гармоніей плѣняешь.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;
Спихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять;
Какъ ппичка въ бѣломъ свѣтѣ волеешь,
Не знаешь клѣпки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вдыхашъ, ропшашъ, ешь спросишь глупцовъ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;

Смотри на быструю рѣку,
Летящую съ сребристой пѣной
По свѣшло - желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленой,
И слушай пѣсни соловья:
Поэшь! Нашура вся пивоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты царь на велелѣшномъ шронѣ.
Оспавъ другимъ носишь вѣнецъ:
Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
Вѣнкомъ изъ нѣжныхъ розъ сплешенымъ,
Тобой опѣ Грацій полученнымъ!
Тебѣ никто не хочеть льстишь:
Чпо нужды? кпо въ душѣ спокоинѣ,
Кпо истинной хвалы достоинѣ,
Тому не скучно вѣкъ прожити
Безъ шума, безъ льстецовъ коварныхъ.
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами пишатъ
Семейство пшичекъ благодарныхъ;
Онѣ хвалу тебѣ споюшъ
Гораздо лучше стиходѣевъ,
Тирановъ слуха, лже - Орфеевъ,
Кошорыхъ Музы въ одахъ лгушъ
Нескладно - пышными словами.
Мой другъ! сущесвеннсссть бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечпами,
Иначе будешь жизнь скучна.
Не Крезъ съ мышками, сундуками
Здѣсь можешь веселѣе жити,

Но шопъ, кто въ бѣдности умѣешь
Себя богатствомъ веселишь;
Кто даръ воображаетъ имѣешь
Въ карманъ тысячу рублей,
Копѣйки въ домъ не имѣя.
Поэтъ есть хитрый чародѣй:
Его живая мысль какъ Фея
Творишь красавицъ изъ цвѣтка;
На соснѣ розы производишь,
Въ крапивѣ нѣжный миршъ находишь
И строишь замки изъ песка.
Лукуллы въ нѣгѣ упоенной
Напрасно вкусъ свой припупленной
Хотятъ чѣмъ новымъ усладишь.
Сапранъ съ Лансою зѣваетъ;
Плашокъ ей бросивъ, засыпаешь.
Ихъ жребій: дни считаешь, не живешь;
Душа ихъ въ роскоши исплѣла,
Подобно камню опѣмѣла
Для чувства радостей земныхъ.
Избытокъ благъ и наслажденья
Есть хладный гробъ воображенья;
Въ мечтахъ, въ желаніяхъ своихъ
Мы только щасливы бываемъ;
Надежда золошо для насъ,
Призракъ любезнѣйшій для глазъ,
Въ кошоромъ щастье лобызаемъ.

Не сытому хвалишь обѣдъ,
За коимъ Нимфы, Ганимедъ

Госпямъ амврозію разносяшъ,
И не въ объятіяхъ Лизепъ
Пѣвцы красавицъ превозносяшъ;
Все лучше кажется вдали.
Сухими фигами пинаясь,
Но въ мысляхъ царски наслаждаєсь
Дарами моря и земли,
Зови къ себѣ въ спихахъ игривыхъ
Друзей любезныхъ и щасливыхъ
На сладкой и роскошной пиръ,
Сбери красопокъ несравненныхъ,
Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
Веди имъ съ нѣжнымъ звукомъ лиръ
Пѣшь въ громкомъ и пріятномъ хорѣ,
Леташъ подобно Тесихорѣ
При плескѣ радостныхъ госпей,
И милой ласкою своей,
Умильнымъ, сладостраснымъ взоромъ,
Нѣмымъ, по внятнымъ разговоромъ,
Сердца къ тому приготавлиашъ,
Чего... въ спихахъ нельзя сказаши.
Или, подобно Донъ - Кишопу,
Имѣя къ рыцарству охоту,
Въ шишакъ и панцырь нарядись,
На борзаго коня садись,
Ищи опасныхъ приключеній,
Волшебныхъ замковъ и сраженій,
Чшобъ добрымъ Принцамъ помогаши,
Принцессъ оиъ узъ освобождаши.
Или, Плапоновъ воскрешая,

И съ ними умъ свой изощряя,
Законъ Республикамъ давай,
И землю въ небо превращай.
Или . . . но какъ все по исчислишь,
Что можешь стихотворецъ мыслишь
Въ укромной хижинкѣ своей?

Мудрецъ, копорой зналъ людей,
Сказалъ, что міръ спойшь обманомъ;
Мы всѣ, мой другъ, лжецы:
Прослые люди, мудрецы;
Непроницаемымъ туманомъ
Покрыша истина для насъ.
Кто можетъ вымышлять пріятно,
Стихами, прозой — въ доброй часъ!
Лишь только бъ было лѣрояшно.
Что есть Поэтъ? искусный лжецъ:
Ему и слава и вѣнецъ!

г. 1796.

О Т С Т А В К А.

Amour, né d'un soupir, est comme lui léger.

=

И шакъ въ отсѣлку ты уволенъ! . . .
Чѣмъ дѣлашь, нѣжной паспуюкъ?
Взяшь въ руки шляпу, посошокъ;
Скажешь: спасибо; я доволенъ!
Идешь, и слезки не пролишь.

Иду, желая милой Хлоѣ
Пріятно съ новымъ другомъ жить.
Свобода дѣло золотое,
Свобода въ мысляхъ и въ любви.
Минуша чувства воспаляетъ,
Минуша гаситъ огнь въ крови.
Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, но шепкой волосокъ:
Дохнетъ ли рѣзвой въперокъ,
Порхнетъ ли бабочка межъ ими . . .
Всему конецъ, и связи нѣтъ!
На чѣмъ упреками пускными
Терзаетъ другъ друга? бѣлой свѣтъ
Своимъ порядкомъ вѣкъ идетъ.
Всѣ любятъ, Хлоя, разлюбляютъ:
Клянутся, клятву пресупають:
Гдѣ судъ на въперность сердецъ?

Что нынѣ взору, чувству мило,
То завтра будетъ имъ поспыло.
Тенерь вамъ нравишся мудрецъ,
Черезъ часъ поправишся глупецъ,
И часто бога Аполлона
(Чему свидѣтель древній міръ)
Смѣнялъ въ любви лѣсной Сапиръ.
Подъ скиптромъ душегубца Крона *
Какому посполанству бытъ?
Гдѣ время царь, тамъ все конечно,
И развѣ въ вѣчности вамъ вѣчно
Придется одного любви!

И такъ смори въ глаза мнѣ смѣло;
Я право, Хлоя, не сердись.
Шумѣшь мужей несносныхъ дѣло;
Любовникъ видишь, и молчишь:
Укажешь дверь — и опъ съ поклономъ
Ее заворишь за собой;
Не ссорясь съ новымъ Селадомъ,
Пойдешь... спихи писаешь домой.

Я жилъ въ Аркадіи съ шобою
Не часъ, но цѣлыхъ сорокъ дней.
Довольно — лучшій соловей
Поешь не долѣе весною...
Я также, Хлоя, пѣлъ тебя!..
И ты съ воспоргомъ мнѣ внимала;

* Сатурна.

Рукою . . . на песокъ писала:
Люблю — люблю — умру любя!

Но старой другъ твой не забудешь,
Что кто о старомъ помнишь будешь,
Лишишься глаза какъ Циклопъ *:
Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
Подъ часъ украсится рогами;
Лишь только былъ бы я съ глазами!

г. 1796.

ПОСЛАНИЕ

КЪ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПЛЕЩЕЕВУ.

=

Мой другъ! вступаю въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душою,
Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговоришь

* Русская пословица: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.»

О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметѣ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На пронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смиренныхъ; —
Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ соснавляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ! ... не зримо ни въ одномъ!

О счастья слово. Удалимся
Подъ вѣтви сихъ зеленыхъ ивъ;
Прохладой чувства освѣживъ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ тишинѣ *.

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ десятъ тысячъ было мнѣнй,
Ученыхъ философскихъ прѣнй,
Въ архивахъ древности сѣдой **
О средствахъ жить счастливо въ свѣтѣ,
О средствахъ обрести покой?

* Сія спихи писаны въ самомъ дѣлѣ подъ тѣнію ивъ.

** Десятъ тысячъ!! Чипапелъ можетъ сомнѣваться въ вѣрности счета; но одинъ изъ древнихъ же Авторовъ пишетъ, что ихъ было точно десятъ тысячъ.

Но почто такъ, мой другъ; въ семь счетовъ
Ошибки нѣтъ. Фалестъ, Хилонъ,
Питтакъ, Эпименидъ, Кришонъ —
Біоны, Симмiн, Спильпоны,
Эсхины, Эммiн, Зеноны,
Въ Лицеѣ, въ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ къ счастью манили
Своею . . . нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плодъ земнаго совершенства
Въ саду ихъ мудроси расцвѣтъ;
Что въ немъ неплѣнный цвѣтъ блаженства
Какъ роза пышная цвѣшетъ.
Слова казались прекрасны,
Но только были несогласны.
Одинъ кричалъ: спупай шуда!
Другой: нѣтъ, нѣтъ, поди сюда!
Чтожъ Греки дѣлали? Смѣялись;
Ученой распрей забавлялись,
А счастье . . . называли сномъ!

И въ наши времена о томъ
Бываетъ много шуму, спору.
Не мало новыхъ гордецовъ,
Которымъ часто безъ разбору
Даютъ названье мудрецовъ;
Они намъ также обѣщаютъ
Открыть прямой ко счастью слѣдъ;

*

Въ глаза же щастія не знають;
Живуть, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ;
Живуть, и горькими слезами
Судьбѣ пихонько плачяшъ сами
За право умниками слышъ,
О щастьи въ книгахъ говорятъ!

Преспанемъ льстятъ себя мечпою,
Искаютъ блаженства подъ луною!
Скорѣе, другъ мой, ты найдешь
Чудесный Философскій камень,
Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
Япешовъ сынъ эфирный пламень
Похитилъ для людей съ небесъ,
Но щастья къ нимъ онъ не принесъ;
Оно въ удѣлъ намъ не досталось,
И тамъ, съ Юпитеромъ, оспалось.
Вдыхай, шужи, но пользы нѣтъ!
Судьбы рекли: «да будешь свѣтъ
«Жилищемъ призраковъ, суешь,
«Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!»
Рекли — и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои въ лапы нарядились,
Плѣняя Славы красотой;
Мечемъ махнули, полетѣли
Въ забаву умерщвляшъ людей;
Одни пресполовъ захопѣли,
Другіе самыхъ олтарей;
Одни шумящими рулями

Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
Другіе мощными руками
Ошверзли въ землю темный ходъ,
Чпобъ взявъ пригоршни свѣшлой пыли!...
Мечпы всѣмъ головы вскружили,
А горестъ вѣзалась въ сердца.
Народовъ сильныхъ побѣдителей
И спранъ безчисленныхъ властителей
Подъ блескомъ свѣшлаго вѣнца
Въ душевномъ мракѣ унывають,
И часно самъ того не знаютъ,
На что величія желалъ
И кровью лавры омочалъ!
Смѣльчакъ, Америку открывшій,
Пути ко счастью не открылъ;
Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
Цѣпями самъ окованъ былъ,
Провелъ и кончилъ жизнь въ спраданъ —
А сей вздыхающій скелетъ,
Который богомъ чпипѣ спяжанье,
Среди богатствъ въ поскѣ живетъ!...
Но кто, мой другъ, въ морской пучинѣ
Глазами волны перечтеть?
И кто представитъ намъ въ картинѣ
Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

Чпожъ дѣлать намъ? Ужель сокрышся
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
Въ какой набудь безвѣстный кровъ,
И съ міромъ навсегда простишься,

Когда, къ несчастью, міръ таковъ?
Увы! Анахоретъ не будетъ
Въ пустынь щасливѣ насъ!
Хотя земное и забудетъ;
Хотя умолкнетъ спроси гласъ
Въ его душѣ уединенной,
Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
Но сердце стѣанетъ унывать,
Въ груди холодной посковавъ,
Не зная, чѣмъ ему заняться.
Тогда пустышнику являся
Химеры, адскія мечы,
Плоды душевной пустошы!
Чудовищъ грозныхъ миліоны,
Змѣи летучія, драконы,
Надъ нимъ крылами зашумяшъ,
И страхомъ умъ его зашмяшъ *...
Въ поскѣ онъ жизнь свою скончаетъ!

Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въ ономъ кѣтъ;
Хотя въ немъ горестъ обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,
Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
Какъ можно менѣе тужить

* Многіе пустышники, какъ извѣстно, сходили съ ума въ уединеніи.

Какъ можно лучше, пише жишъ,
Безъ всякихъ суепныхъ желаній,
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бывашъ краше анемонъ,
Когда украдкой выдешъ опъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
Во тѣмъ густой, въ печальной мглѣ
Сверкнешъ лучъ солнца веселье: —
Добра не много на землѣ,
Но есѣ оно — и тѣмъ милѣе
Ему бышъ должно для сердецъ.
Кто малымъ можешъ бышъ доволенъ,
Не скованъ въ чувсшвахъ, духомъ воленъ,
Не есѣ чиновъ, богашсшва льсшецъ,
Душею шакъ же прямъ, какъ спаномъ,
Не ищешъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждешъ,
Шумящихъ выпровъ не робѣешъ,
Подъ солнцемъ домикъ свой имѣешъ,
Въ сей день для днѣ сего живешъ
И мысли въ даль не проспираешъ;
Кто смопришъ прямо всѣмъ въ глаза;
Кому нещасшнаго слеза
Оправы въ пищу не вливашъ;
Кому работа не шрудна,
Прогулка въ полѣ не скучна
И опдыхъ въ знойный часъ любезенъ;

Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ;
Кто можешь быть пріятнымъ другомъ,
Любимымъ, щасливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто Музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Спихами, прозой забавляетъ
Себя, домашнихъ и чужихъ;
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣялся, право, не грѣшно!)
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется,
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ оспрымъ или ядомъ;
Тому сей міръ не будетъ адомъ;
Тотъ пущь свой розой оцвѣшитъ
Среди колючихъ жизни терній,
Оспраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

г. 1794.

ОТВѢТЪ МОЕМУ ПРІЯТЕЛЮ,

КОТОРОЙ ХОТѢЛЪ, ЧТОБЫ Я НАПИСАЛЪ ПОХВАЛЬНУЮ ОДУ
ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНѢ.

=

Мнѣ ли славишь тихой лирой
Ту, копорая порфирой
Скоро весь обнимешъ свѣшъ?
Лишь безумецъ зажигаешъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяешъ.
Бѣдной чижику не дерзнешъ
Пѣшь гремящей Зевса славы:
Онъ любовь одну поешъ;
Съ нею въ рощицѣ живешъ.

Блескъ Россійскія Державы
Очи бранныя слѣпишъ:
Тамъ на первомъ въ свѣшъ пронъ,
Въ лучезарнѣйшей коронѣ
Мать отечества сидишъ,
Правишъ царствъ земныхъ судьбами,
Правишъ міромъ и сердцами,
Скиптромъ щасіе даришъ,
Взоромъ бури укрощаешъ,
Словомъ милость изливаешъ
И улыбкой все живишъ.

Что Богинѣ наши Оды?
Что Великой пѣснь моя?
Ей пѣвцы — Ея народы,
Похвала — дѣла Ея;
Имъ дивясь, умолкаю
И хвалишь позабываю.

г. 1793.

КЪ НЕИ.

Тебѣ ли думаешь, другъ безцѣнный,
Что есшь измѣнники въ любви?
Огонь, побою воспаленный,
Погаснешь ли когда въ крови?
Погаснешь съ жизнію, не прежде!

И мнѣ ль непоспояннымъ бышь?
Мнѣ ль порхаешь бабочкой, въ надеждѣ
Другую болѣе любишь?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можешь въ жизни человекъ
Два раза бышь влюбленъ, не знаю:

Не станешь сердца, милой другъ,
И сила въ чувствахъ ослабѣешь.
Однажды роза въ годъ албѣешь,
Однажды красится ей лугъ;
Однажды любимъ всей душою —
Чтобъ счастье райское вкусишь,
Или глаза навѣкъ закрышь
Со вздохомъ горести, съ тоскою!

г. 1794.

Д В Ъ П Ъ С Н И.

=

I.

Мы желали — и свершилось!...
Лиза! Небо любишь насъ.
Поспоянство наградило:
Ты моя! — Блаженный часъ!

Быть счастливейшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любишь,
Быть любовникомъ и другомъ...
Ахъ! я радъ на сѣбѣ жить!

Радъ терпѣшь, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣжать;
Радъ и плакашь, есѣли должно
Смершнымъ слезы проливашь.

Нѣжность горе улаждаетъ;
Дружба милою рукой
Слезъ пошюки опираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.

Будь единственнѣмъ предметомъ
Спрасши сердца моего!
Я навѣкъ проспился съ свѣшомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть Прелесшы тамъ сѣяють
Блескомъ хипроспей своихъ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ;
Пусть другіе любящъ ихъ!

Было время заблужденій;
Я какъ бабочка лепалъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморъ искалъ!

Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хипрыхъ былъ;
Всѣхъ Прелесшъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ!

Свѣтъ забудемъ насъ съ побою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

=

II.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ.
О Лиза! кто съ побою
И бѣдности не радъ?

Съ побою жизни бремя
Меня не тягошитъ;
Съ побою, другъ мой, время
Какъ молнія лепитъ.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ побой забава;
Въ своихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь: милой!
Проходишь грусть моя, —
Свѣплѣешь взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!

Топь бѣденъ, кто въ семь мѣръ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Нешасливъ безъ тебя.

Но естли рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ?
Что буду я несчастной? ...
Сырой землей покрытъ!

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя помно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ!

ПРИПИСАНІЕ КЪ Г-ЖЪ N,

КОТОРАЯ ЖЕЛАЛА, ЧТОБЪ Я СПИСАЛЪ ДЛЯ НЕЕ СІИ ДВѢ ПѢСНИ.

=

Невольникъ въ пягоспныхъ цѣпяхъ

О волѣ милой помышляешъ,

Сшарикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ;

Томимый жаждой, воспоминаешъ

О свѣпныхъ, ясныхъ ручейкахъ.

А я чѣмъ сердце занимаю?

О щаспливой любви мечшаю!

г. 1794.

=====

СОЛОВЕЙ, ГАЛКИ И ВОРОНЫ.

Б А С Н Я.

=

Прошедшею веспою,

Вечернею зарёю

Въ лѣсочкѣ семъ пѣвалъ любезный соловей.

Пришла опяпъ весна: гдѣ другъ души моей?

Ахъ, нѣтъ его! Зачѣмъ онъ скрылся? —
За чѣмъ? въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и вороновъ. Онъ и день и ночь
Кричатъ, усталости не знаютъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно терзаютъ!
Чтожь дѣлашь соловью? — Лепѣшь подалъ прочь!

Жестокіе враги и прозой и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ съ вами?

г. 1793.

П Р О Щ А Н І Е.

=

Ударилъ часъ — друзья простите!
Иду — куда, вы знаете хопите?
Въ спрану покойниковъ — за чѣмъ? —
Спросишь тамъ, для чего мы здѣсь, друзья, живемъ!

г. 1796.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

=

Прости, надежда!... и навѣкъ!...
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило;
Исчезло! Слабой человекъ!
Что хочешь дѣлать? обливаешься
Рѣкою горькихъ, щепыныхъ слезъ?
Спенаешь во прахъ и терзаешься?...
Что пользы? Рока и Небесъ
Не пронешь ты своей поскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣтъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душею,
Спокоенъ, вопреки всему.
Чего робѣешь? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно твой другъ, твоя опрада,
За всѣ несчастія награда —
Еще ты въ свѣтъ не одинъ! —
Еще ты міра гражданинъ!...
Смотри, какъ солнце надъ тобою
Сіяетъ славой, красотою;
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ;
Какъ мирно, тихо все въ Природѣ!
Зефиръ спруишь зеркало водъ,

И ппички въ радостной свободѣ
Поюшъ: «будь весель, улыбнись!»
Поюшъ тебѣ согласнымъ хоромъ.
А ты споншь съ унылымъ взоромъ,
Съ душею мрачной? . . . Ободришь,
И вспомни, что бывалъ ты прежде,
Какъ мудрымъ въ чувствахъ подражалъ,
Сократа сердцемъ обожалъ,
Съ Капономъ смерть любилъ, въ надеждѣ
Носилъ безсмертія вѣнецъ.
Жизнейскихъ радостей конецъ
Да будетъ для тебя началомъ
Геройской твердости въ душѣ!
Язвимый людскихъ бѣдствій жаломъ,
Забвенный въ темномъ шалашѣ
Всѣмъ свѣшомъ, ложными друзьями,
Умѣй спокойными очами
На міръ обманчивый взирашь,
Нешасье съ щастьемъ презираешь!

Я сполько лѣтъ мечшой плѣнялся,
Хотѣлъ блаженства, восхищался! . . .
Въ минушу все покрылось тьмой,
И я остался лишь съ тоской!

Такъ пѣкій зодчій, созидая
Огромный, велелѣпный храмъ
На диво будущимъ вѣкамъ,
Гордился духомъ, помышляя
О славѣ дѣла своего;

Но вдругъ огромный храмъ трясется,
Падетъ . . . . упалъ . . . . и нѣтъ его! . . .
Чтожь бѣдный зодчій? онъ клянется
Не строить впредь, безопасно жить — —
А я клянуся . . . не любить!

г. 1795.

П Ъ С Н Я.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Любилъ я рѣзвую Пльниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею спраспью забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,

И васъ, красавицы, забуду.

Нѣшъ, нѣшъ! что прибыли любилъ?

Мнѣ горы золоша сулили;

Надѣйся! взоромъ говорили.

Пришло къ развязкѣ наконецъ. . . .

И чпожь? мнѣ двери указали!

Учись знашь шушку, другъ! сказали —

Онѣ смѣются! . . . я глупецъ!

Нѣшъ, полно, полно! впредь не буду

Себя пустой надеждой льспишь,

И васъ, красавицы, забуду.

Нѣшъ, нѣшъ! что прибыли любилъ?

Топъ вѣкъ нещасливъ будешь съ вами,

Кто любилъ прямо, не словами,

Вамъ мило головы кружилъ,

Играшь невинными сердцами,

Даришь насъ рабствомъ и цѣпами,

И только для щеславья живъ.

Нѣшъ, полно, полно! впредь не буду

Себя пустой надеждой льспишь,

И васъ, красавицы, забуду.

Нѣшъ, нѣшъ! что прибыли любилъ?

Ахъ! лучше по лѣсамъ скидаться,

Съ Лапландцами въ снѣгу валяться

И плавать въ лодкѣ по морямъ,

Чѣмъ бышь плаксивымъ Селадомъ,
Твердишь увы печальнымъ пономъ,
И вѣкъ служишь пошѣхой вамъ!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льспишь,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

г. 1795.

В Р Е М Я.

П О Д Р А Ж А Н І Е.

=

Всѣ вещи разрушаетъ время,
И мрачной скукой насъ помилъ;
Оно какъ тягостное бремя
У смертныхъ на плечахъ лежишь.
Намъ, право, согласишься должно
Ему такимъ же зломъ плапишь,
И дѣлаешь все, чѣмъ только можно
Его скорѣе погубишь.

КЪ ПОРТРЕТУ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

=

Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣшель;
Душей плѣняетъ умъ, умомъ душѣ мила;
Въ благошвореніяхъ ЕЙ только Богъ свидѣтель;
Хвалима... но предъ НЕЙ безмолвствуетъ хвала.

г. 1819.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРИИ ТЕОДОРОВНѢ

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

Живи, Монархиня, ко щасію людей!
Для суешныхъ забавъ жизнь наша скоропечна:
Для добродѣтели всегда есть время въ ней.
Добромъ безсмертна ТЫ: такъ будь же долговѣчна!

г. 1820.

КЪ МЕЛОДОРУ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

=

Когда блѣднѣетъ все въ подлунномъ мрачномъ мірѣ,
И жертвы плаваютъ въ дымящейся крови *,
Тогда, о Мелодоръ! на крошкѣ, пѣжной лирѣ
Играя, ты поешь о сладостяхъ любви?
Умолкни, милой другъ!... Кто будетъ наслаждаться
Гармоніей твоей? кто ею восхищаться?...
Но нѣтъ! играй и пой, любезнѣйшій Орфей!
Поешь и въ страшный громъ на миршахъ соловей **!

г. 1795.

Х Л О Я.

=

Пусть свѣтъ злословный утверждаетъ,
Что въ Хлоѣ посполяспива нѣтъ;
Что Хлоя всякой день мѣняетъ
Любви своей предметъ!

* Тогда была война.

** Сии стихи писаны во время грому — и въ самую ту минуточку пѣлъ соловей.

Не правда: Хлоя обожаетъ

Всегда одинъ предметъ;

Его всему предпочиняетъ —

«Кого же? вѣрно не тебя?»

Ахъ, нѣтъ! . . . себя!

г. 1795.

Л И Л Е Я.

Я вижу памъ лилею.

Ахъ! какъ она бѣла,

Прекрасна и мила!

Душа моя плѣнилась ею.

Хочу ее сорвать,

Держать въ рукахъ и цѣловать; —

Хочу — но рокъ меня съ лилеей разлучаетъ:

Ахъ! бездна между насъ зияетъ! . . .

Тоска шерзаетъ грудь мою;

Спою печально, слезы лью.

Взираю издали на пѣжную лилею —

Она сошворена бытъ, кажешся, моею,

И пихой въперокъ

Ко мнѣ склопяетъ спебелѣкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой цвѣшокъ,
Головка снѣжная, ко мнѣ . . . по рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: «она не для тебя!
Увянетъ не съ пвоей слезою;
Другой сорветъ ее холодною рукою;
А ты . . . смолри, терзай себя!»

О Лиза! я съ побою
Душей дѣлился сотворенъ,
Но бездной разлученъ!

г. 1796.

ГЕКТОРЪ И АНДРОМАХА.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ШЕСТОЙ КНИГИ ИЛІАДЫ.

(Во время сраженія Троянъ съ Греками, Гекторъ у ворошъ городскихъ прощается съ Андромахою; подлѣ нее споймъ кормилица, держа на рукахъ маленькаго сына ихъ. Сія сцена изображена на многихъ картинахъ и эстампахъ.)

=

Безмолвствуя, Герой на милую взираетъ,
И къ сердцу нѣжному супругу прижимаетъ;
Тоска въ ея душѣ, уныніе и страхъ.

«О Гекторъ!» — говоритъ печальная въ слезахъ —

«Ты хочешь умереть! оставишь сиротою

«Младенца бѣднаго, меня навѣкъ вдовою!

«Ахъ! можно ль жить пому, кто жизни не щадитъ?

«Геройство, храбрый духъ тебя не защититъ.

«Враги безчисленны: тебѣ погибнуть должно! . . .

«О боги! еслили вамъ спасти его не можно,

«Пусть прежде я навѣкъ сомкну глаза свои!

«Въ печали, въ горести возникли дни мои:

«Въ печали, въ горести имъ должно и скончаться!

«Почто мнѣ въ свѣтѣ жить? кѣмъ буду утѣшаться?

«Всѣ ближніе мои въ сырой землѣ лежатъ.

«Озлобленный Ахилъ разрушилъ славный градъ,

«Гдѣ царствовалъ нашъ родъ; убійственной рукою

«Лишивъ меня опіца, Ахилъ почилъ слезою

«Его пусшынный гробъ, надъ коимъ царскій щипъ,
«Блещащее копье и шлемъ съ мечемъ висишъ;
«Гдѣ шлѣпъ прахъ его подъ шъною древъ священныхъ,
«Руками Ореадъ въ семь мѣстъ насажденныхъ.
«И братія мои въ невинности своей
«Погибли на зарѣ цвѣпущихъ, юныхъ дней.
«Зеленые луга ихъ кровью обагрились,
«Гдѣ съ агнцами они играя веселились.
«Смерть въ младости спрашна! Оспалась мать моя;
«Но строгій, тяжкій плѣнь былъ жребіемъ ея;
«Когда же наконецъ въ опчизну возвратилась,
«Опъ горести и слезъ въ міръ шъней преселилась.

«Но я не сирота, пока супругъ мой живъ;
«И съ Гекторомъ судьбу мою соединивъ,
«Родишелей, друзей и братій въ немъ имѣю.
«Въ шебъ они живутъ: ты смертію своею
«Ихъ снова умертвишь. — Ахъ! сжался надо мной...
«Надъ бѣднымъ, плачущимъ, безмолвнымъ сиротой!
«Сей день ужасенъ мнѣ: оспанься, Гекшортъ, съ нами!
«Пусть войны швой сражающа съ врагами;
«Но ты оспанься здѣсь и городъ защищай.
«Смотри, какъ вождь Апридъ, какъ храбрый Менелай,
«Аяксъ, Идоменей, Ахейскіе Герои,
«Спрямяшся дерзостно къ врагамъ священной Трои!
«Будь стражемъ нашихъ шънъ; супругу успокой!»

«Что скажутъ обо мнѣ (опвѣшъствуетъ Герой)
Фригійскіе сыны и дщери Иліона,
«Когда укроюсь здѣсь? Не я ль защитникъ шрона

Родителей моихъ? — Кто съ самыхъ юныхъ дней
 Учился не робѣть сверкающихъ мечей;
 Кто въ битвахъ возмужалъ, и дышетъ только славой,
 Тому опасности всѣ должны быть забавой.
 Сіянье дѣлъ моихъ запылился ль пылъ вдругъ? ...
 Погибнешъ не въ спѣнахъ, но въ полѣ швой супругъ
 Увы! наспанешъ день, предсказанный Судьбою,
 Наспанешъ въ ужасъ, и въ прахъ низвергнешъ Трою!...
 Падешъ, разрушится священный Иліонъ!
 Падешъ, разрушится Пріамовъ свѣтлый пронъ!
 Падутъ его сыны! ... Фригійская держава
 Исчезнешъ какъ мечпа — умолкнешъ наша слаба! ...
 Но что душѣ моей ужаснѣе всего?
 Не гибель Фригіи и рода моего,
 Не жалостная смерть родителей почтенныхъ,
 И братьевъ, въ юности цвѣтущей убитыхъ,
 Но участь слезная супруги моея ...
 Сшенаніе, тоска неволи швоея
 Въ опечесшвѣ враговъ! ... Тамъ гордый побѣдитель,
 Троянскихъ древнихъ спѣнь свирѣпый сокрушитель,
 Захочешъ при тебѣ сей подвигъ величашъ,
 Чшобъ горестью швоей свой злобный духъ пишашъ;
 Велишъ тебѣ иши съ фіалою злапою
 На Гиперійскій ключъ, за пѣниспой водою —
 И мспишельный народъ, швою печаль любя,
 Съ коварной радостью шамъ спроситъ у тебя:
 «Супругу ль Гектора мы видимъ предъ собою?»
 Ты шяжко воздохнешъ, и слезною рѣкою
 Омоешь грудь свою! ... Но прежде боги мнѣ
 Откроютъ путь во гробъ. Въ глубокомъ, вѣчномъ снѣ

Не буду зръшь, что ты, любезная, спрадаешь —
Пока твой Гекторъ живъ, печали не узнаешь!»

Сказавъ сіе, Герой младенца хочешь взятьъ,
Чшобъ съ нѣжной ласкою прелестнаго обняшь;
Но грозный шлемъ его младенца успрашаешь:
Онъ плачетъ, и глаза рукою закрываешь. —
Съ улыбкой Гекторъ зришь на сына своего,
И черный, грозный шлемъ снимаешь для него;
Берешь любезнаго, цѣлуешь съ восхищеньемъ,
И вверхъ его подкнявъ, въщаешь съ умиленьемъ:
«Премудрый царь боговъ, всесильный богъ Зевесъ!
И вы, бессмертные власпишли небесъ!
Хранише дни его! Подъ вашею защипой
Да будешь онъ Герой, въ попомствѣ знаменишой;
Да будешь Гекпоромъ счастливейшихъ временъ....
Украшенъ славою и храбрыми почпенъ,
Ужасенъ для враговъ, непобѣдимый воинъ!
Да скажутъ всѣ объ немъ: «сей сынъ опца доспоишъ,
Бессмертенъ по дѣламъ и подвигамъ своимъ!...
И сердце матери да радуется имъ!» —

Сказавъ, любезнаго младенца ей вручаетъ.
Она беретъ его и къ сердцу прижимаетъ,
Покоишъ на груди, усмѣшкой веселишъ.
Но нѣжная слеза въ очахъ ея блеспишъ;
Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ спраха. —
Со вздохомъ Гекторъ ей въщаешь: «Андромаха!
«Ты плачешь?... Ахъ! почто безвременно спрадашь?
«Не власпенъ у меня врагъ злобный жизнь опняшъ,

«Доколѣ я хранимъ державными богами.
«Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесными Судьбами,
«И рано ль, поздно ли скончается нашъ вѣкъ;
«Неуспрашимый вождь и робкій человекъ —
«Со славой иль спыдомъ—изыдетъ въ гробъ безмолвно,
«Оставя милыхъ, всѣхъ родныхъ, друзей... Но полно!
«Поди, любезная! и дома скорбь разстѣй
«Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ пирубный, спукъ мечей
«Зоветъ меня на брань. Тому, кто всѣхъ славнѣе,
«Быть должно впереди,—быть шамъ, гдѣ врагъ сильнѣе.»

Герой въ послѣдній разъ на милую воззрѣлъ,
Обтеръ ея слезу... и грозный шлемъ надѣлъ.
Супруга нѣжная должна повиноваться —
Идешь въ свой тихій домъ слезами обливаясь —
Взираешь издали на друга своего —
Взираешь... но уже вдали не зришь его!
Вздохнувъ, спѣшишь она въ чершогъ уединенный,
Древями мрачными печально осыненный.
Тамъ въ горести своей желаетъ умереть;
Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ смерть
Супруга своего; зришь въ мысляхъ предъ собою
Его кровавый шрупъ, несомый пихо въ Трою
На Греческихъ щитахъ... И солнце для нее
Упрашило на вѣкъ сіяніе свое.

г. 1795.

ПОСЛАНИЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

The gen'rous God, who wit and gold refines *,
And ripens spirits as he ripens minds,
To you gave sense, good humour and... a Poet. —

Pope.

=

О вы, копорыхъ мнѣ любезна благосклонность,
Любезнѣе всего! копорымъ съ юныхъ лѣтъ
Я въ жертву приносилъ, чего дороже нѣтъ:

Спокойствіе и вольность; —

Копорыхъ милые глаза,

Улыбка и слеза

Законъ въ душѣ моей писали,

И мною такъ играли,

Какъ рѣзвый въперокъ перомъ,

Тогда еще, какъ я гонялся

За песпрымъ мопылькомъ,

Считалъ себя богатыремъ,

Когда на дерево взбирался

За ппашкинымъ гнѣздомъ...

(И все лишь для того, чшобъ милой, нѣжной Розъ,

Красоткѣ нашего села,

Подобной въ самомъ дѣлѣ розъ,

Подаркомъ угодишь; чшобъ Роза мнѣ была

* То есть, Фебъ или Аполлонъ.

Обязана своей забавой)....

О вы, для коихъ я хопѣлъ враговъ разить *,
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хопѣлъ воинской славой
Почтеніе людей, опличность заслужишь,
Чшобъ съ лавромъ на главѣ предъ вашими очами
Явись и скажешь: «для васъ, для васъ и вами!
«Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду... поцѣлуй!»
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра не видя,
Въ чиновныхъ гордечахъ чины возненавидя,
Вложилъ свой мечъ въ ножны («Россія поржествуй,
Сказалъ я, безъ меня!»)... и, вмѣсто оспрой шпаги,
Взялъ въ руки листъ бумаги,
Чернилицу съ перомъ,
Чшобъ бышь писателемъ, шворцомъ,
Для васъ, красавицы, пріятнымъ;
Чшобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Ошпѣнки вамъ изображать
Сспрашней щасливыхъ и несчастныхъ,
То кропкихъ, по ужасныхъ;
Чшобъ вы могли сказать:
«Онъ право милъ, и вѣрно переводитъ
«Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ;
«Слова для шонкихъ чувствъ находить!» —
О вы, въ копорыхъ я привыкъ
Любить себя, Природу
И все, что смертныхъ роду
Въ предметъ любви дано!
Я къ вамъ хочу писать посланіе спихами.

* Авшоръ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ вхашъ въ армію.

Дамъ волю сердцу: пусть оно

Съ своими милыми друзьями

Что хочешь, говоришь!

Не нужно думать мнѣ: слова шепчешь рѣкою

Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ всей душою.

Любовь спихи живошворишь,

И спарому даешь видъ новой.

Скажу вамъ, милая — и чѣмъ другимъ начнешь? —

Что вы родитесь свѣтъ подлунный украшаетъ,

Который бы безъ васъ въ угрюмости суровой

Былъ самой мрачной свѣтъ.

Нешасливый Мизогинъ * въ Сибири ввѣкъ живешь:

Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величїи сіяешь —

Душа его опъ хлада умираешь.

Къ сердцамъ и къ счастью Судьбой вамъ опданъ ключъ;

У васъ въ очахъ блещетъ небесный, тихій лучъ,

Который покажетъ намъ долженъ путь къ блаженству,

Добру и совершенству;

Другимъ путемъ къ тому ввѣки не дойдемъ.

Три спраши правяшь свѣтомъ:

Одна имѣешь честь предметомъ,

Другая золото, а прешью живешь

Для вашихъ милыхъ глазъ. Ахъ! первая доводитъ

Людей до спрашныхъ бѣдъ, злодѣевъ производитъ,

Жестокихъ, мрачныхъ Силъ

И яросныхъ Апшиль.

Тамъ льется кровь рѣкой, здѣсь градъ въ огнѣ пы-
лаешь —

* То есть, ненавистникъ женскаго пола.

На что? ... Герой * желаетъ
Сказать: «я побѣдилъ
«И честь безсмертія геройствомъ заслужилъ!»
Но дни побѣдами считая,
Пусть скажетъ, много ли минулъ блаженныхъ счелъ
Опъ въ жизни для себя? и лавромъ остѣняя
Надменное чело, не часто ли хопѣлъ
Укрыться въ стѣнь лѣсовъ, чпобъ жершвъ, его рукою
Сраженныхъ, не видашь,
Ихъ воля не слышаешь?
Пусть славы не ведетъ къ сердечному покою;
Мы зримъ на немъ довольно розъ,
Но больше терній, больше слѣзъ.
Ахъ! щастье любитъ миръ, опъ шума убѣгаетъ:
Таковъ Небесъ уславъ!
Кпо жъ въ злѣшъ душу полагаетъ,
Топъ, всѣ сокровища собравъ,
Еще души не обръшаетъ
Ни въ злѣшъ, ни... въ самомъ себѣ!
Всегда какъ червь ползетъ во прахъ;
Всегда живетъ въ ужасномъ страхѣ,
Чпобъ вдругъ не вздумалось Судьбѣ
Лишить его сокровищъ милыхъ;
Таишся какъ сова въ тѣни ночей унылыхъ,

* То есть, ложной Герой, Аппила и подобные ему. Истинные Герои сражаются для пользы своего опечеснва. — Здѣсь Авторъ представляетъ гестолубіе полько съ худой стороны: о хорошей — молчитъ.

Бояся, чшобы Фебъ его не освѣпилъ
И золоша въ мѣшкахъ лучемъ не расшопилъ.
Трепещетъ листъ, и сердце въ немъ пренещетъ...
«Конечно воръ ко мнѣ идетъ!»...
Гдѣ искра въ воздухѣ сверкнетъ,
Тамъ, кажется ему, кинжалъ убійцы блещетъ —
И сей безумный человекъ
Съ тоскою на часахъ проводитъ весь свой вѣкъ.

Но кто плѣвнися вами,
Любезныя мои, какъ мнѣ бываетъ шопъ,
Какъ нѣженъ сердцемъ, добръ дѣлами!
Природа для него есть зрѣлище красотъ.
Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ, намъ безвѣстныхъ, —
Вверху, за солнцемъ, выше звѣздъ;
Онъ рай нашелъ въ глазахъ прелестныхъ
Любовницы своей; и пѣхъ священныхъ мѣстъ,
Гдѣ милая гуляетъ,
Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другѣ помышляетъ,
Не промѣняетъ онъ на вѣчную весну
Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
Онъ умеръ — для суетъ житейскихъ;
Живетъ — лишь для любви, и зрѣтъ любовь одну
Во всемъ твореніи обширномъ;
Бѣжитъ отъ скуки городской,
Чшобъ въ сельскомъ кровѣ мирномъ
Пишатъ въ груди своей чувствительность, покой.
Гдѣ пихо горлицы воркуютъ,
Другъ друга съ нѣжностью милуютъ,
И гнѣздышко себѣ на юныхъ миртахъ вьютъ;

Гдѣ двѣ малиновки поюшъ;
Гдѣ всѣ богатства Флоры
Сіяюшъ на лугахъ,
Какъ пурпуръ, золото Авроры
Въ часъ упренній блестятъ на тонкихъ облакахъ:
Тамъ онъ, подъ сѣнью древъ душистыхъ,
Тамъ онъ, подъ шумомъ водъ серебристыхъ,
Съ любезною своею въ восторгъ дни ведетъ,
И только лишь онъ нѣжныхъ чувствъ вздыхаетъ,
И только лишь онъ счастья слезы льетъ.
Вкушая радости, онъ радость сообщаетъ
Всему вокругъ себя: приближися ль къ нему
Печальный во слезахъ? онъ слезы осушаетъ —
Убогой ли придетъ? онъ все даетъ ему,
Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вмѣстѣ наслаж-
дался,

Любился, восхищался.....

Велише мнѣ избрать подсолнечной царя:
Кого я изберу, усердіемъ горя
Ко счастью людей? Того, кто всѣхъ нѣжнѣе,
Того, кто всѣхъ спрашнѣе
Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ бы счастливы были!
Ахъ! самой лютой воинъ,
Который вѣкъ на рашномъ полѣ жилъ,
(И жизни былъ едва ли достоинъ!)
Смягчаешь душой, восчувствовавъ любовь;
Услышавъ имя шой, копорою пылаешь,
Щадишь враговъ сраженныхъ кровь,
И мечъ подъяшый... опускаешь.
Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой угодишь,

Пріятный взоръ ея, улыбку заслужишь,
Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ благодѣтель.

Вошъ дѣйствіе любви — вошъ ваша добродѣтель!
Пусть спрогій мужъ Зенонъ въ угрюмости своей
Кричишь, что должно жишь намъ въ свѣшъ безъ
спраспей,

Людьми лишь называешься,

Но камнемъ въ сердцѣ бышь:

Ученію сему въ архивахъ оставаешься,

Въ сердца жъ вовѣки не входишь;

Природа, истина его не освятили

Печашію своей. Сей разумъ, коимъ насъ

Судьбы благія одарили,

О коемъ мудрсцы пвердяшь намъ всякой часъ,

Не есть ли тщетный даръ безъ склонноспей сердеч-
ныхъ?

Онѣ-то движущъ насъ; безъ нихъ и умъ молчишь.

Погибель ждешь пловцевъ безпечныхъ,

Когда ихъ кормщикъ въ бурю спишь;

Но кормщику не можно

Безъ въпра моремъ плышь. Уму лишь правишь должно

Кормиломъ жизни сей:

Насъ по морю несетъ шумящій въпръ спраспей...

Блаженъ, кто съ вѣющимъ Зефиромъ,

Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,

Лешишь на парусныхъ крылахъ

Къ щасливой приспани, гдѣ съ миромъ

Насъ Гепій пихой смерти ждешь!

«Но часто спрасть любви насъ къ горестямъ ведешь!»
Не часто, — иногда: такъ тухлая лампада,

Во тьмѣ для мудраго опрада,
Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мошыхъ:
Уже ли для нюго во мракъ вечеровъ
Сидѣшь намъ безъ огня? О бабочкѣ вздыхаю,
Но свѣчку снова зажигаю.

Злѣщащій Вершерь не законъ;
Тамъ гробъ его: глаза рукою закрываю...

Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тьму брачныхъ олтарей, гдѣ рѣзвый Купидонъ
И скромный Гименей навѣкъ соединяють
Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ наполняютъ.

Но за одну ли спрасть достойны вы вѣнца?
Вамъ юная душа поручена Судьбою;

Младенецъ съ первою слезою
Вамъ, милая, себя въ науку отдаешь;
Съ улыбкой, чувствомъ оживленной,
Опѣ вась онъ первыхъ мыслей ждешь.

Сей цвѣтъ одушевленной
Лишь вашею рукою бытъ можетъ возвращень,
Опѣ хлада, бури сохранень.
Съ любовью матери онъ мило расцвѣщаетъ;
Изъ глазъ ея въ себя лучъ крошечки вливаетъ,
И зрѣетъ нѣжною душой.

Ахъ! я не зналъ себя!... ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней

Въ жилище мрака преселилась!

Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ Судьбой!

Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ бытъ побой!

Другіе на колѣняхъ

Любезныхъ маперей въ веселіи цвѣли,

А я въ печальныхъ тѣняхъ

Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,

На мохъ твоей могилы! . . .

Но образъ твой священный, милый

Въ груди моей напечатлѣвъ,

И съ чувствомъ въ ней соединивъ!

Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;

Твой духъ всегда со мной.

Невидимой рукой

Хранила ты мое безопытное дѣлство;

Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,

И совѣстью моею въ часъ слабостей была.

Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,

И въ вѣчности тебя узнаю! . . .

Прости же мнѣ, что я о мертвой вспомнулъ,

И съ горестью вздохнулъ!

Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ нѣжнымъ криномъ,

Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ ясиномъ,

И тысячи цвѣтовъ

Песпрѣюшъ на берегу кристальныхъ ручейковъ,

Не знаешь, что хвалишь, надъ чѣмъ остановишься,

На что сморѣшь, чему дивишься:

Такъ я перяюсь въ красотахъ

Прелесныхъ вашихъ душъ. — Хвалишь ли въ васъ
по чувство,

Которымъ истину находите въ вещахъ *

Скорѣ всѣхъ мушинъ? Намъ надобно искусство,

Трудишься разумомъ, работаешь, размышляешь,

Чтобъ истину сыскаешь;

Для насъ она живетъ въ лѣсахъ, въ вершепахъ темныхъ

И въ кладяхъ подземныхъ:

Для васъ же пшичкою летаетъ на лугахъ;

Махнете ей, — и вдругъ она у васъ въ рукахъ....

Скажете, опъ чего мудрецъ Сократъ милѣ

Всѣхъ прочихъ мудрецовъ? ученіе его

Пріятнѣе другихъ, пріятнѣе, сильнѣе

Насъ къ мудрости влечетъ? Я знаю — опъ того,

Что Грацій онъ любилъ, съ Аспазіей былъ друженъ.

Философу совѣтъ вашъ нуженъ,

Чтобъ умъ людей плѣнилъ, подобно какъ сердца

Умѣете плѣнять. Любезность мудреца

Должна быть испивъ приправой;

Иначе скученъ намъ и самый разумъ здравой —

Любезность же сія есть вашъ безцѣнный даръ.

Хвалишь ли въ васъ шопъ жаръ,

Съ которыми вы всегда добро шворишь гоповы?

Вамъ милы бѣдныхъ кровы;

Для васъ они священный храмъ,

* Я нѣсколько разъ имѣлъ случай удивляться остроумію понятію женщинъ, которое Лафатеръ называетъ чувствомъ истины. Мужчина десять разъ перемѣняетъ мысли свои; женщина остаетъ при первомъ чувствѣ, — и рѣдко обманывается.

Гдѣ добродѣтели небесной
 Рукою вашею прелестной
 Курился оиміамъ.

У васъ учисься должно намъ,
 Какъ ближнему служишь. Я видѣлъ жепъ прекрасныхъ,
 Кошорыхъ юный вѣкъ шому лишь посвященъ,
 Чшобъ муки уполяшь несчастныхъ *;
 Всечасно взоръ ихъ устремленъ
 На шо, что душу возмущаетъ:
 На скорбь, спраданіе и смершь!

Съ какою кропосью ихъ голосъ увѣщаетъ
 Болящихъ не ропшашъ на Бога, но терпѣшь!
 Колѣна преклонивъ, одна у Неба просишь
 Имъ здравія, или... спокойнаго конца;
 Другая пишіе цѣлебное разносишь,
 И ласкою живишь тоскующихъ сердца.

Своею красошою
 Могли бъ онѣ Царей плѣняшь;
 Но имъ милѣе бышь съ болѣзною, нищешою,
 Чшобъ бремя ихъ сколь можно облегчаешь!
 Я былъ шому свидѣтель,
 И слезной, пламенной рѣкой
 Излилъ воспоргъ души. — Ахъ! благосшь, добродѣ-
 тель
 Священіе всего являють образъ свой
 Въ лицѣ красавицы любезной!

* Орденъ такъ называемыхъ *сестръ милосердія*, *Sœurs grâ-
 ces*, кошорыхъ нѣжшому челошвколюбію удивлялся я въ Ліон-
 скихъ больницахъ.

Хвалишь ли васъ, друзья мои, за даръ полезной
Мушинъ развеселяшь
Однимъ пріятнымъ взоромъ?
Безъ васъ что дѣлашь намъ? Другъ друга усыплять
Холоднымъ, скучнымъ разговоромъ?
Явишесь въ обществѣ съ усмѣшкой на устахъ,
И вдругъ во всѣхъ очахъ
Веселья лучъ сверкнешъ; нашъ разумъ оживишся;
Чтобъ милымъ полюбишся,
Мущина самъ бываетъ милъ...

Но кто бъ исчислилъ все, чѣмъ свѣту вы полезны,
Чѣмъ сердцу вы любезны,
Тотъ Эйлеръ бы другой въ наукѣ *числить* былъ.
Довольно, что вы насъ во всемъ, во всемъ добрѣе,
Потти во всемъ умнѣе,
И будете всегда намъ въ нѣжности примѣръ.
Пусть васъ злословишь — лицемѣръ,
Который для того красавицъ порицаешъ,
Что средству нравишся красавицамъ не знаешъ!
Скажите, что *любезенъ онъ* —
И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ... Селадонъ!

Положимъ, что пайти въ васъ слабости возможно;
Но развѣ опъ того луна ужъ не свѣшла,
Что видимъ паша въ ней? Ахъ, нѣтъ! она мила,
И крошкой свѣтъ ея Поэтамъ славить должно.
Луна есть образъ вашъ: ея сребристый лучъ
Тьму ночи озаряешъ,

А прелесть ваша намъ опраду въ грудь вливаетъ
Среди печальныхъ жизни тучъ.

Гдѣ только люди просвѣпились,
Жизнь, мыслишь научились,
Мушны обожаютъ васъ.

Гдѣ разумъ, чувство въ усыпленъ;
Гдѣ смертныхъ родъ во тьмѣ невѣжества погрозъ;
Гдѣ санъ, права людей въ презрѣны,
Тамъ презрѣны и вы. — О Азія, раба

Насильствъ, предразсужденій!

Когда всемошная Судьба

Въ тебѣ разсѣетъ мракъ несчастныхъ заблужденій,
И нѣжный полъ спѣ узъ освободитъ?

Когда познаешь ты пріятность вольной свободы?

Когда въ тебѣ любовь сердца соединитъ,

Не тяжкая рука жестокой, лютой власти?

Когда не гнусной спрѣжъ, не крѣпость мрачныхъ силъ,

Но вѣрность красотѣ хранилищею будетъ?

Когда въ любви тиранъ — мушны позабудетъ,

Что больше женщины онъ силой надѣленъ?

Когда? когда? . . . Уже Дщерь Неба, Другъ Судбины,

Возвѣла на тебѣ — орлы Екатерины

Къ своимъ спранамъ лепятъ,

И человечества любезной половиной

Такъ вольность возвѣспѣтъ! . . .

Хоръ женщинъ загремитъ: *слава и честь Богинѣ!*

Цвѣщи, о нѣжный полъ! и сыпь на насъ цвѣты!

Исчезли для меня прелестныя мечты —

Уже я не могу плѣнять васъ красотою,
Ни юностью своей: весна моя прошла,

Зрю осень предъ собою,

А осень, говоря, скудна и не мила!

Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ опрадой,

И сладкою наградой

За то, что въ жизни я опъ злыхъ мужчинъ терплю;

Но все, но все еще люблю

Въ Апрѣль рвать фіалки съ вами,

Въ жаръ лѣтній отдыхать въ тѣни надъ ручейками,

Въ печальномъ Октябрѣ грустить и посковавъ,

Зимой передъ огнемъ романы сочинявъ,

Васъ пѣшишь и спрашиваешь!

Сказавъ любви: *прости!* я дружбою святою

Живу и жить хочу. Мнѣ рѣзвой Купидонъ

Опсшавку подписалъ — любовникъ съ сѣдиною

Не можешь щасливъ быть: таковъ Судьбы законъ —

Но истинныхъ друзей я въ васъ же обрѣшаю.

Наина! десятишь лѣтъ пошъ день благословляю,

Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первой разъ;

Гармонія сердець соединила насъ

Въ единый мигъ навѣкъ. Что былъ я? сиротою

Въ проспранномъ мѣрѣ семъ; скучалъ самимъ собою,

Печальнымъ бытіемъ. Никто меня не зналъ,

Никто участія въ судьбѣ моей не бралъ.

Чувствительность въ груди пшая,

Въ сердцахъ у всѣхъ людей я камень находилъ;

Среди цвѣшущихъ дней душею увядая,

Не въ свѣтѣ, но въ пустынѣ жилъ.

Ты дружбой, искренностью милой

Упѣшила мой духъ унылой;
Святой любовью своей
Во мнѣ цвѣтъ жизни обновила,
И въ горестной душѣ моей
Источникъ радостей открыла.
Теперь, когда я заслужилъ
Улыбку Грацій, Музъ прелестныхъ,
И гордой свѣтъ меня улыбкою почпилъ;
Не мало слышу я привѣстивъ, сердцу лесныхъ,
Опѣ добрыхъ, нѣжныхъ душъ. Славнѣйшіе шворцы
И Фебовы друзья, бессмертные Пѣвцы,
Меня въ любви своей, въ пріязни увѣряютъ,
И слабый мой талантъ къ успѣхамъ ободряютъ.
Но знай, о вѣрный другъ! что дружбою швоей
Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,
И хижину съ побою,
Безвѣстность, нищету,
Черногамъ золотымъ и славѣ предпочту.
Что истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? Онъ любилъ:
Онъ нѣжной женицы нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!

г. 1795.

ГРАФЪ ГВАРИНОСЪ.

ДРЕВНЯЯ ГИШПАНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА.

Худо, худо, ахъ Французы!

Въ Ронцевалъ было вамъ!

Карлъ Великой шамъ лишился

Лучшихъ рыцарей своихъ.

И Гвариносъ былъ пойманъ

Многимъ множествомъ враговъ;

Адмирала вдругъ плънили

Семь Арабскихъ Королей.

Семь разъ жеребей бросающъ

О Гвариносъ Цари;

Семь разъ сряду достаешься

Марлошесу онъ на часъ.

Марлошесу онъ дороже

Всей Аравіи большой.

«Ты послушай, что я молвлю,

О Гвариносъ!» онъ сказалъ:

«Ради Аллы, храбрый воинъ,

Нашу вѣру пріими!

Все возьми, чего захочешь,
Чпо приглянешся тебѣ.

«Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу опдамъ;
На любой изъ нихъ женися,
А другую такъ возьми,

«Чшобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью опдамъ.»

Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлошесу онъ сказалъ:
«Сохрани Господь небесный
И Марія, Машъ Его,

«Чшобъ Гвариносъ, Христіанинъ,
Магомету послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣста
Дорогая ждетъ меня!»

Марлотесь, пришедши въ яроснь,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
«Вмигъ Гвариноса окуйте,
Нечестиваго раба;

«И въ шемницу преисподню
Засадите вы его.

Пуспъ гніетъ шамъ понемногу,
И умретъ какъ бѣдный червь!

«Цѣпи пѣжки, въ семь сотъ фунтовъ,
Возложите на него,
Отъ плеча до самой шпоры —
Спрашенъ въ гнѣвъ Марлошесъ!

«А когда настанетъ праздникъ,
Пасха, Святки, Духовъ день,
Въ кровь его тогда съкипе
Предъ глазами всѣхъ людей.»

Дни проходятъ, дни приходятъ
И насталъ Ивановъ день;
Христіане и Арабы
Вмѣстѣ празднуютъ его.

Христіане сыплютъ галгантъ *;
Миршы мечетъ всякой Мавръ **.
Въ почестъ празднику заводятъ
Разны игры Марлошесъ.

Онъ высоко цѣль поставилъ,
Чтобъ попасъ въ нее копьемъ.

* Индѣйское растеніе.

** Въ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали улицы галгантомъ
и миршами.

Всѣ свои бросають копья,
Всѣ Арабы мѣшаютъ въ цѣль.

Ахъ, напрасно! нѣтъ удачи!
Цѣль для слабыхъ высока.
Марлошесь вельмъ во гнѣвъ
Черезъ Герольда объявить:

«Дѣшамъ груди не сосаши,
А большимъ ни пишь, ни ѣшь,
Естьли цѣли сей на землю
Кпо изъ Мавровъ не сшибешь!»

И Гвариносъ шумъ слышалъ
Въ той темницѣ, гдѣ сидѣлъ.
«Мать Свяшая, чиста Дѣва!
Что за день такой пришелъ?»

«Не Король ли нынѣ вздумалъ
Выдать за - мужъ дочь свою?
Не меня ли съчъ жестоко
Часъ презлой шеперь насталъ?»

Спражъ темничный то подслушалъ.
«О Гвариносъ! свадьбы нѣтъ;
Нынѣ съчъ тебя не будутъ;
Трубный звукъ не то гласитъ...»

«Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
Всѣ Арабы въ шоржесствѣ.
Томъ I.

Всѣмъ Арабамъ на забаву
Марлошесъ поставилъ цѣль.

«Всѣ Арабы копья мечутъ,
Но не могутъ въ цѣль попасишь;
По чему Король во гнѣвъ
Черезъ Герольда объявилъ:

«Питъ и ѣсть никто не можетъ,
Буде цѣли не сшибутъ.»
Тутъ Гваринось вспрепенулся;
Слово молвилъ онъ сіе:

«Дайте мнѣ коня и сбрую,
Съ коей Карлу я служилъ;
Дайте мнѣ копье булашно,
Коемъ я враговъ разилъ.

«Цѣль потчасъ сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Есѣли жъ я сказалъ неправду,
Жизнь моя у васъ въ рукахъ.»

«Какъ!» на то шюремщикъ молвилъ:
Ты семь лѣтъ въ шюрмѣ сидѣлъ,
Гдѣ другіе больше года
Не могли никакъ прожитьъ;

«И еще пы думашъ можешъ,
Что сшибешъ на землю цѣль? —

Я пойду сказаць Инфанту,
Что теперъ ты говорилъ.»

Скоро, скоро поспѣшаетъ
Спражъ темничный къ Королю;
Приближается къ Инфанту,
И приноситъ вѣсть ему:

«Знай, Гвариносъ Христіанинъ,
Что въ пюрѣмъ семь лѣтъ сидишь,
Хочешъ цѣль сшибишь на землю,
Есѣли дашъ ему коня.»

Марлошесъ, сіе услышавъ,
За Гвариносомъ послалъ;
Царь не думалъ, чтобъ Гвариносъ
Могъ еще конемъ владѣть.

Онъ велѣлъ принесть всю сбрую
И коня его сыскаць.
Сбруя ржавчиной покрыша,
Копъ возилъ семь лѣтъ песокъ.

«Ну, ступай!» сказалъ съ насмѣшкой
Марлошесъ, Арабской Царь:
«Покажи намъ, храбрый воинъ,
Какъ сильна рука твоя!»

Такъ какъ буря разъяренна,
Къ цѣли мчишься сей Герой;

*

Мечешъ онъ копье булатно —
На землѣ вдругъ цѣль лежишъ.

Всѣ Арабы взволновались,
Мечушъ копья всѣ въ него;
Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ съчешъ.

Солнца свѣтъ почти зашмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые спремались
На Гвариноса всѣ вдругъ.

Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ,
И до Франціи доспигъ,
Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.

г. 1789.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА УМИРАЮЩАГО.

=

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣспильникъ погашаю.

Богъ далъ мнѣ сердце: я спрадалъ,
И Богу сердце возвращаю.

г. 1795.

=====

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА.

=

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.

=====

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ.

=

Съ печалю радость здѣсь едва ли не равна:
Надежда съ первою, съ другою *боязнь* дана.

=====

СТРАСТИ И БЕЗСТРАСТІЕ.

=

Какъ бѣденъ челоуѣкъ! намъ спраси горе, мука;
Безъ спраси жизнь не жизнь, а скука:
Люби, и слезы проливай;
Покоень будь, и вѣкъ зѣвай!

г. 1795.

=====

СПОРЩИКЪ.

=

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!
г. 1796.

=====

ЛЮБОВЬ КО ВРАГАМЪ.

=

«Взгляните на меня: я въ двадцать лѣтъ старикъ;
Весь высохъ какъ скелетъ, едва пасаю ноги;
Смотрю въ очки, ношу парикъ;
Былъ Крезомъ годъ назадъ, теперъ я Ирѣ убогій.»
—Какой же адской Духъ съ тобою такъ сшушилъ?—
«Красавицы: увы! я спрашно ихъ любилъ!»
— За чпожь, когда онѣ тебѣ врагами были? —
«Насъ учашъ, чпобы мы враговъ своихъ любили!»
г. 1796.

=====

КЪ НЕВѢРНОЙ.

=

Разсудокъ говоришь: «все въ міръ есть мечта!»
Увы! несчастливъ пошъ, кому и сердце скажетъ:
«Все въ міръ есть мечта!»

Кому жестокій Рокъ по опытомъ докажетъ.

Тогда увянешъ жизни цвѣтъ;

Тогда несносенъ свѣтъ;

Тогда нашъ взоръ унылый

На горестной землѣ не ищетъ ничего:

Онъ ищетъ лишь . . . могилы! . . .

Я слышалъ спрашный гласъ, гласъ сердца моего,
И съ прелестью души, съ надеждою просился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

Когда любви твоей я, милая, лишился,

~~Могу ли что нибудь~~, могуль себя любить? . . .

Кто въ жизни испыталъ всю сладость вѣжной любви,

И нравился себѣ, пошъ . . . жилъ и долго жилъ;

Мнѣ должно умереть: такъ Рокъ опредѣлилъ.

Ахъ! еслибъ было въ нашей власти

Вовѣки пламенно любить,

Вовѣки въ миломъ сердцѣ жить,

Никтобъ не захопѣлъ расстаться съ здѣшнимъ свѣ-
томъ;

Тогда бы человекъ былъ завися предметомъ

Для жителей небесъ. — Упреками тебѣ
Скучашь я не хочу: упреки бесполезны;
Насильно никогда не можемъ быть любезны.
Любви покорно все, любовь... одной Судьбѣ.

Когда опъ сердца сердце удалился,
Напрасно звашь его: оно не возвратится.

Но странникъ въ горестныхъ мѣстахъ,
Въ пустынь мертвой, на пескахъ,
Пріяпности луговъ, долинь воображаетъ,
Черезъ кои нѣкогда онъ шелъ:

«Тамъ пѣли соловьи, тамъ миртъ душистый цвѣлъ!»
Сей мыслю себя спрдалецъ лишь терзаешь,
Но всѣ несчастные о щастьи говорятъ.
Имъ учась... воспоминашь, щастливцу... наслаждаешься:
Я также вспомню рай, питая въ сердцѣ адъ.

Ахъ! было время мнѣ мечтать и заблуждаться:
Я прожилъ придцать лѣтъ; съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ Зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ
Мнѣ часто подавала;
Какъ рѣзвый въперокъ рука моя играла
Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;
Армиды Тассовы, Лаисы нашихъ дней
Улыбкою любви меня къ себѣ манили,
И сердце юноши быль въпренымъ учили;
Но я влюблялся не любя.

Когда жь узналъ себя;
Когда дрожащими руками
Обнявъ другъ друга, все забывъ —
Двумя горящими сердцами

Союзъ священный заключивъ —
Мы небо на землѣ вкусили,
И вѣчноспѣ въ мигъ одинъ вмѣспили:
Тогда, тогда любовь я въ первый разъ узналъ;
Ея воспоргомъ изнуренной,
Лишился мыслей, чувствъ, и смерти ожидалъ,
Прелеснѣйшій, блаженной! . . .
Но рокъ хотѣлъ меня для горя сохранить;
За счастье должно намъ несчастіемъ плашить.

Какая смертная какъ ты была любима,
Какъ ты богопворима?
Какая смертная была
И споль любезна, споль мила?
Любовь въ тебѣ пылала,
И подлѣ сердца моего
Любовь, любовь въ швоемъ такъ сильно шрепешала!
Съ небесной сладостью дыханья швоего
Она лилась мнѣ въ грудь. Чшо слово, шо блаженство;
Чшо взоръ, шо новый даръ. Я цѣлой свѣшъ забылъ,
Природу и друзей: Природы совершенство,
Друзей, себя, Творца, въ тебѣ одной любилъ.
Единый часъ разлуки
Былъ сердцу моему несноснымъ годомъ муки;
Прощаясь съ тобой,
Прощался я съ самимъ собой . . .
И съ чувствомъ обновленнымъ
Къ тебѣ въ объятія спѣшилъ;
Въ душевной радости рѣкою слезы лилъ;

Въ блаженствѣ препенялъ... не смерпнымъ, богомъ
былъ!...

И прахъ у ногъ твоихъ казался мнѣ священнымъ!

Я землю цѣловалъ,

На кою ты спупала;

Какъ Нектаръ воздухъ пилъ, копорымъ ты дышала...

Увы! опъ щаспья здѣсь никшо не умиралъ,

Когда не умеръ я!... Оспавишь мiръ холодный,

Копорый врагъ чувствипельнымъ душамъ;

Обнявшись перейпи въ другой, гдѣ мы свободны

Жишь съ тѣмъ, что мило намъ;

Гдѣ царствуешь любовь безъ всѣхъ предразсуждений,

Безъ всѣхъ несчастныхъ заблуждений;

Гдѣ Богъ улыбкой вспрѣшишь насъ...

Ахъ! сколько, сколько разъ

О томъ въ воспоргѣ мы мечпали,

И вмѣстѣ слезы проливали!...

Я былъ, я былъ любимъ тобой!

Жестокая!... увы! могло ли подозрѣнье

Мнѣ душу омрачить? Ужасною виной

Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;

Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной бышь!

Скорѣ насъ Творецъ забудетъ,

Скорѣ извергъ здѣсь покоенъ духомъ будешь,

Чѣмъ милая души мнѣ можешь измѣнить!

Такъ думалъ я... и чтожь? на рѣзъ успѣ небесныхъ,

На тайной красотѣ твоихъ грудей прелестныхъ

Еще горѣлъ, пылалъ мой спраспный поцѣлуй,

Когда сказала ты другому: торжествуй:

Люблю тебя!... Еще ты рукъ не опускала,
Кошорыми меня лаская обнимала,
Другой, другой ужь былъ въ объятіяхъ твоихъ...
Иль въ сердцѣ... все одно! Безъ шучи громъ ужасный
Ударилъ надо мной. Въ волненьи чувствъ моихъ
Я вѣришь не хопѣлъ глазамъ своимъ, несчастный!
И думалъ на яву, что вижу все во снѣ;
Сомнѣніе тогда блаженствомъ было мнѣ —
Но ты, жестокая, холодною рукою

Завѣсу съ испины сняла!...

Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не принесла!...

Какъ можно разлюбилъ, что намъ казалось мило,
Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше сердце жило?

Однажды чувства испощивъ,

Гдѣ новыхъ взявъ для новой спраси?

Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей ли власи

Несвѣрную забылъ? Однажды полюбивъ,

Я долженъ вѣкъ любить; исчезну обожая.

Тебѣ судьба иная;

Иное сердце у тебя —

Блаженствуй! — Самый гробъ меня не утѣшаетъ;

И въ вѣчности я зрю пустыню для себя:

Я буду тамъ одинъ! Душа не умираетъ;

Душа моя и тамъ все будетъ посковавъ

И тѣни милыя искавъ!

г. 1796.

КЪ ВѢРНОЙ.

=

Ты мнѣ вѣрна!... тебя я снова обнимаю!...
И сердце милое твое
Опянь, опянь *мое!*
Къ твоимъ ногамъ въ восторгъ упадаю...
Цѣлую ихъ!... Ты плачешь, милой другъ!...
Сладчайшія слова: *души моей супругъ!*
Опянь изъ успъ твоихъ я въ сердце принимаю!...
Ахъ! какъ благодарить Творца!...
Все горе, всю тоску навѣкъ позабываю!...
.....
Ты блѣднѣешь своего лица
Показываешь мнѣ — прощаешь! Не дерзаю
Оправдывать себя:
Заставивъ мучиться тебя,
Пресупникомъ я былъ. Но мнѣ казалось ясно
Нѣщастіе мое. И ты сама ... прости...
Воспоминаніе душъ моей ужасно!...
Къ сей тайнѣ я тогда не могъ ключа найти *.
Теперь, теперь спыжусь, и впредь клянусь не вѣрить
Ни слуху, ни глазамъ;
Не вѣришь и своимъ словамъ,
Когда бы ты сама хотѣла разувѣрить

* Темно; можно только догадываться.

Меня въ любви своей. На сердце укажу,
Взгляну съ улыбкою, и съ швердостью скажу:

«Оно, мой другъ, спокойно;

«Оно тебя достойно

«Надежностью своей.

«Испышывай меня!» — Пусть прелестью швоей

Другіе также заразятся!

Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — надежды *плодъ*!

Изъ нихъ пусть каждый счастья ждѣтъ:

Я буду счастьемъ наслаждаться.

Ихъ жребій: *милую любить*;

Мой жребій: *милой милымъ быть*!

Хотя при людяхъ намъ не льзя еще словами

Люблю другъ другу говорить;

Но спрасшными сердцами

Мы будемъ всякой мигъ *люблю, люблю швердить* —

(Другимъ языкъ сей непоняшеть;

Но голосъ сердца сердцу вняшеть) —

И взоръ умильный шожъ украдкой подшвердишъ.

Снесу жестокошть принужденья —

(Что дѣлать? шакъ Судьба велишъ) —

Снесу въ блаженствѣ увѣренья,

Что шы моя въ душѣ своей.

Ахъ! истинная спрасш питаешся собою;

Воспорги чувствъ не нужны ей.

Я знаю, что меня съ шобою

Жестокій Рокъ гошовъ надолго разлучишъ;

Скажу тебѣ . . . *прости!* и долженъ буду скрышъ

Тоску въ груди моей! . . . Обильными слезами

Ее не облегчу въ присутствіи другихъ;

И Ангела души дрожащими устами
Не буду цѣловать въ объятіяхъ своихъ! . . .
Разстанься тяжело съ сердечной половиной;
Но . . . я любилъ тобой: сей мыслию единой
Унылой мракъ душевныхъ чувствъ моихъ
Какъ солнцемъ озаришся.
Разлука опытъ намъ:
Кто опыта спрашивая,
Тотъ вѣрно не любитъ, тотъ мало любитъ самъ;
Прямую спрость всегда разлука умножаетъ —
Такъ буря слабый огонь въ минуту погашаетъ,
Но больше силъ огню сильнѣйшему даетъ.
Когда души единственный предметъ
У насъ передъ глазами,
Мы знаемъ по одно, что весело любить;
Но чтобъ узнать всю власть его надъ нами —
Узнать, что безъ него душъ не можно жить . . .
Разстанься съ нимъ! . . . Любовь питается слезами,
Опъ горести расщепъ;
И чувство, что не лѣзя преодолюшь намъ страсти,
Еще ей болѣе даетъ
Надъ сердцемъ сладкой власти.
Когда нибудь, о милый другъ!
Судьбы жестокиа смягчатся:
Два сердца, двѣ руки навѣкъ соединятся;
Любовникъ . . . будетъ твой супругъ.
Ахъ! спанемъ жить: съ надеждой жизнь прекрасна;
Не намъ, тому она ужасна,
Кто любитъ лишь одинъ, не будучи любимъ. —

Исчезнушъ для меня съ опбытіемъ швоимъ
Существенность и міръ: въ одномъ воображеніи
Я буду находить утѣхи для себя;
Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уединеніи,

Поспрою * *домикъ* для тебя,

Для насъ двоихъ, надъ шихою *рѣкою*
Забвенія всего, но только не любви;

Скажу тебѣ: «въ семъ *домикѣ* живи

«Съ любовью, щастіемъ и со мною:

«Для прочаго умремъ. Прельщаяся шобою,

«Я прелести ни въ чемъ ипомъ не нахожу.

«Тебѣ всѣ чувства посвящаю:

«Взгляну ль на что, когда на милую гляжу?

«Услышу ль что нибудь, когда тебѣ внимаю?

«Душа моя полна: я въ ней тебя вмѣщаю!

«Пусть Богъ вселенную въ пустыню превратитъ;

«Пусть будемъ въ ней мы только двое!

«Любовь ее для насъ украситъ, оживитъ.

«Что сердцу надобно? найди, любишь другое;

«А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчность провести,

«И свѣшу говорю: *прости!*»

Прелестный *домикъ* сей вдали насъ ожидаетъ;

Теперь его Судьба завѣсой покрываетъ,

Но онъ явился намъ: въ немъ буду жить съ тобой,

Или мечшу сію... возьму я въ гробъ съ собой.

г. 1796.

---

* Въ мысляхъ.

ДОЛИНА ІОСАФАТОВА,

ИЛИ

ДОЛИНА СПОКОЙСТВІЯ.

=

Долина, гдѣ Судьбы рукою
Хранился таинство сердець;
Гдѣ странникъ, жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Забошъ печальный вѣспникъ, пѣтель,
Не будитъ щасливыхъ во снѣ;

Молчашъ и громы и Бореи,
Не слышенъ грозный ревъ звѣрей,
И мило - злобныя Цирцеи
Не спавяшъ нѣжності съшей;

Гдѣ хитрый богъ, любящій слёзы,
Не мещетъ кипарисныхъ сырѣль;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щасья, испины предѣль!

Справа блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,

И мирный берегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
Хочу ступить на берегъ.... но вдругъ
Съ опливомъ въ море удаляясь,
Бываю жертвой новыхъ мукъ.

Ужель во мрачности шумана
Мнѣ ввѣкъ игрищемъ служишь
Шумящимъ въпрямъ океана,
Безъ цѣли по волнамъ кружишь?

Довольно я терпѣлъ, крушился,
Гоняясь сердцемъ за мечпой;
Любилъ, надѣялся, спрашивалъ:
Ахъ! время мнѣ вкусишь покой!

Навѣкъ въ груди угаси пламень!
Пусть въ ней живетъ единый хладъ!
Пусть сердце превратится въ камень!
Его чувствительность мнѣ ядъ.

Справа блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный берегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

г. 1796.

ЭПИТАФИЯ.

=

Онъ жилъ въ семь міръ для того,
Чшобъ жить — не зная для чего.

С Т И Х И

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ А. А. П—ой, 14 Октября.

=

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась — не весною —
Чшобъ съпующій міръ упъшенъ былъ побоею.

г. 1795.

ТРИОЛЕТЪ АЛЕТЪ *

ВЪ ТОТЪ ДЕНЬ, КАКЪ ЕЙ ИСПОЛНИЛОСЬ 14 ЛѢТЬ.

Четырнадцать лѣтъ
Бышь Флорой право стыдно:
Въ Апрѣль розы вѣшь!
Четырнадцать лѣтъ
Ты лучше всѣхъ Алешъ:
Ахъ! это имъ обидно.
Четырнадцать лѣтъ
Бышь Флорой право стыдно.

г. 1795.

---

* Триолетъ есть игрушка въ стихотворствѣ. Надобно, чтобы онъ состоялъ изъ осьми стиховъ равной мѣры, и на двѣ рифмы; чтобы четвертый стихъ былъ повтореніемъ перваго, а седьмой и восьмой повтореніемъ перваго и втораго.

ТРИОЛЕТЪ ЛИЗЕТЪ.

=

«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ,»
Вздохнувъ я самъ себя сказалъ:
«Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ;
«Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.»
Когда же злоспѣя узналъ...
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!»
Вздохнувъ я самъ себя сказалъ.

г. 1796.

=====

ОТВѢТЪ НА СТИХИ ОДНОЙ ДѢВИЦЫ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ОНА КЛЯНЕТСЯ ХЛОѢ, ДРУГУ СВОЕМУ, ЛЮБИТЬ
ЕЕ ПЛАМЕННО И ВѢЧНО, ОСТАВЛЯЯ ДЛЯ КУПИДОНА ТОЛЬКО
МАЛЕНЬКОЙ УГОЛОКЪ ВЪ СЕРДЦѢ.

=

На первой случай всѣмъ доволенъ Купидонъ;
За тѣсной уголокъ спасибо скажетъ онъ,
И въ немъ, какъ можешь, помѣшишься.

Но скоро уголокъ его распроспраннся;
Любовь весь домъ займешъ,
И Хлоя для себя въ немъ мѣста не найдетъ.

г. 1795.

IM-PROMPTU ГРАФИНѢ Р**,

КОТОРОЙ ВЪ ОДНОЙ СВЯТОШНОЙ ИГРѢ ДОСТАЛОСЬ БЫТЬ
КОРОЛЕВОЮ.

=

Напрасно говоряшъ, что случай есть слѣпецъ:
Сю минушу онъ вручилъ тебѣ вънецъ,
Тебѣ, рожденной бышь Царицею сердецъ.
Сей выборъ доказалъ, что случай не слѣпецъ.

г. 1796.

IM-PROMPTU ДВУМЪ МОЛОДЫМЪ ДАМАМЪ,

КОТОРЫЯ ВЪ МАСКАХЪ ПОДОШЛИ КЪ АВТОРУ, И ХОТѢЛИ
УВѢРИТЬ ЕГО, ЧТО ОНЪ ИХЪ НЕ УЗНАЕТЪ.

=

Ничто, ничто сокрышь Любезныхъ не могло!

На васъ и маска какъ стекло.

Прелестныя глаза Прелестныхъ обличаютъ:

Подъ маскою они не менѣе сіяютъ.

Взглянулъ — и сердце мнѣ

Сказало: вошъ онъ!

г. 1796.

=====

ДЕЛИНЫ СЛОВА.

=

О время! знаю власть закона твоего:

Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;

Но нѣжность сердца моего

Останется со мною;

А пошъ, кто сердцу милъ,

Меня за нѣжность полюбилъ!

г. 1795.

=====

НАДПИСЬ КЪ ДАМСКОЙ ТАБАКЕРКѢ,

НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕНЫ МРАМОРНОЙ СТОЛПЪ И ЦВѢТОКЪ.

=

Любезное глазамъ какъ цвѣтъ весенній плѣнно;

Любезное душѣ какъ мраморъ неизмѣнно.

г. 1795.

=====

НЕСКРОМНОЕ ЭХО.

=

Мнѣ часто эхо измѣняетъ:

Твержу: *Миленьг не люблю!*

Но эхо въ роцѣ отвѣчаетъ:

Люблю.

г. 1795.

=====

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ЖЕСТОКОЙ.

=

Любезна всѣмъ сердцамъ любезная моя;
А ей любезенъ кто? . . . не знаю, по — не я!

г. 1795.

КЪ ЛЬСОЧКУ ПОЛИНЫ.

=

Тебя, лѣсочикъ, насадила
Полина собспвенной рукой:
Кому же посвяпила? —
«Богинѣ прелестпей.» — И шакъ себѣ самой.

г. 1796.

Д А Р О В А Н І Я.

=

Враги ПарнаССкихъ вдохновеній,
Ума и всѣхъ его швореній!
Молчите, — скройшеса во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремѣть хвалу.
Опѣ злобы адской препенцише:
Ихъ слава естѣ для васъ позоръ.
Пѣвца и пѣснь его клянише!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взоръ.

А вы, копорымъ Фебъ прелеспный
Льепъ въ душу огонь и свѣтъ небесный!
Приблнжшеса къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаепъ.
Одна печать на насъ сіяепъ:
Мы служимъ богу одному.
Для васъ беру злашую лиру:
Внимаише, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проникнепъ пѣснь моя. — —

Явися, древностъ, предо мною!
Дерзаю смѣлою рукою

Раскрыть священный твой покровъ...
Что зрю? людей, во тьмѣ живущихъ,
Какъ злокъ безчувственно распушихъ
Среди пустынь, густыхъ лѣсовъ.
Ихъ гласъ какъ страшный ревъ звѣриный,
Ихъ мрачный взоръ свирѣлъ и дикъ;
Опрада ихъ есть сонъ единый;
Имъ день несносенъ, дологъ мигъ.

Сей миръ, обильный чудесами,
Какъ садъ усѣянный цвѣтами,
Зерцало мудраго Творца,
Для нихъ напрасно существуешь,
Напрасно Бога образуешь:
Подобны камню ихъ сердца.
Среди красотъ ихъ око дремлетъ;
Природа вся для нихъ пуста.
Ихъ слухъ гармоніи не внимлетъ;
Безмолвны хладныя уста.

Они другъ друга убѣгаютъ
Или другъ друга поражаютъ
За часть... изсохшаго плода.
Любовь для нихъ есть только звѣрство,
Ея желаніе — свирѣпство;
Взаимной спрасью никогда
Сердца не таятъ, не пылаютъ;
Пошребность, сила все рѣшитъ...
Едва желанья исчезають,
Предметъ обаяній позабытъ.

*

Таковъ былъ родъ людей несчастный...
Но вдругъ явился Фебъ прекрасный
Съ своею лирою златой,
Съ лучемъ небесныхъ дарованій...
И силой ихъ очарованій
Въ душахъ разсѣялъ мракъ тусной:
Въ нихъ искры чувства воспылали!
Наспалъ другой для смертныхъ вѣкъ;
Искусства въ міръ возсіяли:
Родился снова человекъ!

Возспалъ, возрѣлъ — и вся Природа,
Ошъ звѣздъ лазореваго свода
До пѣдръ земныхъ, морскихъ пучинъ,
Предъ нимъ въ изящности явилась;
Въ тайнѣйшихъ связяхъ обнажилась;
Рекла: «будь міра власпелинъ!
«Мои богаства предъ побою:
«Хвали Творца — будь самъ творецъ!»
И смертный гордою рукою
Изъ рукъ ея пріялъ вѣнецъ *.

Гдѣ волны шумныхъ океановъ
Во мракъ бури и шумановъ

* Чувство изящнаго въ Природѣ разбудило дикаго человека и произвело Искусства, которыя имѣли непосредственное вліяніе на общежитіе, на всѣ мудрые законы его, на просвѣщеніе и нравственность. Орфей, Амфіоны были первыми учителями дикихъ людей.

Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,
Съ сѣдыми, дикими хребтами
Главу возносятъ къ облакамъ;
Гдѣ кедръ, дубы вѣковые
Отъ вихрей гнушя и скрипятъ;
Лѣса угрюмые, густые
То тихо дремлютъ, то шумятъ:

Тамъ Геній умспвенныхъ пвореній
Нашелъ источникъ вдохновеній,
Нашелъ въ ужасномъ красоты,
Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
И Бога грознаго прославилъ.
Но тамъ, гдѣ нѣжные цвѣты
Отъ солпечныхъ лучей песпрѣютъ,
Съ зеленой шравкою сплелся;
Криспальны ручейки свѣплѣютъ,
Среди луговъ журча, вѣсь;

Гдѣ въ рощахъ, какъ въ садахъ Армиды,
Лешають рѣзвыя Сильфиды,
И ппички хорами поютъ;
Плоды деревьевъ сіяютъ злапомъ,
Зефиры вѣютъ ароматомъ,
Съ прохладой сладостъ въ душу лютъ:
Тамъ онъ Творца воображаетъ
Въ небесной благоспи Его,

И гласомъ тихимъ изливаєшь
Восторги сердца своего.

Разсудокъ, чувствомъ пробужденный,
Открылъ порядокъ неизмѣнный
Во всѣхъ подлунныхъ существахъ;
Во всѣхъ явленіяхъ чудесныхъ,
Въ бездушныхъ тваряхъ и словесныхъ,
Въ различныхъ года временахъ;
Въ ничтожномъ червячкѣ, въ былинкѣ
Печать премудрости узрѣлъ;
Въ атомахъ мерпвыхъ и въ песчинкѣ
Слѣды величія нашелъ.

Чѣмъ глубже око проникало,
Тѣмъ болѣе сердце обрѣтало
Пріятныхъ чувствъ въ себѣ самомъ:
Любовь душевная, живая,
Любовь чистѣйшая, святая,
Мгновенно воспылала въ немъ:
Надежда, нѣжный страхъ родились,
И взоръ сказалъ: *твоя на вѣкъ* *!
Сердца и руки соединились —
Вкусилъ блаженство человекъ.

* Надежда и нѣжный страхъ суть дѣйствія благородной душевной любви, неизвѣстной дикимъ. *Языкъ взоровъ* есть также слѣдствіе упоенной правдивости.

Опцы и дѣпи обнялися *;
Рѣкою слезы излилися
О жалкихъ, бѣдныхъ сиротахъ,
И слезы бѣдныхъ осушились;
Свящыя жертвы воскурились
Благошворенію въ душахъ —
И ты, о дружба, даръ небесный!
Предстала съ крошостью своею;
Твой милый гласъ и взоръ прелесный
Утѣшилъ лучшихъ изъ людей!

Въ лѣсахъ явились верпограды;
При звукѣ лиръ воздвиглись грады,
И мудрость изрекла законъ:
« Жить вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаться,
« Любить добро и зломъ гнушаться.»
Возсѣла *опытность* на пронь,
Творишь щасливыми народы,
Бышь другомъ - Геніемъ земли;
И люди часъ злопой свободы
Порядку въ жертву принесли **.

Ихъ прежде время угнепало:
Теперь оно крылашымъ спало —
Лешишь, и сыплешь имъ цвѣты;

* Происхожденіе правственной любви родителей къ дѣтямъ
и дѣтей къ родителямъ — жалости, благошворенія, благодар-
ности, дружбы.

** Начало общежитія, законовъ, царской власти.

Его . . . *желанье* призываетъ,
Его . . . *надежда* озлащаетъ
И красящъ розою мечпы.
Труды забава усладила;
Посредствомъ милыхъ Грацій, Музъ,
Пріятность съ *пользою* заключила
Навѣки дружескій союзъ.

И такъ хвала любимцамъ Феба!

Хвала милѣйшимъ чадамъ Неба!

Они творенія вѣнецъ;

Они міръ темный просвѣтили,

И въ садъ пустыню обрашили;

Они пипаютъ огонь сердецъ,

Какъ жрицы древле - чпимой Веспы

Пипали въ храмахъ огонь свяшой;

Покровы красоты опверсны

Для нашихъ взоровъ ихъ рукой.

Они безъ власпи, безъ короны

Дають умомъ своимъ законы,

Ихъ киспъ, рѣзецъ, струна и гласъ

Играютъ нѣжными душами,

Улыбкой, вздохами, слезами,

И чувствво возвышаютъ въ насъ;

Любовь къ Изящному вливая,

Изящность сообщаютъ намъ;

Добро искусствомъ украшая,

Велятъ его любить сердцамъ.

Такъ Фидій Кодра воскрешаетъ,
И въ юномъ воинѣ пылаетъ
Огонь великихъ, славныхъ дѣлъ:
Желанье подражать Герою.
Такъ кистью нѣжною, живою
Сбираетъ прелести Апеллъ
И пишетъ образъ Никофоры
Въ примѣръ Невинности свяшой,
Чшобъ юныхъ дѣвъ сердца и взоры
Нашли въ немъ милый образъ свой.

Такъ голосъ, арфа Тимошеевъ
Смягчаетъ варваровъ, злодѣевъ,
И чувство въ хладный камень льетъ
Но кто, Поэзія свяпая,
Благаго Неба дщерь благая,
Твою чудесность воспоешь?
Ты всѣ Искусства замѣняешь;
Ты всѣхъ Искусствъ глава, вѣнецъ:
Въ себѣ всѣ прелести вмѣщаешь —
Ты богъ чувствительныхъ сердецъ.

Натуры каждое явленье
И сердца каждое движенье
Есть кисти твоея предметъ,
Какъ въ свѣшломъ, явственномъ кристалѣ
Являешь ты въ своемъ зеркалѣ
Для глазъ другой, прекрасной свѣшъ;
И часто прелестъ въ подражаньи
Милѣ, чѣмъ въ Природѣ намъ:

Лѣсокъ, цвѣпочекъ въ описаньи
Еще пріятнѣе очамъ *.

Ламберта, Томсона чипая,
Съ рисункомъ подлинникъ сличая,
Я міръ сей ** лучшимъ нахожу:
Тѣнь рощи для меня свѣжѣе,
Журчащее ручейка нѣжнѣе;
На все съ веселіемъ гляжу,
Что Клейсхъ, Делиль живописали;
Спихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуешь меня!

Карпина нравственнаго свѣща
Еще важнѣе для Поэта;
Богатство тонкихъ чувствъ, идей
Онъ въ ней искусно разсыпаетъ;
Сердца для глазъ изображаетъ
Живою кистію своею:
Приливъ, опливъ желаній спрашныхъ,
Ихъ шѣни, пользу, сладкій ядъ;

* Всѣ прелести Изящныхъ Искусствъ суть не что иное,
какъ подражаніе Натурѣ: но копія бываетъ иногда лучше ори-
гинала — по крайней мѣрѣ дѣлаешь его для насъ всегда зани-
мательнѣе: мы имѣемъ удовольствіе сравнивать.

** То есть, міръ физической, которой описывали Томсонъ и
Сп. Ламбертъ въ своихъ поэмахъ.

Рай свѣпмый, небо душъ прекрасныхъ,
Порока вредъ и злобы адъ.

Кшо милыхъ слезъ не проливаетъ,
Какая грудь какъ воскъ не паетъ,
Когда любимецъ крошкихъ Музъ
Поетъ швое, Любовь, блаженство,
Души земное совершенство,
Двухъ пламенныхъ сердець союзъ,
Одно другимъ благополучныхъ,
Нашедшихъ вѣкъ злопой въ себѣ,
Въ нещасьи, въ смерпи неразлучныхъ,
На зло и людямъ и судьбѣ?

«Для смерпныхъ много бѣдъ ужасныхъ;
«На каждомъ шагѣ зримъ нещаспныхъ:
«Но можно ль Небо порицать?
«Оно - - - любить не запретило!
«Чье сердце Некшаръ сей вкусило,
«Топѣ долженъ Бога прославлять,
«Сказавъ: *мы щастливы! мы гада*
«*Всещедрыхъ, всеблагихъ Небесъ!*
«Любви минута есть награда
«За годъ унынія и слезъ!»

Любовь Поэзіей прелестна;
Холодность къ Музамъ не совмѣстна
Съ горячею, нѣжною душей;
Кшо любитъ, поетъ стихи читаетъ,
Пепраркомъ горе услаждаетъ

Въ разлукѣ съ милою своею.
Поэтъ наставникъ всѣхъ влюбленныхъ:
Онъ учишь сердце говоришь;
Въ молчаньи успѣ запечатлѣнныхъ
Понятнымъ для другаго бышь. —

Сколь всѣ черты краснорѣчивы
И краски Спихопворца живы,
Когда онъ истинныхъ друзей
Въ картинѣ намъ изображаетъ;
Когда Герой его вѣщаетъ:
«Утѣшься, другъ души моею!
«Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою,
«Клянешь ее, не хочешь жишь;
«Но вѣрный, нѣжный другъ съ побою:
«Еще ты можешь щасливъ бышь!»

И мечъ, поскою изощренный,
Къ унылой груди усремленный,
Безъ крови изъ руки падешь:
Нешасный съ жизнью мирится;
Онъ бышь щасливымъ снова льспишь,
И друга съ чувствомъ къ сердцу жмешь. —
Такъ жизнь была мнѣ мукой ада;
Такъ я глазами измѣрялъ
Пучину грознаго Левкада...
О Сафъ спрашной размышлялъ...

Хопѣлъ... но другъ неоцѣненной
Своей любовію священной

Меня въ семь міръ удержалъ. — —
Твой гласъ, Поэзія благая,
Героевъ добрыхъ прославляя,
Всегда число ихъ умножалъ.
Ты въ Спаршахъ мужество питаешь;
Въ груди къ опечесству любовь
Какъ огонь эфирный развѣваешь;
Гремишь... пылаешь славой кровь!

Гремишь: «Къ оружію, Спаршане!
«Возспаньше, вѣрные граждане!
«Спѣшите: варваръ Персъ идеть;
«Идеть какъ шигръ съ опверсшымъ зѣвомъ,
«Идеть какъ буря съ грознымъ ревомъ,
«Оковы, спыдь для васъ несеть.
«Чпо жизнь прошивъ злопой свободы?
«Мы только славсю живемъ.
«На васъ взирають всѣ народы:
«Побѣда или смершь!»... *Умремъ* —

Умремъ, или побѣда съ нами!
Взываютъ всѣ, звучатъ щипами,
Летящъ на брань, и врагъ сраженъ —
Исчезъ! — Тогда златая лира
Гласитъ покой, блаженство мира.
Любовью къ ближнимъ вдохновень,
Пѣвецъ описываетъ сладость
Нещастныхъ горе улаждашь,
Души благопворащей радость:
«Блаженъ, кпо можетъ помогать!»

«Кто только для другихъ собираетъ,
«И день потеряннымъ счисляетъ,
«Въ который для себя лишь жилъ!»
Умолкъ — но мы еще внимаемъ;
Себѣ и Небу общаемъ
Быть тѣмъ, что гимнъ Пѣвца хвалимъ:
Любимъ свящую добродѣтель.
Ахъ! только надобно узнать,
Сколь щастливъ бѣдныхъ благодѣтель,
Чтобъ имъ послѣднее отдать! —

Когда жъ съ сердечною слезою
Поэтъ дрожащею рукою
Снимаетъ съ слабостей покровъ,
Являя гибель заблужденій,
Ведущихъ къ безднѣ пресупленій,
Змѣю подъ прелестью цвѣповъ —
Я въ духъ съ нимъ изнемогаю...
Ахъ! кто изъ насъ спросей не рабъ?
Смопрю на небо и взываю:
Спаси, спаси меня! я слабъ!»

Я слабъ, и слабого прощаю,
Какъ брата къ сердцу прижимаю;
Суди другой: спѣшу помочь. — —
Что вижу? въ ужасъ Природа!
Эфиръ лазореваго свода
Запмила въ день густая ночь;
Шумящъ лѣса, ярящя воды,
И... зришель въ сердца охладѣль:

Злодѣй на сценѣ, врагъ природы;
Онъ въ ужасъ Естество привелъ —

Злодѣй, презрѣвшій всѣ ушавы;
Злодѣй, искавшій адской славы
Бичемъ невинныхъ-слабыхъ быль,
Слезами ихъ себя пипая.
Напрасно Благость всесвящая
Его хопѣла просвѣпипь,
И казнь безумца оплагала!
Онъ гласъ ея пренебрегалъ.
«И такъ спрадай!» она сказала,
И Фурій адъ къ нему послалъ...

Глаза свирѣпыхъ засверкали;
Злодѣю ужасы предспали:
Въ его власахъ шипящъ змѣи;
При свѣпѣ факеловъ кинжалы *
Предъ нимъ блиспающъ какъ зерцалы:
Онъ видипъ въ нихъ дѣла свои!
Бѣжипъ — себя не избѣгаешъ:
Вездѣ съ собой, вездѣ злодѣй!
Природа гнѣвная вѣщаешъ
Ему: «спрадай, ты врагъ людей!»

Преступникъ, въ сердцѣ развращенный,
Такимъ явленьемъ успрашеный,

* Известно, что Фуріи изображаются съ факелами и съ кинжалами.

Спѣшивъ сокрылся опъ очей;
Но Трагикъ въ слѣдъ ему взываетъ,
И эхо грозно повтораеъ:
«Будь добръ — или спрадай, злодѣй!» —
Я взоръ печальный отвращаю;
Другой, любезнѣйшій предметъ
Для сердца, чувства обрѣшаю:
Орфей безсмертіе поетъ.....

И спонъ несчастныхъ умолкаетъ,
И бѣдный слезы опираетъ...
«Что жизни? едипый быспрый лучъ:
«Сверкнетъ, угаснетъ — мы хладѣемъ;
«Но съ шѣломъ въ гробъ не исплѣемъ:
«Взойдетъ свѣпило дня безъ тучъ
«Для насъ въ другомъ и лучшемъ мѣрѣ;
«Тамъ будетъ щасливъ, щасливъ ввѣкъ
«И Царь чувствившій въ порфирѣ,
«И нищій - добрый человекъ.

«Бессмертье, жизни сей ограда:
«За крапкость дней ея награда!
«Твоя небесная печать
«У смертныхъ на челѣ сіяетъ!
«Кпо чувствомъ вѣчность постигаеъ,
«Не можетъ съ мигомъ исчезаъ.
«Чей взоръ, Природу обнимая,
«Открылъ Творца въ твореньи могъ, —
«Тебя, Премудрость всесвящая!
«Топъ самъ быъ долженъ полубогъ.»

И вдругъ гласъ лирный возвышая,
Сильнѣе въ струны ударяя,
Поэтъ дерзаетъ заключить
Свой важный гимнъ хвалою священной
Причины первой вселенной;
Дерзаетъ въ пѣсни возвѣстать,
Кого міры изображаютъ,
Кто есть Начало и Конецъ;
Кого уша не называютъ,
Но кто всего, — Кто нашъ Опець;

Кто сводъ небесъ рукой Своею
Шашромъ раскинулъ надъ землею,
Какъ искру солнце воспалилъ,
Украсилъ почъ луной, звѣздами,
Усыялъ шаръ земной цвѣтами,
Древа плодами озашилъ;
Далъ силу львамъ неукротимымъ,
Далъ умъ пчелѣ и муравью,
Полетъ орламъ неупомимымъ,
И яркій голосъ соловью;

Но кто еще, еще живѣе,
Для чувства, разума яснѣе
Открылъ Себя въ сердцахъ людей:
Въ весельи крошкѣ душъ правдивыхъ,
Въ слезѣ любовниковъ щастливыхъ,
Въ улыбкѣ нѣжныхъ маперей,
Въ спыдливомъ взорѣ дѣвъ священныхъ,
Въ черпахъ невинности молодой

И спарцевъ, жизнью утружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;

Кпо любятъ все Свое творенье,
И съ чувствомъ жизни наслаждение
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кпо Эфемеровъ * примѣчаетъ,
Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росъ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служишь еси — будь щастливымъ,
Кого гнѣвишь — себя терзай,
Любишь еси — будь добродобивымъ
И ближнихъ братьями считаешь;

Кпо насъ за гробомъ ожидаетъ,
И тамъ предъ нами оправдаетъ
Всѣ темные пути Свои;
Покажетъ ясно... Умолкаю,
И съ теплой вѣрою зываю:
«Опець! добро дѣла Твои!» —
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый образецъ!
Они вовѣки будутъ пѣшны,
Вовѣки новы для сердець!

А вы, питомцы Музъ священныхъ,
Въ своихъ твореніяхъ неплѣнныхъ
Вкушайте вѣчности залогъ!

* Насѣкомыя, живущія только по-нѣскольку часовъ.

Прекрасно жить въ вѣкахъ позднѣйшихъ
И быть любовью душъ нѣжнѣйшихъ.
Кто лирой пронупъ сердце могъ,
Топъ въ храмъ безсмертія спезею
Хвалы сердечныя войдешъ;
Попомство сладкою слезою
Ему данъ чести принесешъ.

Вездѣ, во всѣхъ спранахъ вы чпимы,
Душами добрыми любимы.
Вражда невѣжды и глупца
Блескъ вашей славы умножаетъ;
Ядъ черной зависти перзаетъ
Ихъ злыя, хладныя сердца. —
Таланпы сущъ для васъ богатство;
Другимъ оспавыте прахъ злапой:
Святое Фебово собратство
Сіаетъ чувство красотою.

Сей идолъ въ капищѣ богатомъ,
Сей огнь сверкающій надъ благомъ
Меня красою не прельститъ;
Вы, вы краса, корона свѣта;
Вы солнце въ міръ, не планета,
Въ кошорой чуждый лучъ блеспитъ.
Невѣжда золопымъ черпогомъ
Своей души не озлапитъ;
А васъ и въ шалашъ убогомъ
Лучами слава озаритъ.

Попомство скажешь: «здѣсь на лирѣ,
«На сладкой арфѣ, въ сладкомъ мирѣ
«Игралъ любезнѣйшій Поэтъ;
«Въ сей хижинѣ, для насъ священной,
«Велъ жизнь любимецъ Музъ почтенной;
«Здѣсь онъ собою красилъ свѣтъ;
«Здѣсь будетъ упрямъ наслаждаться,
«Здѣсь будемъ солнце провожать,
«Читаешь Поэта, восхищаешься,
«И даръ его благословляешь.»

Хотя не всѣ, не всѣ народы
Къ дарамъ щастливѣйшимъ Природы
Равно чувствительны душой;
Различны Пѣснопѣвцевъ доли:
Не всѣ восходятъ въ Капитолій
Съ вѣнками на главѣ своей,
При гласѣ трубъ, народномъ плескѣ * —
Опѣ насъ, увѣ! далеку сей храмъ!
Поемъ въ шѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;

Но въ самомъ Сѣверѣ угрюмомъ,
Подъ грознымъ Аквилоновъ шумомъ,
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ игры Музъ пріятны,

* Какъ, на примѣръ, Пешарка. Такая же честь готовилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколько дней до назначеннаго торжества.

Ошпѣнки нѣжныхъ чувствъ понятны:
Ошъ нихъ мы ждемъ себѣ вѣнца —
И ешлы грудь красавицъ милыхъ
Въ любезной помнoshi вздохнешъ
Ошъ нашихъ пѣсней, лиръ унылыхъ:
Друзья! намъ въ плескахъ нужды нѣтъ!

Пусть въпры прахъ Пѣвцовъ развѣютъ!
Нашъ вспомнятъ, вспомнятъ, пожалѣютъ:
«Умолкъ Поэтовъ скромный гласъ!
«Но мы любезныхъ не забудемъ,
«Читаешь, хвалишь ихъ пѣсни будемъ;
«Ихъ имя сладостно для насъ!»
Друзья! что лучше, что славнѣе,
Какъ вѣки жить въ своихъ спихахъ?
Но то еще для насъ милѣе,
Что можемъ вѣки жить... въ сердцахъ!

г. 1795.

КЪ АЛИНѢ

НА СМЕРТЬ ЕЯ СУПРУГА.

Супругъ твой слишкомъ щасливъ былъ;
Не могъ онъ жить въ подлунномъ свѣтѣ,
Гдѣ шайный Рокъ въ своемъ совѣтѣ
Сердца на горесть осудилъ,
А щасью былъ вельмъ мечпою.
Но кто печальной судьбою,
Украдкой будешь здѣсь блаженъ,
Тому *въкъ розы* положенъ:
Какъ щастливъ я! едва лишь скажешь,
Увянешь — и въ могилу ляжешь.
Начпо ты Ангельской душой,
Своей любовью, красою,
Въ супругъ сердце восхищала,
Его съ безсмертными равняла?
Когда бы жизнью онъ скучалъ
И смерть къ себѣ какъ друга звалъ,
Тогда бы долго прожилъ съ нами;
Тогдабъ съдыми волосами
Еще онъ... слезы опиралъ.
Гдѣ радоснь еспъ *Судьбы ошибка*,
И гдѣ веселая улыбка

Бываесть рѣдко не обманъ,
Тамъ онъ въ душѣ твоей прелестной
Нашелъ блаженства талисманъ,
Земнымъ спрадальцамъ неизвѣстной;
Нашелъ — и смерть нашла его.
Твоей любовью упоенный,
Въ жару воспоорга своего
Ударомъ рока пораженный,
Щаспливецъ умеръ какъ заснулъ;
Въ минушу самыя кончины
Еще опъ пѣжнoспи вздохнулъ.
Ахъ! кто изъ насъ такой судьбины
Семи вѣкамъ не предпочтетъ?
Не время мило, наслажденье.
Одно щаспливое мгновенье
Не лучше ль многихъ скучныхъ лѣтъ?

г. 1795.

КЪ ЛИЛѢ.

=

Ты плачешь, Лилеша?
Ахъ! плакалъ и я.
Смѣялась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь.
Мы оба другъ другу
Не должны ничѣмъ:
Есть очередь въ свѣтъ,
Есть время всему;
Улыбка съ слезами
Въ сосѣдствѣ живешь:
Ты прежде алѣла
Какъ роза весной;
Зефиры плѣнялись
Твоей красошой.
Я также плѣнился,
Надежду имѣвъ;
Мечпалъ о блаженствѣ,
Спрадая въ душѣ! . . .
Болѣзнь миновалась,
И лѣта прошли
Любовныхъ мечпаній;
Я Лилу забылъ —
И вижу . . . о Небо!
Что сдѣлалось съ ней?

Всѣ алыя розы
Морозъ умертвилъ.
Гдѣ прежде Зефиры
Шептали любовь,
Подъ сѣнію миршовъ
Таялся Эрошъ
И пальчикомъ нѣжнымъ
Съ усмѣшкой грозилъ:
Тамъ нынѣ все пусто!
Твоя красота
Угасла какъ свѣчка;
Вспорхнула любовь
И прочь улѣтъла;
Любовники въ слѣдъ
За нею исчезли.
Лилеша одна,
И хочешь опъ скуки
Меня заманишь
Въ старинныя сѣпи!
Я въ сказкѣ чипалъ,
Что нѣкогда боги
Влюбились въ одну
Прекрасную Нимфу:
Юпитерь и Марсъ,
Нептунъ и Меркурій,
И Бахусъ и Фебъ.
Красоткѣ хотѣлось
Ихъ всѣхъ обмануть,
Украшшь рогами
Лбы вѣчныхъ боговъ.

Такъ, шакъ и случилось;
Одинъ за другимъ
Всѣ были рогапы.
Но время прошло;
Красавица спала
Не такъ хороша,
И боги сослали
Ее подъ луну,
Гдѣ Нимфа опъ грусти
Годъ слезы лила,
А послѣ опъ грусти
Слюбилась — увы! —
Съ рогапымъ Саширомъ.
Онъ былъ не брезгливъ,
И принялъ въ подарокъ
Обноски боговъ. —
Ты можешь быть Нимфой;
Но я не Сапиръ!

г. 1796.

ВЫБОРЪ ЖЕНИХА.

=

Лиза въ городъ жила,
Но невинною была;
Лиза, Ангелъ красою,
Ангелъ правомъ и душою.
Время ей пришло любить...
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцатъ лѣтъ не можно
Сердцу безъ друга жить.

Что же дѣлать? гдѣ искать?
И кому люблю сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появишься,
Встѣхъ плѣнишь, однимъ плѣнишься?
Такъ и сдѣлала она.
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно твердили:
«Ты прелыщаешь насъ рождена!»

«Будь супругою моею!»
(Говорить богатый ей)
«Всякой день тебѣ гошovy
«Драгоцѣнныя обновы;
«Спанешь въ золотѣ ходишь;
«Ожерельями, серьгами,
«Разноцвѣтными парчами
«Буду милую дарить.»

Чпожь красавица въ опвѣпть?
Чпо сказала? да иль нтъ?
Лиза только улыбнулась;
Прочь пошла, не оглянулась. —
Гордый баринъ ей сказалъ:
«Будь супругою моею;
«Будешь знапной Госпожею:
«Знай, я *полный* Генераль!»

Чпожь красавица въ опвѣпть?
Чпо сказала? да иль нтъ?
Генералу поклонилась,
Только чиномъ не плѣнилась;
Лиза... далѣе идетъ;
Ищепть, долго не находишь...
«Такъ она и вѣкъ проходишь!»...
Ошибаетесь — найдешь!

Лизѣ Суженый сказалъ:
«Чиномъ я не Генераль,
«И богашспва не имѣю;
«Но любишь тебя умѣю.
«Лиза! будь навѣкъ моя!» —
Тупъ прекрасная вздохнула,
На любезнаго взглянула,
И сказала: *я твоя!*

г. 1795.

РАЗЛУКА.

(На голосъ: *J'entends dans la forêt.*)

=

Любя любимымъ бытъ,
Всего для насъ милѣе;
Но съ милой розно жить,
Всего, всего пошпѣе.
Что въ сердцѣ безъ нее!
Въ ней сердце находило
Все щастіе свое;
Безъ милой все не мило.

Гдѣ щастье? гдѣ она?
И день и ночь вздыхаю;
Ошрада мнѣ одна,
Что слезы проливаю.
Довольно . . . шакъ и бытъ!
Когда, мой другъ, съ побою
Не лзя теперь мнѣ жить,
Хочу я жить съ поскою.

г. 1797.

=====

КЛЯТВА И ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

=

Хотѣлъ я не любить: чтожь дѣлаю? люблю!

Любя перзаюся, крушу себя, гублю...

Но пользы нѣтъ въ слезахъ; слезами я не смою

Того, что злой Судьбѣ желѣзною рукою

Угодно было начертать:

«Кокешкамъ торговать сердцами,

«Мужьямъ ходить съ рогами,

«А *Плакса* (по естъ, мнѣ) бранить любовь словами,

«Но сердцемъ обожать — вѣкъ, вѣкъ!» —

Увы! слабъ бѣдной человѣкъ!

г. 1796.

ХОРЪ И КУПЛЕТЫ.

ПѢТЫЕ ВЪ МАРѢИНСКОЙ * РОЩѢ ДРУЗЬЯМИ ПОЧТЕННАГО
ХОЗЯИНА, ВЪ ДЕНЬ ИМЯНИНЪ ЕГО.

=

Х О Р Ъ.

(На голосъ: *Ахъ пошли наши подружки.*)

Какъ потъ щаспливъ, кшо сердцами
Прямо, испинно любимъ;
Кшо не льспивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

1.

(На голосъ: *Заря утрення возшла.*)

Кшо Царями награжденъ,
Саномъ знатнымъ опличенъ
За достоинство прямое,
Въ шомъ не щаспіе слѣпое,
Но заслугу люди чшупъ.

Х О Р Ъ.

Какъ потъ щаспливъ, кшо сердцами — и проч.

* Село Марѣино, въ 30 верстахъ отъ Москвы.

2.

Кто не только на войнѣ,
Но и въ мирной пишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ,
Тотъ отечеству любезенъ,
Тотъ есть вѣрный патриотъ.

Х О Р Ъ.

Какъ топъ щасливъ, — *и прог.*

3.

Кто предъ прономъ въ духъ пвѣрдъ,
Передъ низшими не гордъ,
Съ ровнымъ искренно друживъ
И коварныхъ не страшивъ,
Тотъ достоинъ всѣхъ похвалъ.

Х О Р Ъ.

Какъ топъ щасливъ, — *и прог.*

4.

Кто среди заботъ и дѣлъ
Для семейства живъ умѣлъ:
Былъ щасливѣйшимъ супругомъ,
Для дѣшей опцомъ и другомъ,
Тотъ чувствительнымъ рожденъ.

Х О Р Ъ.

Какъ пошъ щаспливъ, — *и проч.*

5.

Кшо покой Москвы блюдя,
Чась свободы находя,
Любитъ въ рощахъ прохлаждапсья
И съ друзьями забавляпсья,
Топъ имѣепъ нѣжной вкусъ.

Х О Р Ъ.

Какъ пошъ щаспливъ, — *и проч.*

6.

Дѣло дѣлапъ не всегда,
И веселье не бѣда.
Пѣсни намъ для щаспья нужны;
Музы съ Мудроспю дружны —
Имянинникъ! будь нашъ Фебъ!

Х О Р Ъ.

Какъ пошъ щаспливъ, — *и проч.*

7.

Праздникъ сей любезепъ намъ,
Милъ домашнимъ и друзьямъ;

Здѣсь и гости не чужіе;
Здѣсь и гости какъ родные
Веселятся всѣ съ побой.

Х О Р Ъ.

Какъ пошь щасливѣ, кшо сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кшо не льспивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

КУПЛЕТЫ.

(На пошь же голосъ.)

ВЪ ЧЕСТЬ НѢЖНОЙ МАТЕРИ, ПѢТЫЕ ЕЯ СЕМЕЙСТВОМЪ, ВЪ
УЕДИНЕННОМЪ И ПРІЯТНОМЪ МѢСТѢ, КОТОРОЕ НАЗЫВАЕТСЯ
ЕЯ ИМЕНЕМЪ: ДАРЬИНЫМЪ.

=

Какъ пріятны тѣ мѣста,
Гдѣ Нашуры красота
Въ проспопѣ своей сіяетъ;
Гдѣ любовь изображаетъ
Имя милое пвое!

Х О Р Ъ.

Какъ пошъ щаспливъ, — *и прог.*

Прежде именемъ богинь
Украшался мракъ пуспынь:
Имя Матери свашъе;
Имя *Дарьино* милъе
Всѣхъ Гомеровыхъ имящъ.

Х О Р Ъ.

Какъ пошъ щаспливъ, — *и прог.*

Здѣсь любезнѣйшую Мать
Будушъ дѣши угощашъ
Въ часъ вечернiя прохлады;
Здѣсь любовь и дружба рады
Съ нею время проводитьъ.

Х О Р Ъ.

Какъ пошъ щаспливъ, — *и прог.*

г. 1797.

НАДПИСИ *

НА СТАТУЮ КУПИДОНА.

1.

НА ГОЛОВУ.

Гдѣ прудился голова,
Тамъ пруда для сердца мало;
Тамъ любви и не бывало;
Тамъ любовь одни слова.

2.

НА ГЛАЗНУЮ ПОВЯЗКУ.

Любовь слѣпа для свѣша,
И кромѣ своего
Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

* Сочинитель сихъ надписей увидѣлъ въ одномъ домѣ мраморнаго Амура, и съ позволенія хозяйки исписалъ его карандашемъ съ головы до ногъ.

3.

НА СЕРДЦЕ.

Любовь Анапомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюбя.

4.

НА ПАЛЕЦЪ, КОТОРЫМЪ КУПИДОНЪ ГРОЗИТЬ.

Награда скромности гошова:
Будь щасливъ — но ни слова!

5.

НА РУКУ.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

НА КРЫЛО.

Амуръ лешаетъ для того,
Чшобъ милую найши для сердца своего:
Нашедши, крылья оспавляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Лешаетъ позабываетъ
И съ милою живетъ.

7.

НА СТРЕЛУ, КОТОРУЮ АМУРЪ БЕРЕТЪ ВЪ РУКУ.

Спрашешесь: прострѣлю!
Но вы опъ раны не умрете;
Лишь помно взглянете, вздохнете,
И скажете: *люблю!*

8.

НА НОГУ.

Когда Любовь безъ ногъ? Какъ надобно иппи
Опъ друга милаго, сказавъ ему: *прости!*

9.

НА СПИНУ.

Спою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ спарикамъ съдымъ.

г. 1796.

ДВА СРАВНЕНІЯ.

=

1.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто авторъ? Анонимъ.

Читаемъ по складамъ — смѣемся, плачемъ — спимъ.

2.

Что есть жизнь наша? сказка.

А что любовь? ея завязка;

Конецъ печальной иль смѣшной.

Родись, люби — и Богъ съ побой!

г. 1796.

ДУРНОЙ ВКУСЪ.

Никандръ! пы хвалишь мнѣ свой нѣжной вкусъ напрасно;

Скажу я безприспрасно,

Что вкусъ и грубъ и дурень у тебя:

Ты любишь самого себя!

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

=

Что есть любить?

Тужить.

А равнодушнымъ быть?

Не жить.

=====

ХАРАКТЕРЪ НИСЫ.

=

Для Нисы то бываетъ мило,
Что прежде было ей поспыло;
А что теперь для Нисы мило,
То скоро будетъ ей поспыло.

г. 1796.

=====

ПОКОЙ И СЛАВА.

=

«Спокойствіе дороже славы!»

Твердятъ лѣнныя умы.

Нѣтъ, нѣтъ! они не правы;

Покоемъ не довольны мы:

Въ объятіяхъ его скучаемъ,

И прежде смерти умираемъ.

Жизнь наша споль бѣдна,

Превратна, не вѣрна;

Дней ясныхъ въ ней такъ мало,

Такъ все мгновенно для сердецъ,

Что удовольствія и счастья начало

Есть удовольствія и счастья конецъ.

Чѣмъ бережно въ пѣни скрываешься,

Бояшься шороха, бояшься вслухъ дышаешь,

Единственно за тѣмъ, чтобъ жизнью скучаешь

И смерти праздно дожидаться:

Не лучше ль что нибудь

Великое свершишь? Гремящей славы пупъ

Къ безсмертію ведетъ. Душа живетъ дѣлами,

И наслаждается вѣками

Въ геройскомъ подвигѣ своемъ.

Паритъ съ орломъ подъ небесами,

Сіяетъ эфирными лучами,

Сгорѣетъ шамъ солнечнымъ огнемъ,

Оставишь пепель намъ, милѣе для Героя,
Чѣмъ духомъ онѣмъшь въ ничпожесствѣ покоя,
И съ червемъ прахъ лобзашъ, доколѣ Исполинъ,
Рокъ, грозный смертныхъ власпелинъ,
Его не раздавилъ Гигаишскою спопою. —

Всѣмъ должно бытъ землёю:

Ты, слабый человекъ!

Какъ пѣнь, мелькая, исчезаешь;
Но надпись о другомъ и въ самый дальній вѣкъ
Гласишь: *проходящій стой! Героя попираешь* *.

г. 1797.

ИСПРАВЛЕНІЕ *.

Пора, друзья, за умъ намъ взяшься,
Безпутство кинуть, жить пушѣмъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняшься,
Не вѣкъ бытъ рѣзвымъ мошьякомъ.

* Переводъ славнаго Латинскаго надгробія: Sta, viator! Негоем calcas.

** Шушка падъ лицемъбрами и ханжами

Безпечной юности утѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ страшнѣйшѣмъ грѣхѣ.
Мы часто плакали отъ смѣха:
Теперь оплачемъ прежній смѣхъ,

И другу, недругу закажемъ
Кого нибудь въ соблазнъ вводить;
Прямымъ раскаяньемъ докажемъ,
Что можемъ праведными быть.

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Простите хитросплетенія, обманы,
Бѣда мужей, забава женъ!

Опныиъ будетъ все иное:
Чтобъ спрогнать людямъ угодишь,
Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учить —

Не съ тѣмъ, чтобъ нравы ихъ исправить —
Такихъ чудесъ не льзя желать —
Но чтобъ красавицъ лишь заспавишь
Отъ скуки и шоски зѣвать.

«Зѣваешь?» Конечно; въ наказанье
За наши общія дѣла.
Бывало... Прочь, воспоминанье!
Чтобъ снова не надѣлать зла.

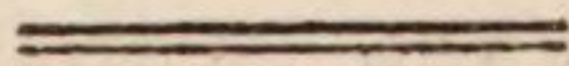
Искусство нравиться забудемъ,
И съ *постылымъ* видомъ въ *мясоѣдѣ*,
Среди собраній свѣшскихъ будемъ
Ругать, какъ можно злѣе, свѣшъ;

Бранишь все то, что сердцу мило,
Но въ чемъ сокрытъ для сердца вредъ;
Хвалишь, что грѣшникамъ посылло,
Но что къ спасенію ведетъ.

Memento mori *! велегласно
На балахъ спанемъ восклицаешь,
И спономъ смерти ежечасно
Любезныхъ въпреницъ пугаешь. —

Какъ другъ вашъ споль перемѣнился,
Угодно ль вамъ, друзья, спросишь? ...
Скажешь ли правду? ... Я лишился
(Увы!) способности грѣшить!

г. 1797.

* То есть: *помни смерть*.

НЕПОСТОЯНСТВО.

=

Пусть щастье коловратно —
Не лъзя не знать того;
Но мы еще спократно
Превратимъ его.

Все новаго желаемъ,
Ошъ стараго бѣжимъ,
И щастье презираемъ,
Когда знакомы съ нимъ.

Любя во всемъ измѣну,
Позволимъ же любить
И щастью перемѣну,
Чшобъ намъ, невѣрнымъ, мсшить!

г. 1795.

=====

Э П И Г Р А М М А.

=

Я знаю, для чего Крадонъ ипвердинъ всегда,
Чшо свѣтъ наукъ есть зло: для вора свѣтъ бѣда!

=====

И С Т И Н А.

=

Кшо скажешь не солгавъ, чшо съ роду онъ не лгалъ,
Топъ развѣ никогда влюбленнымъ не бывалъ!

=====

МЫСЛЯТЬ И НЕ МЫСЛЯТЬ.

=

Всѣ мыслятъ жить, но не живутъ;
Не мысля умереть, умрутъ.

=====

НАДГРОБІЕ ШАРЛАТАНА.

=

Я пыль въ глаза пускалъ;
Теперь — я пылью спалъ.

=====

ПЕРЕМѢНА ЦВѢТА.

=

Вдругъ спалъ у Лины дурень цвѣтъъ:
Конечно въ городъ румянъ хорошихъ нѣтъ!

г. 1796.

=====

Ж Е Л А Н І Е.

=

Какъ спранникъ, зноемъ упомленный,
Въ пѣни желаетъ отдохнушь:
Такъ бѣдный, скорбью изнуренный,
Желаетъ вѣчнымъ сномъ заснушь.

=====

Т А Ц И Т Ъ.

=

Тацитъ великъ; но Римъ, описанный Тацитомъ,
Достоинъ ли пера его?
Въ семъ Римъ, нѣкогда геройствомъ знаменипомъ,
Кромъ убійцъ и жершвъ не вижу ничего.
Жалѣшь объ немъ не должно:
Онъ споилъ люшыхъ бѣдъ нещасья своего,
Терпя, чего шерпѣть безъ подлости не можно!

г. 1797.

=====

КЪ ШЕКСПИРОВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ.

=

Ты хочешь быть, Глупонъ, Шекспировъ подражатель;
Выводишь для того на сцену мясниковъ,
Башмашниковъ, порпныхъ, чудовищъ и духовъ.
Великій Александръ, земли завоеватель,
Для современниковъ былъ также образцомъ;
Но въ чемъ они ему искусно подражали?
Въ геройствѣ ли души? въ дѣлахъ? ахъ, нѣтъ! не въ томъ;
Но шею къ лѣвому плечу, какъ онъ, склоняли *.
Что дѣлали они, то дѣлаешь и ты:
Уродство видимъ мы; но гдѣ же красота?

г. 1797.

---

* См. Квинта Курція.

КУПЛЕТЫ

ИЗЪ ОДНОЙ СЕЛЬСКОЙ КОМЕДИИ, ИГРАННОЙ БЛАГОРОДНЫМИ
ЛЮБИТЕЛЯМИ ТЕАТРА.

ХОРЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ.

Какъ не пѣть намъ? Мы щаспливы.
Славимъ барина - опца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умѣе:
Ихъ искусство говоришь.
Что жъ умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любишь.

СЕЛЬСКОЙ ЛЮБОВНИКЪ.

Здѣсь сердца людей согласны
Съ ихъ не льстивымъ языкомъ;
Наши милыя прекрасны
Не раскрашеннымъ лицомъ,
А природными чертами;
Обмануть насъ не хомятъ.
Ни глазами, ни словами:
Лишь по чувству говорятъ.

ДѢВУШКА.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
Тайну сердца объявишь,
Слово вылепишь невольно:
Скажешь — поздно воропишь!
Пришворяясь вѣкъ не можно:
Всѣ мы созданы любвишь;
Лишь держащся слова должно;
Спыдно, спыдно измѣнишь.

СЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВНИЦА.

Я съ любовію играла
И съ любовію росла;
Съ нею горе я узнала,
Съ нею щастіе нашла;
И надѣюсь безъ искуссва
Сердце друга сохранишь;
Вѣрность, жаръ и нѣжность чувсва
Мнѣ помогутъ милой бышь.

ГОРОДСКОЙ ЖИТЕЛЬ.

Еспьли въ городѣ имѣюшь
Больше средствъ плѣняшь мужчинъ,
Лучше здѣсь любвишь умѣюшь.
Тамъ любовь еспь цвѣшь одинъ,
Здѣсь любовь еспь цвѣшь съ плодами.
Время правишься пройдетъ,

И кокешка съ сѣдинами
Есть завялой пустоцвѣтъ.

ГОРОЖАНКА.

Топъ живешъ благополучно,
Кто умѣешъ жишъ въ другомъ.
О себѣ лишь думаешъ — скучно;
Щасье въ двухъ, а не въ одномъ.
Кто же бабочкой лепашъ
Съ василька на василекъ,
Топъ любви еще не знаетъ;
Кто любилъ, топъ любитъ вѣкъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Естьлибъ было въ нашей власи
Вѣчно бабочкой лепашъ,
Не дивился бы я спраси
Съ тѣмъ любитъ, чшобъ разлюбляшъ.
Время крылья подсѣкаешъ,
И придется сиднемъ бышъ.
Поздно въпреной узнаешъ,
Каково на вѣшеръ жишъ!

ГОСПОЖА.

Можно въ самомъ шумѣ свѣша
Съ шихимъ сердцемъ вѣкъ прожишъ,
Святоспъ брачнаго обѣща

И невинность сохранить.
Добродѣтель упѣшаетъ,
Спроситъ къ раскаянью ведетъ.
Пусть любовникъ насъ плѣняетъ:
Щастье лишь супругъ даетъ.

ГОРОЖАНКА.

Ахъ! во мракъ заблужденья
Щастье ложная мечта.
Нѣтъ для сердца наслажденья,
Естьли совѣсть нечиста.
Что жена безъ доброй славы?
Мужу, дѣшамъ вѣчной спыдъ.
Какъ ни худы въ свѣтѣ нравы,
Всякой добродѣтель чпигнѣ.

СТАРОСТА.

Женихамъ, невѣстамъ должно
Въ пѣснѣ правду объявить.
Ввѣкъ прельщаться не возможно:
Что же можно намъ? любить.
Съ другомъ жить, не съ красою;
Будешь молодъ не всегда.
Кто же милъ душѣ душою,
Въ томъ морщина не бѣда.

БУРМИСТРЪ.

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ спарину.

Худо намъ быть ихъ рабами;
Воля порпигъ лишь жену.
Дома имъ не посидишся;
Все бы, все бы по госпямъ.
Это право не годишся;
Приберите ихъ къ рукамъ.

ВАХМИСТРЪ.

Нашъ бурмиспръ несеиъ пустое;
Не указъ намъ спарина.
Воля дѣло золотое,
А законъ любовь одна.
Руской созданъ прославляшся,
Государю вѣрнымъ бышъ,
Пули, смерти не бояшся,
И красавицамъ служишъ.

ГОРОЖАНКА.

Можешъ быть не безъ причины,
Еспьли правду говоришъ,
Вы брашите насъ, мушпы;
Но одни хопите ль жишъ?
Вамъ даны Природой силы,
Намъ искусство васъ ловишъ;
Мы другъ другу право милы —
Будемъ спорить и любишъ!

г. 1798.

П Р О Т Е Й,

И Л И

НЕСОГЛАСІЯ СТИХОТВОРЦА.

(NB. Говорятъ, что Поэты не рѣдко сами себя проповоръ-
чаютъ и перемѣняютъ свои мысли о вещахъ. Сочинитель оп-
вѣчаетъ:)

=

Ты хочешь, чтобъ Поэтъ всегда одно лишь мыслилъ,
Всегда одно лишь пѣлъ: безумный человекъ!
Скажи, кто образы Пропеевы исчислилъ?
Таковъ питомецъ Музъ, и былъ и будетъ вѣкъ.
Чувствительной души не сродно ль измѣняться?
Она мягка какъ воскъ, какъ зеркало ясна,
И вся Природа въ ней съ отбѣнками видна.
Не льзя ей для тебя *единою* казаться
Въ *разнообразіи* естественныхъ чудесъ.
Взгляни на свѣплый прудъ, едва, едва спруимый
Дыханьемъ вѣтерка: въ сію минузу зримы
Въ немъ яркій Фебовъ свѣтъ, чистѣйшій сводъ небесъ
И дерзостный орелъ, горь одинъ парящій;
Кудрявые верхи развѣсистыхъ древесъ;
Въ сѣни ихъ паспушокъ съ овечкою стоящій;
На вѣшви голубокъ съ подружкою своей
(Онъ дремлетъ, подъ крыло головку спряхавъ къ ней) —

Еще минуша . . . вдругъ иное представленье:
Сокрыли облака въ кристаллѣ Фебовъ зракъ;
Тамъ спелется одинъ волпистый, сизый мракъ.
Въ душѣ любимца Музъ такое жъ измѣненье
Бываешъ каждый часъ; что видишь, то поешъ,
И всѣмъ умѣя бышь, всѣмъ бышь переспаешъ.
Когда въ весенній день, среди луговъ цвѣтущихъ
Гуляя, видишь онъ Природы красоты,
Нимфъ сельскихъ хороводъ, играющихъ, поющихъ,
Тогда въ душѣ его рождаются мечты
О вѣкъ золотомъ, въ копоромъ люди жили
Какъ братья и друзья, пасли свои стада,
Пишались ихъ млекоу; не мысля икогда,
Что есть добро и зло, по чувству добры были,
А болѣе всего . . . рѣзвились и любили!
Тогда онъ съ Геснеромъ свирѣлю своей
Изъ шума городовъ зовешъ въ поля людей.
«Оспавъше, говоришь, жилище скуки томной,
«Гдѣ все веселіе въ припворствѣ состоишь;
«Гдѣ вы находите единый ложный видъ
«Упѣхи и забавъ. Въ сѣни Природы скромной
«Душевный сладкій миръ съ веселостью живешъ;
«Тамъ щасіе на лугу съ фіалками цвѣтешъ,
«И смопришся въ ручей съ паспушкою прекрасной.
«О щасіи въ городахъ лишь только говорятъ,
«Не чувствуюя его; въ селѣ объ немъ молчатъ,
«Но съ нимъ проводятъ вѣкъ, какъ день весенній ясной,
«Въ невинности златой, въ сердечной простотѣ.»
Когда жъ глазамъ его явится блескъ Искусства
Въ чудесности своей и въ полной красотѣ:

Великолѣпный градъ, картина многолюдства,
Разнообразное движеніе страстей,
Подобныхъ бурному волненію морей,
Но дѣйствіемъ ума премудро соглашенныхъ,
И къ благу общества закономъ обращенныхъ:
Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя самихъ,
Невольно дѣйствуемъ для выгоды другихъ;
Машина хитрая, чудесное сдѣленье
Безчисленныхъ колесъ; ума произведенъ,
Но, не смотря на то, загадка для него!
Тогда Пѣвецъ села въ восторгъ удивленья,
Забывъ свирѣль, берещъ для гимна своего
Злапую лиру, пѣшь успѣхи просвѣщенья:
«Что былъ ты, человекъ, съ Природою одинъ?
«Ничтожный рабъ ея, живущій боязливо.
«Лишь въ обществѣ ты спалъ Природы властелинъ,
«И въ первый разъ взглянулъ на небо горделиво,
«Взглянулъ и прочиталъ тамъ славный жребій свой:
«*Быть въ міръ селъ царемъ, творенія главой.*
«Лишь въ обществѣ душа твоя себя сказала,
«И сердце начало съ сердцами говорить;
«За мыслию одной другая въ слѣдъ рождалась,
«Чтобъ лѣствицей уму въ познаніяхъ служишь.
«Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣрями равенъ,
«И мнимый вѣкъ злой, вѣкъ лѣни, дѣлства, сна,
«Безславенъ для тебя, хоша въ спихахъ и славенъ.
«Для бѣдныхъ разумомъ жизнь самая бѣдна:
«Лишь въ общежитіи мы имъ обогатились;
«Лишь тамъ художества съ пауками родились —
«И первый въ міръ градъ былъ первымъ поржествомъ

«Даровъ, вліянныхъ въ насъ премудрымъ Божесловомъ.
«Не въ полѣ, не въ лѣсахъ святая Добродѣтель
«Себѣ воздвигла храмъ: Сокрапъ въ Аѳинахъ жилъ,
«И въ Римѣ Нума Царь, своихъ спрасей владѣтель,
«Своихъ законовъ рабъ, безсмертье заслужилъ.
«Не тошъ *Герой добра*, кто скрылся опъ порока,
«Опъ искушенія, измѣнъ, ударовъ Рока,
«И прожилъ вѣкъ одинъ съ полмертвою душой;
«Но тошъ, кто былъ всегда примѣромъ для людей,
«Среди безчисленныхъ опасныхъ прешкновений
«Какъ мраморный колосъ незыблемо споялъ,
«Спезею правды шелъ во мракъ заблуждений,
«Сражался съ каждымъ зломъ, сражаясь побѣждалъ.
«Такъ кормчій посреди морей необозримыхъ
«Безъ спрахъ видишъ гробъ *волнистый* предъ собой
«И слышишъ грозный ревъ пучинъ неизмѣримыхъ;
«Тамъ гибельная мель, здѣсь камни подъ водой:
«Но съ каршою въ рукахъ, съ магнитомъ предъ очами,
«Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ волнами,
«И къ пристани спѣшишъ, гдѣ ждетъ его покой.» —

Въ сей хижинѣ живетъ пипомецъ Эпиктепа,
Который, испребивъ чувствительность въ себѣ,
Надежду и боязнь, преспалъ служить Судьбѣ
И бышъ ея рабомъ. Сія царица свѣпа
Опняшъ, ни дашъ ему не можешъ ничего:
Ничто не веселишъ, не шрогаешъ его;
Опъ ко всему гошовъ. Предспавъ конецъ вселенной:
Небесный сводъ шрешишъ; огромные шары
Лешашъ съ своихъ осей; въ развалинахъ міры...

Симъ страшнымъ зрѣлищемъ мудрецъ не утѣшенной
Покойно бы сказалъ: «мнѣ время отдохнуть,
«И въ гробъ Естества сномъ вѣчности заснуть!»
Поэтъ предъ нимъ свои колѣна преклоняетъ,
И полубога въ немъ на лирѣ прославляетъ.
«Великая душа! что мѣръ сей предъ тобой?
«Горстишь пыльные земли. Кто повелитель твой?
«Самъ Богъ — или никто. Ты нужды не имѣешь
«Въ подпорѣ для себя: тверда сама собой.
«Безъ счастья бытъ всегда щастливою умѣешь,
«Умѣя презирать ничтожный блескъ его;
«Оно безъ глазъ, а ты безъ глазъ и для него:
«Смѣешься иль грозишь, не видишь ничего.
«Пусть карлы будутъ имъ велики или славны:
«Обманчивый призракъ! ихъ слава звукъ пустой;
«Въ величїи своемъ они съ землею равны;
«А ты равна ли съ чѣмъ? съ единою собой!»
И шюю жъ кистїю, съ шѣмъ самымъ же искусствомъ
Сей нравственный Апелль распишетъ *слабость* вамъ,
Для Споиковъ порокъ, но сродную сердцамъ
Зависимыхъ существъ, рожденныхъ съ нѣжнымъ чув-
ствомъ...

Ахъ! *слабость жить мечтой*, опъ Рока ожидаетъ
Всего, что мыслямъ льстится, — *надѣяться, бояться*,
Опъ удовольствїя и страха прѣпешаетъ,
Слезамъ радости и скорби обливаясь!...
«Хвалишься, мудрецы, безспрастїемъ своимъ,
«И будьте камнями на зло самой природѣ!
«Чувствительность! люблю я бытъ рабомъ своимъ;
«Люблю предпочитать зависимость свободѣ,

«Когда зависимость есть дѣйствіе твое,
«Свобода жь дѣйствіе холоднои безпечной!
«Кому пойду открышь спраданіе мое
«Въ часъ лютыя тоски и горести сердечной?
«Тебѣ ль, Зенонъ? чѣмъ ты меня лишь осудилъ,
«Сказавъ, что виненъ я не властвую собою?
«Ахъ! кто несчастія въ сей жизни не вкусилъ,
«Кто не былъ никогда терзаемъ злой судьбою
«И слабостей не зналъ, въ томъ сожалѣнья нѣтъ;
«И рѣдко челоуѣкъ, который вѣчно швердъ,
«Бываетъ не жестокъ. Я къ вамъ пойду съ слезами,
«О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;
«По чувству, опыту извѣстна горестъ вамъ.
«Къ спрадавшимъ спраждущій довѣренность имѣетъ:
«Кто падалъ, томъ другихъ поддерживаешь умѣетъ.
«Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій оиміамъ...
«Молитва общая до Вышняго доходна;
«Молитва общая дѣшею Опцу угодна...
«Онъ исполненіе съ любовью изречетъ;
«Зефиръ съ небесъ для насъ вѣсѣ сладкую снесетъ;
«Опчаянія мракъ надеждой озарится,
«И мерзвый кипарисъ чудесно расцвѣшетъ;
«Кто былъ несчастливъ, вдругъ опъ щастья просле-
зится.»

Богатство, санъ и власть! не ищете васъ Поэты;
Но быть хотя на часъ предметомъ удивленья
Милѣ для него земнаго поклоненья
Безчисленныхъ рабовъ. Ему вѣнокъ простой
Дороже, чѣмъ вѣнецъ блистательной, златой.

Съ какою жь ревностью онъ Славу прославляетъ,
И тѣмъ, что любитъ самъ, сердца другихъ плѣняетъ!
Съ какою ревностью онъ служишь эхомъ ей,
Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая!
Сынъ Фебовъ былъ всегда хранишель олшарей,
На коихъ, память душъ великихъ обожая,
Попомство еиміамъ безсмертію куришь.

«Все плѣнно въ міръ семъ, жизнь смертныхъ скоро-
печна,

«Минушны радости, но слава долговѣчна:

«Живише для нее!» въ воспоргъ онъ гласишь:

«Доспойна жизни цѣль, доспойна жершвъ награда.

«Мудрецъ! нищи ее, шрудясь во тѣмъ ночей:

«Да искрой испины возженная лампада

«Освѣтишь рядъ вѣковъ, и будетъ для людей

«Испочникомъ опрадъ! Творецъ благихъ законовъ!

«Трудись умомъ своимъ для щасстья милліоновъ!

«Ошдай опечесству себя и жизнь, Герой!

«Для васъ покоя нѣтъ; но естъ попомство, слава:

«Исторія для васъ подъемлетъ грифель свой.

«Вы жершвой будете всемірнаго успава,

«Низъидите во гробъ, но только для ошей:

«Для благодарныхъ душъ дни ваши безконечны,

«Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ вѣчны:

«Сатурнъ не можетъ ихъ подсѣчь косою своєю.

«Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,

«Которыхъ нѣтъ еще шеперь и колыбели,

«Васъ будутъ знать, любятъ, усердно прославлять,

«Какъ Геніевъ земли считають полубогами,

«И клясѣся вашими святыми именами!»

Такъ свойспвенно Пѣвцу о славѣ воспѣвать;
Но часно видя, какъ сердца людей коварны,
Какъ души низкія все любящъ унижать,
Какъ души слабыя въ добръ неблагодарны,
Онъ въ горести гласишь: «О слава! ты мечпа,
«И лишь вдали твои призраки свѣспозарны;
«Теряешся вблизи ихъ блескъ и красота.
«Могу ли опъ того я бытъ благополучень,
«Чшо скажешъ обо мнѣ народная молва?
«Щаспливо ль сердце шѣмъ, чшо въ лаврахъ голова?
«Великій Александръ себѣ бытъ въ славѣ скучень,
«И въ чашѣ Вакховой забвенія искалъ *.
«Хвалы Орапоровъ Аѣинскихъ онъ желалъ;
«Но оспрые умы его пересмѣхали:
«Въ Аѣипахъ храбреца безумцемъ называли.
«Ахъ! люди шаковы: въ божеспвенныхъ душахъ
«Лишь смопрятъ на порокъ, изящнаго не видятъ;
«Великихъ любящъ всѣ... въ романахъ, на словахъ,
«Но въ свѣшъ часно ихъ сердечно ненавидятъ.
«Для щаспія вѣковъ прудись умомъ своимъ:
«Въ награду прослывешъ мечпашелемъ пустымъ;
«Будь мудръ, и жди себѣ однѣхъ насмѣшекъ злобныхъ.
«Глупцамъ пріятнѣе хвалищъ себѣ подобныхъ,
«Чѣмъ умныхъ величатъ; глупцовъ же полонъ свѣшъ.
«Но справедливость намъ потомство отдастъ!...
«Нешаспный! чшо тебѣ до мнѣнія попомковъ?
«Среди могилъ, коспей и гробовыхъ обломковъ
«Не будешъ чувспвовать, чшо скажущъ о тебѣ. —

* Извѣспно, чшо Александръ излишно любилъ вино.

«Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кпо Судьбѣ
«За сей *килвальный* звонъ опдастъ изъ доброй воли
«Спокойствіе души, блаженство пихой доли!
«Не знаетъ щасія, не знаетъ топъ людей,
«Кпо спавишъ ихъ хвалу предметомъ жизни всей!»
Но въ чемъ сынъ Фебовъ пакъ съ собою несогласенъ,
Какъ въ пѣсняхъ о любви? по щасіе она,
То въ сердце нѣжное на муку вселена;
То миль ея законъ, по гибеленъ, ужасенъ.
Любовь есть прелестъ, жизнь чувствительныхъ сер-
децъ;

Она жъ въ Поэзіи начало и конецъ.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба безъ нее не зналъ бы человекъ.
Прощаясь съ ея эфирными мечтами,
Поэтъ и съ Музами прощается навѣкъ —
Или стихи его теряютъ цвѣтъ и сладость;
Зланое время ихъ есть только наша младость.
Внимай: Эроповъ другъ съ веселіемъ поешъ
Щастливую любовь: «Какъ солнце красишъ свѣтъ
«И міръ физическій огнемъ одушевляетъ,
«Такъ міръ чувствительный любовью живетъ,
«Такъ нѣжный огонь ея въ немъ душу согреваетъ.
«Она и жизнь даетъ, она и жизни цѣль;
«Училищемъ ея бываетъ колыбель,
«И въ самой старости, у самыя могилы
«Ея безцѣнные воспоминанья милы.
«Когда для тайныхъ чувствъ своихъ предметъ най-
демъ,
«Тогда лишь прямо жить для щасія начнемъ;

«Тогда узнаемъ мы свое опредѣленье.
«Какъ *первый* человекъ, нечаянно вкусивъ
«Плодъ сочный, вдругъ и гладъ и жажду уполивъ,
«Увѣрился, что есть *потребность*, наслажденье,
«Узналъ ихъ связь, предметъ *: такъ *юный* человекъ,
«Любящій въ первой разъ, увѣрепъ въ томъ душою,
«Что созданъ онъ любить, жить съ милою своею,
«Составишь съ ней одно — или помишся вѣкъ.
«Блаженная чеша!... какая кисть опишетъ
«Тотъ радостный воспоргъ, когда любовникъ слышитъ
«Слова: *люблю! твоя!*.. одинъ сей райскій мигъ
«Завиднѣе сна лѣтъ, щастливо проведенныхъ
«Безъ горя и бѣды, въ избыткѣ благъ земныхъ!
«Все мило для сердецъ, любовью упоенныхъ;
«Гдѣ перніе другимъ, тамъ розы имъ цвѣшуть.
«Въ пустынь лѣ, въ нищету лѣ любовники живутъ,
«Для нихъ равно; вездѣ, во всемъ судьбой довольны.
«Неволя самая имъ кажется легка,
«Когда и въ ней они любятъ другъ друга вольны.
«Ахъ! жертва всякая для нѣжности сладка.
«Любовь въ терпѣніи находитъ утѣшенье,
«И въ вѣрности своей за вѣрность награжденье.
«Надъ сердцемъ милымъ власть милѣе всѣхъ властей.
«Вздыхаетъ иногда и лучшій изъ Царей:
«Всегда ли можешь онъ намъ властію своею
«Блаженство даровать? Въ любви жь всегда мы ею
«И сами щастливы, и щастіе даемъ,
«Словами, взорами, слезой, улыбкой, — всѣмъ.

* См. въ Бюффонѣ чувства перваго человека.

«Минуша съ милою есть вѣчность наслажденья,
«И вѣкъ покажется минушой восхищенья!»

Такъ онъ поешъ — и вдругъ, унизивъ голосъ свой,
Изъ тихо - нѣжныхъ спрунъ дрожащею рукой
Иные звуки онъ для сердца извлекаешъ...

Ахъ! звуки горести, тоски! Мой слухъ внимаешъ:

«Я вижу юношу примѣрной красоты;

«Любовь, сама любовь его образовала;

«Она ему сей взоръ небесный даровала,

«Сіи прелестныя любезности чершы.

«*Для счастья созданъ онъ, конечно бъ вы сказали;*

«Но помень видъ его, и черный крекъ печали

«Темнишъ огонь въ глазахъ. Онъ медленно идешъ

«Искашъ, не алыхъ розъ среди луговъ весеннихъ —

«И льшо пропекло; цвѣшовъ нигдѣ ужъ пѣшъ —

«Но горестныхъ каршинъ и ужасовъ осеннихъ

«Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валился желтый листъ

«На желшую праву, гдѣ слышенъ въпровъ свисшъ

«Между сухихъ деревъ; гдѣ льпомъ пшички пѣли,

«Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзда охладѣли.

«Тамъ юноша споишъ надъ шумною рѣкой;

«И зря печальный гробъ Напуры предъ собой,

«Такъ мыслишъ: *прежде все здѣсь жило, зеленѣло,*

«*Цвѣло для глазъ; теперь уныло, помертвѣло! ...*

«*И я душою цвѣлъ, и я для счастья жилъ:*

«*Теперь навѣкъ увялъ, и съ счастьемъ простился!*

«*Назтожъ мнѣ жизньъ?*» сказалъ .... въ волнахъ рѣки
сокрылся.....

«О пѣжныя сердца! сей юноша любилъ;
«Но милый другъ ему коварно измѣнилъ!...
«Хошите ли змѣю подъ алой розой видѣть;
«Хошите ль жизнь и свѣтъ душой возненавидѣть,
«И въ сердцѣ собственномъ найти себѣ врага:
«Любите!... скоро прахъ вашъ будетъ подъ землею:
«Ахъ! жизнь чувствительныхъ не можетъ быть долга!
«Любовь для нихъ есть ядъ: воспоргомъ и поскою
«Она мертвитъ сердца; воспоргъ есть мигъ — прой-
детъ,
«Но душу отъ другихъ благъ въ міръ отвращаетъ:
«Все будетъ скучно ей — поско же въ ней живетъ
«Какъ лютая змѣя; всегда, всегда перзаетъ.
«Измѣна, вѣтреность, коварство, злой обманъ...
«Кому исчислишь всѣ причины огорченій,
«Всѣ бѣдствія любви? ихъ цѣлый океанъ,
«При капль, можетъ быть, сердечныхъ наслажденій.
«Когда увидишь сираданія черны
«И блѣдность томную цвѣтущей красоты,
«Ахъ! знайше, что любовь шамъ душу изуряетъ.
«Кто жъ щастливымъ себя любовью почиаетъ,
«Топъ пѣніемъ Сирень на время усыплѣнъ,
«Но шѣмъ несчастіе проснувшись будетъ онъ!» —
Противорѣчій сихъ въ порокъ не должно сдѣлать
Любимцамъ нѣжныхъ Музъ; ихъ дѣло выражать
Опытъники разныхъ чувствъ, не мысли соглашать;
Ихъ дѣло не рѣшить, но прогать и забавить.
Пусть ищеть Философъ шѣхъ кладязей подземныхъ,
Гдѣ истина живетъ безъ всѣхъ гаданій темныхъ,
И гдѣ хранился ключъ Природы для ума!

Здѣсь * сердце говоритъ, но истина нѣма;
Поэты дѣлають языкъ его намъ внятнымъ —
И сердцу одному онъ долженъ быть пріятнымъ.
Оно полюбитъ вещь, не влюбитъ черезъ часть:
И Музы въ семъ сму охотно подражаютъ;
То хвалятъ съ живостью, то съ жаромъ осуждаютъ.
Предметы разныхъ видъ имѣють здѣсь для насъ:
Съ коимъ спороны они являясь взору,
И чувству паковы. — Поди въ весенній садъ,
Гдѣ въпреный Зефиръ рѣзвась, цѣлуетъ Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ — тамъ зрѣніе плѣняетъ
И роза и ясминъ, и ландышъ и лилея:
Сорви, что выберешь по вкусу своему.
Такъ щочно, нѣжный вкусъ къ Поэзіи имѣя,
Читай стихи — и вѣрь единственно тому,
Что правится тебѣ, что сказано прекрасно,
И что съ потребностью души твоей согласно;
Читай, шверди, хвали: хвала стихамъ вѣнецъ.
Поэзія источникъ чувствительныхъ сердецъ.

г. 1798.

---

* То есть, въ здѣшнемъ свѣтѣ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
АЛЕКСАНДРУ I, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ,

НА ВОСШЕСТВИЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ.

=

Россiи Императоръ новый!
На пронѣ будь благословенъ.
Сердца пылашь шобой гошовой;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милья весны явленье
Съ собой приносишь намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ Природой расцвѣпающъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушающъ.
Весна у насъ, съ Тобою мы!

Какъ Ангелъ Божiй Ты сіяешь
И благостью и красошой,
И съ первымъ словомъ общаешь
Екатерининъ вѣкъ злагошой,
Дни щасiя, веселья, славы,
Когда премудрые успавы
Внутри хранили нашъ покой,
А внѣ Россiю прославляли;

Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —

Когда Монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею опускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властію любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ Царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!

Се швой обѣщъ, о Царь Державный,
Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны,
И Вѣщепосецъ свящъ для нихъ.
Любимый и любви достойный,
На прорѣ Опческомъ спокойный,
Бреги Ты громы для враговъ,
Рази единое злодѣйство;
Россія есть Твое семейство:
Среди насъ Ты, среди сыновъ.

Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну наша судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ:
Еще ихъ много въ ней хранился,

И духъ мой сладко веселился,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, Монархъ, опличень!
Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!

Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали Державы;
Екатерининыхъ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянутъ;
Попомспво, вѣки не преспанутъ
Ея Героевъ величашъ:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова — себѣ лишь равнымъ;
Сражашься, было имъ — карашъ.

Давно ль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ
На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Копорый, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повпораясь,
Гиганшовъ дерзоспныхъ разилъ?
Ты богомъ ужаса являлся!...
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И пы на небо воспарилъ.

Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!

Бразды Россійскія Державы
Тебѣ для щастья вручены.
Ты будешь Геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты свяшой.
Возьми — не мечъ, — вѣсы Ѡемиды,
И бѣдный, не спрашась обиды,
Найдетъ безъ злапа вѣкъ злошой.

Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ бытъ долженъ какъ зеркало,
Гдѣ бѣ солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель,
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

Монархъ! еще другія славы
Достоинъ Твоей пресвѣтлый пронь:
Да царствуютъ благіе нравы!
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, спыдомъ запечатлѣнный,
Въ чершюгахъ у Царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ поржествомъ;
Царю придворный угождая,
И добродѣтель обожая
Для всѣхъ послужишь образцомъ.

Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Идійскій медъ,
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣ пѣшъ;
Они всегда хвалишь гошвы;
Всегда хвалы ихъ шонки, новы.
Имъ имя — хипрые льспецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовишы, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.

Они опечесшва не знаютъ;
Они не любяшъ и Царей,
Но бышь любимцами желяюшъ;
Корысшъ ихъ богъ: лишь служашъ ей.
Имъ досшупъ къ шрону заградшся;
Твой слухъ вовѣкъ не обольспшся
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями,
Россіи лучшими сынами;
Опечесшво одно съ Тобой.

Довольно Папріоповъ вѣрныхъ,
Гошовыхъ жизнь ему опдашъ,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказашъ!
У насъ *Пожарскіе* сіяли,
И *Долгорукіе* дерзали
Петру опъ сердца говоришъ;
Великій соглашался съ ними,

И звалъ ихъ братьями своими. —
Монархъ! Ты будешь насъ любишь!

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
Наукой щасливъ человекъ —
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се Музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждуть!
Онъ сердца людей смягчаютъ;
Онъ жизнь нашу улаживаютъ,
И добраго Царя поютъ!

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

АЛЕКСАНДРА I, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО.

Il en est des grands Souverains comme des Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous n'avons pas pour eux des récompenses, mais nous avons des hymnes.

Thomas.

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чпобъ бышь примѣромъ для Царей!
Возспань, ликуй, народъ великій!
Блиспай, веселіе сердець!
Любовью опданъ сей вѣнецъ.
Гремише, радостныя лики:
«Монархъ и подданный Его
«Въ душѣ желаютъ одного!»

Сколь прудно правишь самовласно
И Небу лишь опчешъ давати!
Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражати!
Его вельнѣямъ нѣтъ препоны;

Но Онъ шворя благошворитъ.
Онъ можешъ все, но свяпо чшитъ
Его жь премудрости законы —
И Фебъ въ сiяніи своемъ
Течешъ всегда однимъ пушемъ.

Монархъ Россіи, полусвѣта!
Ты Самъ Себѣ въ добръ законъ.
Другой, въ Твои младыя лѣта
Возсѣвъ на велѣпный Тронъ,
Хопѣлъ бы роскоши цвѣтами
Свой пущь блестящій успилашь
И дни забавами счишаешь;
Но Ты священными шрудами
Какъ будпо плашишь намъ за власшь;
Въ Тебѣ одна ко благу спрашь.

Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвласпныхъ зришь — рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь спуга ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелесшна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ бышь?
Любовь со страхомъ не совмѣсна;
Душа свободная одна
Для чувспвъ ея сотворена.

Сколь необузданность ужасна,
Споль ты, свобода, намъ мила,

И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть успавы,
Гдѣ добрый не боясь живешь;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнеть правый и неправый!
Свобода мудрая свѣта,
Но равенство одна мечта.

Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни рощей, ни холмовъ.
Сей дубъ, Природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щипъ?
Пусть буря грозная свиститъ:
Миръ слабый, дубомъ осѣненный,
Расщепъ покойно и цвѣтетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живетъ.

Монархъ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣлилъ,
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ — и удивилъ.
Ты крашкимъ временемъ правленья
Умъ сердца навѣкъ плѣнилъ.
Уже спокойно можемъ жить
По волю рока, Провидѣнья, —
Невинныхъ радостей искашь
И щастье въ міръ избираешь!

Покой спихія челоѣка:
И Ты успѣлъ намъ дасть его!
Ахъ! многіе Цари, полѣка
Владѣвъ, не сдѣлали того.
Ты дни дарами блага числишь,
Какъ древле мудрый Антонинъ;
Довольны всѣ — но Ты одинъ
Предъ образомъ Петровымъ мыслишь:
«Монархъ, не совершивъ всего,
«Еще не сдѣлалъ ничего!» *

О радосты! о восторгъ!... читаю
Я псалмисъ души Твоей,
И славу Россовъ созерцаю
Во глубинѣ грядущихъ дней!...
«Россія, міра половина,
Отъ вратъ зимы, Камчатскихъ льдовъ,
До красныхъ Невскихъ береговъ,
До странъ Колхиды и Эвксина,
Во всей обширности своей
Сялетъ... щастіемъ людей!

«Моря покрыты кораблями;
Флагъ Россовъ вѣетъ на кормахъ;
Сынъ Маинъ * нашими руками
Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
Вездѣ прелестныя картины

* Слова Петра Великаго.

** Богъ торговли.

Избышка, сельской красоты,
Невинной, милой простоты:
Цвѣтущъ съ улыбкою долины,
Блещаютъ класами поля —
Эдсомъ кажется земля!

«Искусство украшаетъ грады;
Вездѣ съ богатствомъ видѣтъ вкусъ.
Вездѣ Аѳины — верпограды
Для Феба и любезныхъ Музъ;
Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
Подъ кровомъ мирной тишины;
Врата пещницъ отворены,
Въ судахъ глубокое молчанье,
И воинъ, опершись на щипъ,
Главу склонивъ, покойно спитъ.....»

У насъ Аспрея! восклицаю:
Или воскресъ Сапурновъ вѣкъ!...
Ошвѣшу Кліи * я внимаю:
«У васъ на пронѣ — человекъ!
«Премудрый Александръ, рожденный
«Въ вѣнцѣ Ошечеству служишь,
«Въ сердцахъ и лѣтописяхъ живъ!
«Во дни Его благословенны
«Умомъ Россія возрасла,
«Въ добръ и нравахъ процвѣла.

* Муза Исторіи.

«Онъ зналъ, что Царское правленье
«Есть царство свѣта, а не тьмы;
«Имѣлъ о нравахъ попеченье,
«Сіялъ какъ солнце на умы;
«Радѣлъ о благѣ воспитанья:
«Въ началѣ зло искоренялъ;
«Училъ, и рѣдко прибѣгалъ
«Къ сѣкирь грозной наказанья;
«Онъ зналъ обязанность Царей,
«Быль Провидѣніемъ людей!

«Спрана, окованная хладомъ,
«Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
«Являешся прекраснымъ садомъ
«Отъ взора теплыя весны:
«Такъ все, и самая Природа
«Въ той щастливой спранѣ цвѣтеть,
«Въ которой на престолахъ взоидетъ
«Избранный Мужъ, Отецъ народа...
«Возри: сей велебный храмъ
«Воздвигнутъ въ память всѣмъ вѣкамъ —

«Се храмъ Безсмертія и Славы!
«Тамъ вмѣстѣ съ Истиной святой
«Попомству я пишу успавы!
«Тиранамъ спрашенъ свѣтокъ мой,
«Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
«Хвалю, клянусь — и гласъ вѣковъ
«Есть звукъ моихъ священныхъ словъ.
«Мой судъ народамъ былъ полезенъ:

«Никто его не избѣжалъ;

«Онъ часто совѣсть воскрешалъ.

«Тамъ — тамъ сіяють Антонины;

«Тамъ долженъ Александръ сіять

«Между Петра, Екатерины,

«И шипло *Мудраго* пріять

«Въ залогъ безсмертія и славы! . . . »

Да будешь! . . . О Монархъ сердець!

Россія, Царствъ земныхъ вѣнецъ,

(Колоссъ почтенный, величавый!)

Да будешь подъ Твоимъ жезломъ

Добра и щастія вѣнцомъ!

И будешь! — Медленно Природа

Гошовишь злато и сребро

Во глубинѣ земнаго свода:

Увы! зло легче, чѣмъ добро!

Исторія тому свидѣтель;

Но Ты Опечеснѣва Опець,

Для подданныхъ впорый Творецъ,

Съ Тобою Богъ и Добродѣтель:

Трудись! . . . давай успавы намъ,

И будешь *Первый* по дѣламъ!

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ Тропомъ

Дерзнулъ я съ лирою предсказать;

Мнѣ сердце было Аполлономъ:

Люблю хвалить, но не ласкать;

Хвалилъ, гласъ общій повипоря.

Другіе славные Пѣцы

Опѣ Музѣ пріимупѣ въ дарѣ вѣщцы,

Тебя безъ лести прославляя:

Я въ храмъ Исторіи * иду,

И тамъ . . . дѣла Твои найду.

МЕЛАНХОЛІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ДЕЛИЛЮ.

Сспраспѣ нѣжныхъ, крошкихъ душъ, судьбою угнетен-
ныхъ,

Нещаспныхъ щаспїе и сладостѣ огорченныхъ!

О меланхолія! пы имѣ милѣе всѣхъ

Искусственныхъ забавъ и въпреныхъ ушѣхъ.

Сравнипся ль чпо нибудь съ швоею красопою,

Съ швоей улыбною и съ шихою слезою?

Ты первый скорби врачъ, ты первый сердца другъ:

Тебѣ оно свои печали повѣряепѣ;

Но ушѣшаясь, ихъ еще не забываепѣ.

Когда освободясь опѣ ига шяжкихъ мукъ,

* Авпюръ занимается Россійскою Исторіею.

Нещастный опдохнешь въ душѣ своей унылой,
Съ любовію ему ты руку подаешь,
И лучше радости, для горестныхъ немилой,
Ласкаешься къ нему, и въ грудь опраду льешь
Съ печальной кропосью и съ видомъ умиленья.
О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
Опъ скорби и тоски къ ушѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья;
Опчаянне прошло. . . . Но слезы осушивъ,
Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не смѣешь,
И маперн своей, Печали, видъ имѣешь.
Бѣжишь, скрываешься опъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.
Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ въпровъ и морей.
Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ *уединеніи* ты *болѣе* съ собой.
Природа мрачная пвой нѣжный взоръ плѣняетъ:
Она какъ будто бы печалился съ побой.
Когда свѣшило дня на небѣ угасаетъ,
Въ задумчивости ты зриаешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лѣта пышнаго роскошный блескъ и зрѣлость
Для грусти твоея пріятнѣе всего,
Но осень блѣдная, когда изнемогая
И томною рукой вънокъ свой обрывая,
Она кончины ждепъ. Пусть веселился свѣтъ
И щасъе грубое въ разсѣяніи повомъ
Спарается найши: тебѣ въ немъ нужды нѣтъ;
Ты щасплива мечпой, одною мыслію — словомъ!

Тамъ музыка гремишь, въ огняхъ пылаешь домъ;
Блещающъ красошой, алмазами, умомъ:
Тамъ пиршество . . . . но ты не видишь, не внимаешь,
И голову свою на руку опускаешь;
Веселіе твое — задумавшись молчаешь,
И на прошедшее взоръ пѣжный обращаешь.

г. 1800.

ГИМНЪ ГЛУПЦАМЪ.

Блаженъ — не попъ, кпо всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустинѣе —
Но попъ, кпо будучи глупцомъ,
Себя считаешь мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ спокрашно,
Блаженъ въ безуміи своемъ!
Къ другимъ здѣсь іщасіе превращено:
Къ нему всегда спойшь лицемъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлой свѣтъ?
По маслу жизнь его печетъ.

Онъ ѣспѣ пріятно, дремлетъ сладко;
Нитѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Какъ ночью кажется все гладко,
Такъ міръ для глухихъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ
Прославъ Философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Еще опъ цѣли удаленъ;
Какими узкими снѣзками
Намъ должно мудрости искапъ;
Какъ трудно слабыми очами
Неправду съ правдой различапъ;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
Для нихъ и жизни не щадивъ,
За тайну людямъ объявляетъ,
Чшо все загадка для него,
И мудрый развѣ по лишъ знаетъ,
Чшо онъ — не знаетъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
Намъ хвалитъ умъ свой необъяпной:
«Ему подобныхъ въ міръ нѣтъ!»
Хопите ль? звѣзды онъ сочпешъ
Вѣриѣ нашихъ Астрономовъ.
Хопите ль? онъ расскажетъ, какъ

Сіяесть солнце въ царствѣ Гномовъ;
И радъ божишься вамъ, что такъ!

Боясь ступить неоспорожно,
И зная, какъ упасъ возможно,
Смирено смопрись внизъ мудрецъ:
Глядишь спесиво вверхъ глупецъ —
Спошкнелся ль, въ яму упадая?
Нѣтъ нужды! вспанесть безъ стыда
И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажетъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
Одинъ для имени Героя
Радъ міръ въ могилу обратишь,
Для креслика безъ носа бытъ;
Другой, желая громкой славы,
Весь вѣкъ падъ риемами корпится:
Глупецъ смѣется: «вошь забавы!»
И самъ — за бабочкой бѣжитъ!

Ему нѣтъ дѣла до Правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
Какъ спроси къ благу обращаешь,
Людей учишь и просвѣщаешь.
Царь крошкѣй или Царь ужасный
Любезенъ, спрашенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не спрашенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность спраданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кшо жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ! . . . . онъ любитъ лишь себя,
И слѣдственно любимъ не ложно;
Не вѣдаешъ измѣны злой!
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
Холодныхъ и неблагодарныхъ,
Душею нѣжный человекъ
Клянется ихъ забыть навѣкъ,
И хочешъ лучше жить съ звѣрями,
Чѣмъ жертвой лицемеровъ быть:
Глупецъ считаешъ всѣхъ друзьями,
И мнишь: «меня ли не любитъ?»

Есть томная на свѣшъ мука,
Змѣя сердецъ; ей имя *скука*.
Она лешаетъ по землѣ,
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣпскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.

Но щастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣшъ обитаетъ.
Гремушку въ руки — онъ блаженъ

Одинъ среди безмолвныхъ спянь!
Съ умомъ всѣ люди Гераклипы,
И не жалѣють слезъ своихъ;
Глупцы же сердцемъ Демокрипы:
Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!

Они судьбу благословляютъ,
И быть умнѣе не желаютъ.
Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человекъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ *желудкомъ* жилъ.
Для глупыхъ здѣсь всегда Аспрея,
И вѣкъ злобой не проходимъ.

г. 1802.

ФИЛИНЫ И СОЛОВЕИ,

ИЛИ

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Б А С Н Я.

Узнали филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,
И сушки цѣлыя безъ опдыха сіянь.
«Что! что!» кричатъ они: «разрушить царство ночи,
«Въ кошоромъ намъ шакъ мило жишь,
    «И сонныхъ ппицъ давить
    «Во мракъ шихой рощи!
    «Кто Фебу далъ шаккой совѣтъ? ...»
«Не вы, друзья мои: *не филины, не воры,*»
Сказалъ имъ соловей: «не нравится вамъ свѣтъ:
    «Его боялся хищныхъ взоры!
«Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
    «Ихъ также награждать хвалой ...
    «Лишился славы больно,
Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
    «И солнцемъ веселюсь,
    «Когда въ его сіяньи

«Для міра болѣе утѣхъ,

«Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.

«Злой мыслишь о себѣ, а доброй обо всѣхъ;

«Злой любишь мракъ густой, а доброй просвѣщенье.

«Къ несчастью долженъ я сказать вамъ въ утѣшенье,

«Что въ самой ясной день

«Для васъ еще найдется пѣнь!»

г. 1803.

С Т И Х И

НА СЛОВА, ЗАДАННЫЯ МНѢ ХЛОЕЮ: *мигъ, картина и дверь.*

=

I.

М И Г Ъ.

Какое слово мнѣ дано!...

Оно важнѣе всѣхъ; оно

Есть все!... Конечно; власъ и слава,

Печаль, веселье и забава...

Увы! и щастіе сердець,

И чувство сладкаго покоя —

И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не еспѣ ли *мигъ* единый въ свѣтѣ?
Теперь я, на примѣръ сказахъ,
Сижу покойно въ кабинетѣ,
Хочу къ тебѣ стихи писахъ;
Но естли ты въ сей *мигъ* явишься,
Въ меня влюбленной притворишься,
То въ *мигъ* — спокойствіе прощай!
Стихи въ каминъ!... у ногъ прекрасной
Лежу, горю любовью спрасной!
Лишь только шутку продолжай:
Я въ *мигъ* смѣлѣ, Хлоя, буду;
Учтивость, можетъ быть, забуду,
И въ *мигъ*... откроется обманъ!
Тогда, какъ хладный испуканъ,
Душею въ *мигъ* оледенѣю;
Опъ спрасни пылкой исцѣлюсь,
И въ *мигъ* — съ побою засмѣюсь.

Такъ вы любезностью своею
Насъ въ *мигъ* плѣняете всегда,
Не думая плѣняться нами!
Но въ *мигъ* же, Хлоя, иногда
Въ сѣняхъ бываеши и сами;
Кто былъ смѣшенъ, въ *мигъ* спанешъ милъ;
Но *мигъ* — и слѣдъ любви просыхъ!

Въ одинъ же *мигъ* — ахъ! мысль ужасна! —
Дерзнешъ нескромность утверждахъ,

Что ты была, была прекрасна;
Но въ мигъ — велю ей замолчать!

2.

КАРТИНА.

Карпина мнѣ мила въ Природѣ,
Когда я съ сердцемъ на свободѣ
Гуляю по коврамъ луговъ,
Смотрю вдали на мракъ лѣсовъ,
Лучами солнца озлащенныхъ;
Или на лабиринтъ ручьѣвъ,
Самой Натурой проведенныхъ
Въ изгибахъ для красоты полей.
Карпина мнѣ мила въ Поэзіи,
Когда онъ кистию своею
Цвѣты наводитъ на предметъ
И пишетъ словомъ, какъ рукой.
Карпина мнѣ мила — въ картинѣ,
Когда волшебною игрою
Всѣ краски дышутъ на холстинѣ
И лица говорятъ хощащъ;
Я, правда, не знапокъ, но радъ
Всегда Корреджію дивиться,
И даже — въ полношю влюбиться
Но я бываю врагъ картинъ,
Когда прелестницы желаютъ
Быть только ими для мужчинъ,
И все другое забываютъ.

Цвѣты и краски хороши;
Но ахъ! въ картинѣ нѣтъ души!

3.

Д В Е Р Ъ.

Въ злобой прекрасной вѣкъ
Не вѣдалъ человѣкъ
Ни *двери* ни замковъ желѣзныхъ,
И домъ и сердце открывалъ
Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ:
Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.
Но время премѣнилось,
И гибельное зло,
Увы! къ намъ въ *дверь* вошло,
Замокъ съ собою принесло,
И сердце съ домомъ затворилось.
Спалъ смертный — Камергеръ съ ключемъ;
Сидишь за *дверью*, и не всѣмъ
Ее охотно оппираешь;
По спугу человѣка знаешь:
Какъ рыба припаясь молчишь,
Когда рукою въ *дверь* спучишь
Досадный кредиторъ, просишель
Съ бумагою, безъ серебра;
Или спаринный покровишель,
Въ немилость впавшій у Двора;
Или любовница съ слезами,
Уже оставленная нами!

Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
Для нихъ не опопрется дверь.
Но двери наспежь для случайныхъ,
Для ихъ друзей, извѣстныхъ, тайныхъ,
Для челобичика съ мѣшкомъ,
Для камердинера съ письмомъ,
Отъ женщины, душѣ любезной,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной;
Для милостивыхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ!

Блаженъ, кто двери запираетъ
Всегда для глупыхъ, злыхъ людей,
И вмѣстѣ съ сердцемъ отворяетъ
Ихъ только для своихъ друзей!

г. 1802.

КЪ ЭМИЛИИ.

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чтобы я, спокойствомъ усыпленной
Для свѣта и для Музъ, талантъ мой пробудилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
О чемъ же мнѣ писаешь? Въ душѣ моей одна,

Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно; душа моя полна
Любовію святой, блаженствомъ и побою:
Другое кажется мнѣ скучной суетою.
Сказавъ тебѣ: *люблю!* уже я все сказалъ.
Любовь и щастіе въ романахъ говорливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцѣ молчаливы.
Когда я щастіе себѣ *воображалъ*;
Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣша,
Тогда о прелестяхъ *сокрытаго* предмета
Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
И шѣни прибираю любилъ однѣ къ другимъ,
Въ *отсутствіи* себя портретомъ упѣшая;
Тогда я щасливъ былъ, о щастіи мечтая:
Мечта пріятна намъ, когда она жива.
Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
Не могутъ выразишь сердечныхъ наслажденій,
Которыя во всемъ съ побою нахожу.
Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!
Считаю радости свои числомъ мгновеній,
Не думая о томъ, какъ ихъ изображать.
Любовникъ можетъ ли любовницу писать?
Картина пишется для взора, а не чувства;
И сердцу угодишь не станешь ввѣкъ искусства.
Но еслибъ я и могъ, любовью вдохновенъ,
Въ стихахъ своихъ излить всю силу, нѣжность жара,
Которымъ твой супругъ щасливый упоенъ,
И кистію живой, и чародѣйствомъ дара
Все щастіе свое какъ въ зеркалѣ явишь:
Не думай, чѣмъ я могъ другихъ плѣнить.

Ахъ, нѣтъ! сердечный звукъ споль пихъ, что онъ не
вняпень
Въ мятежныхъ суедахъ и въ хаосѣ спраспей.
Кто испинно блаженъ, топъ свѣшу не пріапень,
Служа сатириою почти на всѣхъ людей.
Споль рѣдко щастіе! и споль несправедливы
Поняпія объ немъ! Иначе кто въ сребрѣ,
Въ приманкахъ гордостии, въ чинахъ и при Дворѣ,
Искалъ бы здѣсь его? Умы самолюбивы:
Я спорить не хочу; но мнѣ позволяшь бышь
Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и любишь!
Такъ паспырь съ берега взираешь на волненья
Непшуновыхъ пучинъ, и видишь корабли
Игралищемъ спихій; желаетъ имъ спасенья,
Но радъ, что онъ споишь надежно на земли.
Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сердечное блаженство
Желаетъ пищины, а Музы любяшь шумъ;
Не испина, но блескъ въ Поэшь совершенство
И ложъ красивая плѣняетъ свѣпскій умъ
Скорѣе, чѣмъ языкъ проспой, нелицемѣрный,
Которымъ говоряшь правдивыя сердца.
Сказавъ, что всякой день, съ начала до конца,
Мы любимъ бышь одни; что мы другъ другу вѣрны
Во всѣхъ движеніяхъ отккрышыя души;
Сказавъ, что всѣ для насъ минуты хороши,
Въ копорыя никшо намъ не мѣшаетъ вольно
Другъ съ другомъ говоришь, другъ друга цѣловашь,
Ласкаешь взорами, задумаешь, молчаешь;
Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно;
Что мы за все, за все Творца благодаримъ,

Не просимъ чуждаго, но щаспливы своимъ,
Моля Его, чщобъ Онъ безъ всякихъ прибавленій
Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и вокругъ:
Я вкусу знатоковъ не угожу, мой другъ!
Гдѣ шущъ Поэзія? гдѣ вымысль украшеній?
Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?
Когда пылающій любовникъ (часпо мнимый)
Спихами говоритъ любовницѣ своей,
Чщо для него она предметъ богопворимый;
Чщо онъ единспвенно къ ней спрасшю живетъ,
За нѣжный взоръ ея короны не возьметъ,
И прочее: тогда ему иной повѣритъ:
«Любовникъ, думаютъ, въ любви не лщемѣритъ;
«Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.»
Но чщобъ супружество для сердца было раемъ;
Чщобъ въ мирной тишинѣ пріятностей своихъ
Оно казалось всегда цвѣтущимъ Маемъ,
Безъ хлада и грозы; чщобъ нѣжный Гимепей
Былъ спраспенъ, и еще сильнѣе всѣхъ спраспей:
То люди назовутъ безсовѣстнымъ обманомъ.
Исторія любви памъ кажется романомъ,
Гдѣ все романами и дышетъ и живетъ.
Нѣтъ, милая! любовь супруговъ шакъ священна,
Чщо бытъ должна опъ глазъ печиспыхъ сокровенна;
Ей сердце храмъ свяшой, свидѣтель Богъ, не свѣтъ;
Ей щасшье другъ, не Фебъ, другъ свѣта и припворсшва:
Она по скромности не любитъ спихотворсшва.

г. 1802.

Б Е Р Е Г Ъ.

=

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пупи,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войши.

Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ее на картѣ нѣтъ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавишься отъ бѣдъ.

Есѣли жъ взоромъ открываютъ
На берегу друзей, родныхъ,
О блаженство! восклицаютъ,
И лепятъ въ объятія ихъ.

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу . . . вы манише
Насъ къ таинственнымъ брегамъ! . . .
Тѣни милыя! хранише
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

г. 1803.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

=

О ты, кошорая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злапа я на бѣдныхъ:
Мнѣ злапа не дано судьбой;
Но глазъ заплакавшихъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правдивы Рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
«Есть гробъ, безсмертье, Божество!»
Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Эпнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его погами;
Тамъ лава услана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственностъ есть гдѣ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ спрадальцевъ, Добродѣтель:
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ!
Въ оковахъ рабъ, въ вѣщѣ Владѣтель,
Равно здѣсь щасливы Тобой.
Твоею силой укрѣпленный,
На мѣсто казни возведенный,
Достойнъ зависи Герой:
У ногъ его лежатъ вселенна!
Онъ намъ оставитъ плѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ —
Душа сама собой блаженна.

Когда міръ цѣлый пренепалъ *
Волнуемый страстями злыми:

* Во время Революціи.

Мой взоръ знамень Твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
Творилъ обѣщанья... слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной....
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обмануть былъ?
Когда жь людей невинныхъ кровью
Земля дымишья начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ злѣ....
Свободу я скупалъ любовью!....

Я былъ игрищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою:
Ихъ огонь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ Твой:
Прости!... Ахъ! льща заблуждений
Текутъ стезею огорчений;
Намъ страшенъ въ младости покой
И терніемъ любезны розы!...
Я жертвой, не широкъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слезы!

Не совѣстью, одной плоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Винный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлеченъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,

Твоей, о Добродѣшель! власпи,
И, блескомъ счастья ослѣплень,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно споль любить Тебя
И нарушать Твои успавы!

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мелн;,
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ спремился къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ опеческимъ брегамъ,
И взоръ его неперпѣливый
Уже открылъ сей край щастливый;
Онъ мыслить радостно: «я шамъ!...»
Вдругъ буря въ ужасъ все приводишь —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнешъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходишь!

Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечпалъ
О тихой пристани, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валь
Сокрыли щастіе злешое!
Пристанища въ семъ мѣрѣ нѣтъ,
И насъ съ послѣднею волною,
Въ землѣ подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждешь!...
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,

Или въ несчастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣшель!...

Смошрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Злашья, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ,
И вдругъ, въ пространствахъ высошъ,
Сливающяся съ ночнымъ мерцашемъ...
Не можно ль съ *стѣсненнымъ сіяньемъ*
Сравнять сей жизни красоты? ...
Оно угасло — но блискаетъ
Еще Полярная звѣзда:
Такъ Добродѣшель никогда
Во мракъ насъ не оставляетъ!...

Осшапокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ воспоргѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ Тебѣ дрожащими руками
Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшенемъ,
Безъ щасія вѣрнымъ наслажденемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя!
Да гасну, вась равно любя,
И милой милую вручая!

г. 1803.

С Т И Х И

НА СКОРОПОСТИЖНУЮ СМЕРТЬ

ПЕТРА АΘΑΝΑΣЬЕВИЧА ПЕЛЬСКАГО *

=

Вчера въ моемъ уединеньи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горѣ, утѣшенъи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По рощамъ мирнымъ въ вечеръ лепный;
Глазами солнце проводилъ
На западъ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!...
Слѣды его еще не скрылись
На сихъ коврахъ травы густой;
Еще цвѣшки не распрямились,
Измятые его ногой —
Но онъ навѣкъ онъ насъ сокрылся!...
Едва вздохнулъ — и вдругъ исчезъ!
Съ дѣтьми, съ друзьями не простился!
Мы плачемъ: онъ не видишь слезъ!...
Ахъ! въ гробъ мершвые покойны!
Ихъ время горевашъ прошло....

* 9 Мая онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и провелъ вечеръ . . . . .

Смерть только для живых есть зло;
Могилы зависши достойны —
Ничтожество не спрашно въ нихъ!...
Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
Умомъ, любезностью своею,
Но тайно мучился душою....
Ахъ! онъ умѣлъ богопворишь
Свою любовницу-супругу *!
Оплакавъ милую подругу,
Кто можетъ въ жизни щасливъ быть?
Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
Усопшихъ, среди могилъ:
Онъ тамъ рѣкою слезы лилъ!...
Тамъ было и его гульбище,
Равно прелестное для насъ,
Равно любившихъ и любимыхъ,
Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!...
Тамъ шихъ изъ-подъ камня гласъ
Ему вѣщалъ ли въ упѣшенье,
Что самъ онъ скоро опдохнетъ
Отъ жизни, въ коей щастья нѣтъ?...
Гдѣ радость есть приготвление
Къ утѣшамъ и печалямъ вновь;
Увы! гдѣ самая любовь,
Нѣжнѣйшихъ душъ соединенье,
Готовишь только сожалѣнье
И гаснетъ навсегда въ слезахъ,
Тамъ есть ли въ благахъ совершенство?...

* Она скончалась въ прошломъ году.

Мечта прелестная, блаженство!
Мелькая въ сердцѣ и въ глазахъ,
Ты насъ желаньемъ упомяешь —
Приводишь къ гробовой доскѣ,
Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
И сердце предаешь поскѣ!

Теперь супруги не разлучны;
Въ могилѣ участь ихъ одна:
Покояшся въ жилищѣ сна,
Или уже благополучны
Чистѣйшимъ новымъ бытіемъ! . . .
А мы во странствіи своемъ
Еще томимые сомнѣньемъ,
Печалью, страхомъ и мученьемъ,
Свой путь съ терпѣніемъ свершимъ!
Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
Что міръ другой насъ ожидаетъ:
Сей свѣтъ пустыня передъ нимъ!
Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
Тамъ, тамъ собраніе вѣковъ,
Мужей великихъ, мудрецовъ,
Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ! . . .
И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
Мы разлучимся лишь на часъ.
Земля гостиница для насъ!

г. 1803.

ПѢСНЬ ВОИНОВЪ.

(СОЧИНЕНА ВЪ 1806 ГОДУ.)

=

Гремитъ, гремитъ священный гласъ
Опечесства, Закона, Славы!
Сыны Россійскія Державы!
Наспалъ великодушныхъ часъ:
Онъ нашъ! . . . Друзья! вооружимся,
Съ врагомъ опечесства сразимся;
Ударимъ мощною рукой,
Какъ дѣши грознаго Борей,
И міру возвратимъ покой,
Низвергнувъ общаго злодѣя!

Цари, народы слезы льютъ:
Державы, воинства ихъ пали;
Европа естъ юдоль печали.
Свершился ль Неба Спрашный судъ?
Нѣтъ, нѣтъ! у насъ Святое знамя,
Въ рукахъ желъзо, въ сердцѣ пламя:
Еще судьба не рѣшена!
Не торжествуй, о Галль надменный!
Твоя побѣда не вѣрна:
Се Россъ, побой не одолѣнный!

Готовъ кровопролитный бой!
Опвѣдай силъ и щастья съ нами;
Сломи грудь грудью, рядъ рядами;
Спупай: увидимъ, кто Герой!
Пощады нѣтъ: тебя накажемъ,
Или мы всѣ на мѣстѣ ляжемъ.
Что жизнь для побѣжденныхъ? стыдъ!
Кто въ плѣнъ дается? боязливый!
Сей острый мечъ, сей мѣдный щипъ
У насъ въ рукахъ, пока мы живы.

Ты намъ дерзаетъ угрожать?
Но Римлянъ спрашныхъ легіоны
Могли ль дать Сѣверу законы?
Полунощъ есть Героевъ мать:
Римъ палъ, ихъ мышцей сокрушенный,
Колоссъ вѣками утвержденный.
Ищи на Югъ робкихъ слугъ:
Сынъ Сѣвера въ спранъ желѣзной
Живетъ съ свободою самъ - другъ,
И Царь ему опецъ любезной.

Но ты идешь: друзья! впередъ!
Гремите звучными щипами,
Сверкайте свѣплыми мечами
И пойте древній гимнъ побѣдъ!
Герои въ старости масшипой,
Дѣлами, саномъ знаменипой!
Ведите юношъ Славы въ храмъ!
Достойный Олтарей Служитель!

Кури священный оиміамъ;
Молись.... Россѣ будетъ побѣдителъ!

О тѣни древнихъ согражданъ!
Въ селеньяхъ горнихъ вы покойны:
Мы славы вашей доспойны;
Обытъ сердечный нами данъ
Служить примѣромъ для потомства;
Не знаютъ Россы вѣроломства
И клятву чести сохранятъ:
Да будетъ міръ тому свидѣтель!
За Галла весь ужасный адъ:
За насъ же Богъ и Добродѣтель!

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

и

СЛАВА АЛЕКСАНДРА I.

ПОСВЯЩЕНО МОСКОВСКИМЪ ЖИТЕЛЯМЪ.

Quae homines arant, navigant, aedificant, virtuti omnia parent.

Саллустій.

=

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская Держава:
Сражень, сражень Наполеонъ!
Народы и Цари! ликуйте:
Воскресь порядокъ и Законъ.
Свободу міра торжесивуйте!
Есть правды Богъ: Тирана нѣтъ!
Преходите шьма, но вѣченъ свѣтъ.

Сокрылось ноши привидѣнье.
Се утре, жизни пробужденье!
Се гласъ Природы и Творца:
«Успавовъ Я не премѣняю:
«Не будушъ камнями сердца;
«Безумства въ умъ не обращаю.

«Злодѣй поржесшвовалъ: гдѣ онъ?
«Исчезъ какъ безобразный сонъ!»

О радость! Въ духъ умиленный
И дѣломъ Бога восхищенный,
Паду, лью слезы и молюсь! . . .
Отецъ! . . . пусть бури мѣръ волнуютъ!
Надъ ними Ты: не успрашусь!
И бури благоспѣ знаменуютъ,
Добро, любовь и спростный чинъ.
О! Ты великъ, великъ единъ!

Умолкло горести роптанье.
Минувшихъ золь воспоминанье
Уже есть благо для сердецъ. —
Изъ рукъ опчаянной Свободы
Пріавъ Власпишельскій вѣнецъ
Съ обѣщомъ умиришь народы
И воцаришь съ собой Законъ,
Сынъ хитрой лжи, Наполеонъ,

Призракъ величія, Героя,
Подъ лаврами духъ низкій кроя,
Возсѣлъ на пронъ — людей карать
И землю прешворять въ могилу,
Слезами, кровью упучивать;
Въ законъ одну поставишь силу;
Не славой, клятвою побѣдъ
Наполнишь успрашенный свѣтъ.

И бысть! Упали Царства, троны.
Его ужасны легіоны
Какъ огонь и бурный духъ текли
Подъ громомъ смерши, разрушенья,
Сквозь дымъ пылающей земли;
А онъ съ улыбкой наслажденья,
Сидя на грудъ мершвыхъ шѣлъ,
Спраданіе и гибель зрѣлъ.

Ничто Аппилы, Чингисъ - Ханы,
Ничто Батыи, Тамерланы
Предъ нимъ въ свирѣпости своей.
Они въ степяхъ образовались
Среди рыкающихъ звѣрей,
И въ вѣки варварства являлись:
Сей люшый шигръ, не человекъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.

Уже гордились мы Наукой,
Ума плодомъ, добра порукой,
И славились искусствомъ жишъ;
Уже мы знали, что Владѣтель
Ошцемъ людей обязанъ бышъ,
Любитъ не власть, но добродѣтель;
И что побѣдами славна
Лишь справедливая война.

Сей извергъ, міру въ казнь рожденный,
Мечшою славы ослѣпленный,
Чшобъ бышъ безсмершнымъ, убивалъ!

Хопѣлъ *вселирныя Державы*:
Лишь Небо Богу уступалъ; *
Топпалъ свящѣйшіе ушавы;
Не скиппромъ іправиль, а мечемъ,
И былъ — Державнымъ палачемъ!

Въ черпогахъ, въ хижинахъ спенали;
Въ вѣнцахъ главы рабовъ сіяли:
Пресполы сдѣлались спыдомъ.
Темнѣли разумъ, просвѣщенье:
Долгъ, совѣсь, честь казались сномъ.
Слабѣла вѣра въ Провидѣнье:
«Гдѣ Мстипшель? гдѣ любовь Опща?»
Грубѣли чувспва и сердца.

Среди гробовъ, опуспюшенья,
Безмолвія, оцѣпенѣнья,
Съ кровавымъ, дерзоснымъ челомъ
Насиліе поржесствовало,
И веселяся общимъ зломъ,
Себя хвалами величало,
Вѣщая: «власпвуесъ Судьба!
«Она мнѣ служишъ какъ раба!»

Еще въ Европѣ опдаленной
Одинъ народъ благословенной
Главы подъ иго не склопалъ;

* На одной медали Наполеонова времени изображено Всеви-
дящее Око, съ надписью: *Тебѣ небо, мнѣ земля.*

Отъ цвѣта жизни до сѣдинъ,
Хранилъ въ душѣ просныя правы;
Въ войнахъ издревле побѣждалъ;
Давалъ инымъ странамъ успавы,
Но самъ жилъ только по своимъ,
Царя любилъ, Царемъ любимъ;

Не славился богатствомъ знаній,
Ни хитростию мудрованій;
Умѣлъ наказывать враговъ,
Являясь въ дружествѣ правдивымъ;
Споялъ за Русь, за прахъ опцовъ,
И былъ безъ гордости щастливымъ;
Свободы ложной не искалъ,
Но все имѣлъ, чего желалъ.

Уже Тиранъ свирѣпымъ окомъ,
Влекомый къ казни шайнымъ Рокомъ,
Измѣрилъ путь въ сію страну,
И подиалъ для нее оковы;
Изрекъ гибель и войну.
Уже рабы его гопювы
Послѣднюю изъ жершвъ заклашъ —
И началась Святая рашъ.

Для насъ Святая!.. Боже Мститель!
Се Ты, злодѣйства Испребишель!
Се Ты на бурныхъ облакахъ,
Въ ударахъ молніи палящей!
Ты въ сердцѣ Россовъ и въ успахъ,

Въ рукѣ за Вѣру, правду мстящей!
Кто Бога Воинспѣвъ побѣдитъ?
У насъ и мечъ Его и щипъ!

Тирани служатъ миллионы:
Героевъ Россскихъ легіоны
Идутъ алмазною стѣной;
А старцы, жены проспираютъ
Десницу къ Вышнему съ мольбой;
Слезами Благость умиляютъ.
Вездѣ куришся оиміамъ:
Россія есть обширный храмъ.

Лежатъ храбрѣйшіе рядами;
Поля устьяны коспами;
Все-пламенемъ испреблено.
Не грады, только честь спасаемъ!...
О славное Бородино!
Тебя попомспѣву оспавляемъ
На память, что Россіи сынъ
Стоишь противъ двоихъ одинъ *!

А ты, Державная Сполица,
Градовъ Славянскихъ Мать - Царица,
Созданіе семи вѣковъ,
Гдѣ пышность, пѣга обипали,
Цвѣли богатства, плодъ трудовъ;

* Увѣряютъ, что Французовъ было 180.000, а нашихъ 90.000, кроме Московскаго Ополченія, не бывшаго въ дѣлѣ.

Гдѣ храмы лѣпошю сїяли,
И гдѣ поконлся въ гробахъ
Царей, Свяшыхъ пенлѣнный прахъ!

Москва! прощаемся съ побою,
И нашей собственой рукою
Тебя мы въ пепель обрашимъ! *
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю съ Небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!
Въ твоихъ развалинахъ найдешъ
Врагъ мира гробъ своихъ побѣдъ.

Свершилось!... Дымомъ омраченный,
Пустыней, пепломъ окруженный,
Узрьшь онъ гибель предъ собой.
Бѣжишь!... но Богъ съ сѣдымъ Героемъ **
Шлеть казнь изъ тучи громовой:
Здѣсь войны блестящимъ строемъ,
Тамъ ужасы зимы и гладъ
Его встрѣчаютъ и мершвятъ.

Какъ въ безднахъ темной Адской сѣни
Толпяся осужденныхъ тѣни
Подъ свисомъ люпыхъ Эвменидъ:

* Очевидцы рассказываютъ, что Карешный и Москотиль-
ный ряды зажжены рукою самихъ лавошниковъ, также и мно-
гіе дома хозяйскою.

** Княземъ Купузовымъ-Смоленскимъ.

Такъ сонмы сихъ *непобѣдимыхъ*,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ спраданіяхъ неизъяснимыхъ
Скипающа среди лѣсовъ;
Имъ пища ледъ, имъ снѣгъ покровъ.

Въ огонь ввергающа опъ хладъ;
Себя шерзающъ въ мукахъ глада:
Полмертвый мертваго грызешъ.
Спадами пицы плотоядны
Лешашъ за ними съ крикомъ въ слѣдъ;
За ними звѣри кровожадны,
Разинувъ челюсти, бѣгутъ
И члены падающихъ рвутъ.

О жертвы хищнаго злодѣйства!
Вы были радостью семейства;
Имѣли ближнихъ и друзей:
Почто вы гибели искали
Въ дали полуночныхъ шепей?
Мы вашей крови не жадали;
Но кто оковы намъ несешъ,
Умремъ — или снѣ самъ падешъ!

Гдѣ ваши Легіоны Спраха?
Лежатъ безмолвно въ пѣдрахъ праха;
Осталась память ихъ одна,
И въпры пепелъ развѣвающъ.
Се ваши громы, знамена:

Младенцы ими здѣсь играютъ. —
Свободны мы, но въ рабствѣ міръ:
Еще Тирановъ цѣль кумиръ.

Еще Европа въ изумленьѣ;
Но скоро общее волненье
Вселяетъ мужество въ сердца.
Гласящъ: «и мы хошимъ свободы,
«И нашимъ бѣдствіямъ конца!»
Подвиглись проны и народы;
Другъ съ друга въ гнѣвъ цѣпи рвутъ,
И съ яростью на брань текутъ.

О диво! зрѣлище Святое! —
Кто въ шумномъ, благолѣпномъ спрѣтѣ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Съ лицемъ умильнымъ и смиреннымъ
Народы къ торжеству ведетъ,
И перстомъ, къ небу обращеннымъ,
Имъ кажетъ Бога вышнихъ силъ,
Съ Кѣмъ онъ уже враговъ сразилъ?

Россіи Царь благочестивый,
Герой въ душѣ миролюбивый!
Онъ долго брани не хотѣлъ;
Спасалъ отъ бурь свою Державу:
Опецъ чадъ-подданныхъ жалѣлъ
И неavidѣлъ крови славу;
Когда жъ мечъ правды обнажилъ,
Рекъ: *съ нами Богъ!* и побѣдилъ.

Вошше Злодѣй окровавленный,
Какъ вебрь до сердца уязвленный,
Оспашокъ собираешъ жершвъ
Коварсшва, лютаго обмана:
У нихъ мечи, но духъ ихъ мершвъ:
Идутъ сражашся за Тирапа!
И съ кѣмъ? съ любовью къ Олшарямъ
Къ свободѣ, къ испиннымъ Царямъ!

Ничшо всѣ хипросши искуссшва
Пропивъ воспорга, правды чувсшва.
Толпы Героевъ и Вождей
Война народная раждасшгъ,
И первый изъ земныхъ Царей
Собою имъ примѣръ являешъ.
(Россія! не спрашисъ: надъ Нямъ
Господь благій съ щипомъ своимъ!)

Днемъ въ полѣ, ношшо не дремлешъ:
Совѣшамъ прозорливыхъ внемлешъ,
Всѣ думы Александръ рѣшишъ;
Предвидишъ замыслы лукавыхъ;
Союзъ опъ зависши хранишъ;
Спыдя виновныхъ, хвалишъ правыхъ
И слабымъ мужесшво даешъ.
Онъ силенъ: въ Немъ коварсшва нѣшъ!

Спокрашно въ бипвахъ одолѣнный,
Изсохшихъ лавровъ облаженный,

Озпаменованный спыдомъ,
Тиранъ перунъ угасшій мечешъ —
И се послѣдній грянулъ громъ,
И новый Вавилонъ шрепещешъ
Колоссъ - Наполеонъ падешъ
Къ ногамъ Царей: свободенъ свѣшъ!

Земли подвиглось основанье!
Гремишъ народовъ восклицанье:
Онъ палъ! онъ палъ! Кипяшъ сердца;
Къ надеждамъ щасстья оживаюшъ.
Какъ дѣши одного опца,
Всѣ, всѣ другъ друга обнимаюшъ. . . .
Онъ палъ! въ воспоргъ цѣлый свѣшъ!
Народы брашья! злобы нѣшъ!

Въ семъ общемъ, радостномъ волненъѣ,
Царей, Героевъ прославленъѣ,
Чье имя первое въ устахъ?
Кому гремяшъ вселенной лики:
Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
Даюшъ названіе *Великій?*
Опечесиво мое! ликуй,
И съ Александромъ торжествуй!

Ошверзлися врага ээира,
И духи выспренняго міра
Парили падъ главой Твоей,
Помазанникъ, Сосудъ Избранный

Ко избавленію людей,
Моцархъ Россіею вѣнчаный,
Но данный Богомъ всѣмъ странамъ,
Языкамъ, будущимъ вѣкамъ;

Когда врагамъ, уже смиреннымъ,
Твоею славой удивленнымъ,
Вышалъ Ты въ благоспи: *миръ вамъ!*
Когда съ любовью восхищенной,
Дошолъ чуждой ихъ сердцамъ,
Они въ сей часть благословенной,
Внимая Ангельскую рѣчь,
Лобзали Твой побѣдный мечъ;

Когда, ихъ чувствомъ умиленный,
Оливой, пальмой осѣненный,
Среди народа и Вождей,
На мѣстѣ обогренномъ кровью
Невиннѣйшаго изъ Царей,
Ты съ чистой вѣрою, любовью
Молясь, колѣна преклонилъ
И Бога гнѣва укротилъ; *

Когда, злодѣями гонимый,
Но втайнѣ добрыми любимый,
Святаго Лудовика сынъ,
Нещасіемъ сопровождаемый

* Чиншатели помнятъ о семъ умилительномъ священнодѣйствіи на мѣстѣ, гдѣ варвары убили Лудовика XVI.

На провъ Тобою возведенный,
Тебя съ слезами обнималъ
И сыномъ Неба называлъ!

Въщайше, лѣпописи Славы!
Какихъ вѣковъ, какой Державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу.... Закройшесь: нѣтъ примѣра!
Къ величію подвигнутъ былъ
Опъ вами, Добродѣтель, Вѣра!
На Бога твердо уповалъ,
И выше всѣхъ Героевъ спалъ.

Россіи слава, Царствъ спасенье,
Наукъ, торговли оживленье,
Союзъ Власпей, — покой, досугъ,
Уму и сердцу вожделѣнный:
О! сколько, сколько счастья вдругъ!
Какъ міръ, грозою потрясенный,
Въ разрывъ смертоносныхъ пучъ
Съ любовью видитъ солнца лучъ:

Такъ всѣ мы пишину встрѣчаемъ,
Привѣтствуемъ душой, ласкаемъ
Изгнанницу столь многихъ лѣтъ!
Забудемъ зло, но разсуждая.
Насъ опытъ къ Мудроси ведетъ:
Изъ глубины вѣковъ блистая
Какъ ясная умовъ заря,
Сія другиня Олшаря
Томъ I.

Къ намъ нынѣ руку простираешъ —
Спрашьямъ велишь молчать — въщаетъ:
«Цари, народы! благо вамъ,
«Десницей Вышняго спасенымъ!
«Но кляшва будущимъ войнамъ,
«Безумцамъ, славой обольщеннымъ!
«Великъ опецъ и другъ людей,
«Не Геній зла, не мужъ кровей.

«Кто слѣдомъ Галліи Тирана,
«Пушемъ насилія, обмана,
«Для Ада радостныхъ побѣдъ,
«Еще къ безсмертью успремишся?
«Спокрашъ онъ прежде смерть пайдешъ,
«Чѣмъ съ нимъ побѣдами сравнишся —
«И сей Наполеонъ въ пыли;
«Живешъ шелерь въ позоръ земли:

«Нешасный пьешъ спыда оправу!
«Цари! *вселирную Державу*
«Оспавъше Богу одному!
«Залогъ, вамъ Небомъ порученный,
«Вы должны возврашшь Ему.
«Не кровью слабыхъ обagreпшый
«Для умноженья обласней,
«Но съ мирнымъ щаспiемъ людей.

«Не для войны живетъ Власпишель:
«Онъ мира, цѣлости хранишель.
«Пусть каждый собственность блюдетъ,

«И чуждаго да не коснешся!
«Тогда спокоенъ будетъ свѣтъ.
«У Дикихъ кровь рѣкою льется:
«Тамъ воинъ — первый человекъ;
«Но вѣкъ ума гражданскій вѣкъ.

«Судишь, давати, блюсти Законы,
«Съ мечемъ въ рукѣ — для обороны
«Опѣ чуждыхъ и своихъ враговъ,
«Есть дѣло вышней Царской власпи.
«Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
«Пока, увы! пымаютъ спраспи.
«Любите знаній тихій свѣтъ:
«Опѣ нихъ — Наполеона пыпъ! *

«Народы! власпи покоряйтесь;
«Свободой ложной не прельщайтесь:
«Она призракъ, спраспей обманъ.
«Вы зрѣли Галловъ заблужденъе:
«И своевольство и Тиранъ
«Опмесли имъ за возмущенъе
«Пропивъ законнаго Царя,
«Успавовъ древнихъ, Олпаря.

«Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
«Тогда не будетъ вашъ Владѣтель
«Святыхъ законовъ попираеть.

* Если бы Наполеонъ злодѣйствовалъ не въ просвѣщенныя
а въ варварскія времена, то онъ могъ бы умереть въ величїи.

«Ко злomu только зло влечется:
«Благимъ и Царь есть благодашь.
«Господь Небесъ о вѣхъ печется;
«И червь Его рукой хранимъ.
«Надъ вами Царь, а Богъ надъ нимъ.

«Въ Правленьяхъ новое опасно,
«А безначаліе ужасно.
«Какъ трудно общество создашь!
«Оно устроилось вѣками:
«Гораздо легче разрушать
«Безумцу съ дерзкими руками.
«Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
«Въ семъ мѣрѣ совершенства штыть!

«Цари да будутъ справедливы,
«Народы вѣрностью щасливы!
«Не искушайте никогда
«Всевышняго въ долгоперѣныи:
«Спасаетъ Богъ — но не всегда.»
Рекла — и мѣръ въ благоговѣныи;
Умолкла — но ея совѣтъ
Есть гласъ ума въ дѣяньяхъ лѣтъ.

Исчезните, примѣры злые!
Теки те щастья дни злые
Для всѣхъ народовъ и Царей!
А Ты, нашъ Царь благословенный,
Спѣши, спѣши къ спранъ Своей,
Побѣдой, славой утружденный!

Вездѣ Ты искренно хвалимъ,
А здѣсь и славимъ и любимъ.

Тебя какъ солнце ждемъ душею!
Ахъ! благодарностью своею
Достойны мы *Твоими* быть!
Гряди съ Геройскими полками,
Копорыхъ памянь будешь живъ
Вовѣкъ съ чудесными дѣлами!
Россійскихъ древнихъ Царствъ глава,
Съдая въ доблести Москва

Съ себя прахъ смерти отрясаетъ;
Развалины свои вѣнчаетъ
Цвѣтами юныя весны.
Не бойся мрачныхъ лицъ, степеній:
Печали всѣ погребены.
Услышишь громы восклицаній:
«Для щастья нашего живи!»
Узришь одинъ восторгъ любви.

г. 1814.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

1891. The first of the year was a
very dry one, and the crops were

very poor. The second of the year was
a very wet one, and the crops were

very good. The third of the year was
a very dry one, and the crops were

very poor. The fourth of the year was
a very wet one, and the crops were

very good. The fifth of the year was
a very dry one, and the crops were

very poor. The sixth of the year was
a very wet one, and the crops were

very good. The seventh of the year was
a very dry one, and the crops were

very poor. The eighth of the year was
a very wet one, and the crops were

very good. The ninth of the year was
a very dry one, and the crops were

very poor. The tenth of the year was
a very wet one, and the crops were

very good. The eleventh of the year was
a very dry one, and the crops were

very poor. The twelfth of the year was
a very wet one, and the crops were

very good. The thirteenth of the year was
a very dry one, and the crops were

very poor. The fourteenth of the year was
a very wet one, and the crops were

very good. The fifteenth of the year was
a very dry one, and the crops were

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Е Р В А Г О Т О М А.

С Т И Х И.

	Спран.
Опытная Соломонова мудрость, или мысли выбранныя изъ Экклезіаста	1
Волга	10
Къ милости	14
Кладбище	16
Къ богинѣ здравія	18
Къ прекрасной	20
Раиса, древняя Баллада	21
Эпипафія	25
Молитва о дождѣ	26
Веселый часъ	28
Военная пѣснь	29
Пѣснь мира	31
Осень	35
Пѣснь Божеству	36
Посланіе къ Дмипріеву	38
Къ Д*	45
Къ соловью	46
Филлидъ	48
На разлуку съ П**	50
Проспи	52
Надгробная надпись Боннету	54
Любезной, въ день ея рожденія	55
Спрашосъ любви, или безсонница	56
Веселее чувство	59
Надежда	61

	Стран.
На смерть Князя Г. А. Хованскаго	63
Къ бѣдному Поэту	66
Отставка	71
Посланіе къ Александру Алексѣвичу Плещееву	73
Опѣвъшъ моему пріятелю, кошорый хопѣлъ, чшобы я на- писалъ похвальную оду Великой Екатерины	81
Къ ней	82
Двѣ пѣсни	83
Приписаніе къ Г-жѣ N, кошорая желала, чшобъ я списалъ для нее сіи двѣ пѣсни	87
Соловей, галки и вороны. Басня	—
Прощаніе	88
Къ самому себѣ	89
Пѣсня	91
Время	93
Къ порипрепу Ея Императорскаго Величества Государы- ни Императрицы Елисаветы Алексѣвны	94
Государынь Императрицъ Марии Ѳеодоровны въ день Ея рожденія	—
Къ Мелодору, въ опѣвъшъ на его Пѣснь Любви	95
Хлоя	—
Лилей	96
Гекпюръ и Андромаха	98
Посланіе къ женщинамъ	103
Графъ Гвариность, древняя Гишпанская Историческая пѣсня	118
Послѣднія слова умирающаго	125
Любовь и дружба	—
Печаль и радость	126
Страсти и безпираспіе	—
Спорщикъ	127
Любовь ко врагамъ	—
Къ невѣрной	128
Къ вѣрной	133
Долина Иосафатова, или долина спокойствія	137
Эпиграфа	139
Слихи на день рожденія А. А. П — ой	—

Тріолетъ Алетъ въ шопъ день, какъ ей исполнилось	14
летъ	140
Тріолетъ Лигетъ	141
Опвѣтъ на спихи одной дѣвицы	—
Im-promptu Графинъ Р*, копорой въ одной святошной игрѣ доспалось бытъ Королевою.	142
Im-promptu двумъ молодымъ дамамъ, копорыя въ маскахъ по- дошли къ Авпору, и хотѣли увѣрить его, что онъ ихъ не узнаетъ.	143
Делины слова	—
Надпись къ дамской табакеркѣ, на копорой изображены мраморный сполнъ и цвѣшокъ	144
Нескромное эхо	—
Надпись къ портрету жестокой	145
Къ лѣсочку Полины	—
Дарованія	146
Къ Алинѣ на смерть ея супруга	166
Къ Лилѣ	168
Выборъ жениха	171
Разлука	173
Клятва и пресупленіе	174
Хоръ и куплеты, пѣные въ Маренской рощѣ друзьями почтешаго хозяина, въ день именинъ его	175
Куплеты въ честь пѣжной Маперы, пѣные ея семействомъ, въ уединенномъ и пріятномъ мѣстѣ, копорое называется ея именемъ: Дарынымъ	178
Надписи на спашую Купидона	180
Два сравненія	183
Дурной вкусъ	—
Вопросы и опвѣты	184
Характеръ Нисы	—
Покой и слава	185
Исправленіе	186
Непостоянство	189
Эпиграмма	190
Истина	—

	Стран.
Мыслятъ и не мыслятъ	190
Надгробіе шарлапана	191
Перемѣна цвѣта	—
Желаніе	192
Тацишъ	—
Къ Шекспирову подражанію	193
Куплеты изъ одной сельской Комедіи, игранной благород- ными любителями Театра	194
Пропей, или несогласіа Спихощворца	199
Его Императорскому Величеству, Александру I, Самодерж- цу Всероссійскому, на восшествіе Его на престолъ	212
На торжественное коронованіе Его Императорскаго Ве- личества, Александра I, Самодержца Всероссійскаго	218
Меланхолія, подражаніе Делилю	225
Гимнъ глупцамъ	227
Филипы и соловей, или просвѣщеніе. Басня	232
Стихи на слова, заданныя мнѣ Хлоєю: мигъ, картина и дверь	233
Къ Эмилиі	237
Берегъ	241
Къ добродышели	242
Стихи на скоропостижную смерть Пепира Аѳанасьевича Пельскаго	247
Пѣснь воиновъ	250
Освобожденіе Европы и слава Александра I.	253

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenija Karamzina

Bd.: 1

Sanktpeterburg' (1834)

P.o.russ. 55 p-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610037-6